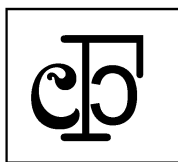

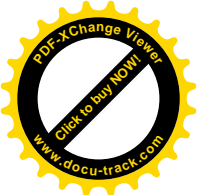
**Министерство образования и науки Российской Федерации
Башкирский государственный педагогический университет
им. М. Акмуллы**

В.Л. Бенин, Т.З. Уразметов

***МИФЫ И РЕАЛЬНОСТЬ
ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА***

Уфа – 2010

УДК 008:39
ББК 71.05
Б 46

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета Башкирского
государственного
педагогического университета
им. М.Акмуллы

Бенин, В.Л. Мифы и реальность этнокультурного пространства [Текст] / В.Л. Бенин, Т.З. Уразметов. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. – 118с.

Монография посвящена различным аспектам проблемы взаимодействия культур в этнокультурном пространстве. В ней выявляются сущность и специфика этнокультурного пространства; виды и формы взаимодействия этносов в пространстве и времени; исследуются причины и возможные перспективы конфликтов этнокультурных систем; рассматривается феномен этнической мифологии.

Книга адресована преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам культурологических специальностей, всем интересующимся вопросами культуры и истории.

Книга печатается в авторской редакции.

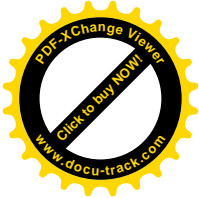
Рецензенты:

Кафедра культурологии и социально-экономических дисциплин
Башкирского государственного педагогического университета им.
М.Акмуллы;

В.А. Иванов, доктор исторических наук, профессор.

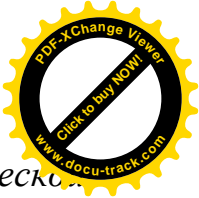
© В.Л.Бенин, Т.З.Уразметов, 2010

© Издательство БГПУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	7
Культурная сущность пространства и времени.....	7
<i>Пространство и время как научные категории.....</i>	<i>7</i>
<i>Формирование современных представлений о пространстве и времени...15</i>	
Этнокультурное пространство.....	19
<i>Феноменология социокультурного пространства.....</i>	<i>19</i>
<i>Структура этнокультурного пространства и роль диалога в его формировании.....</i>	<i>25</i>
<i>Особенности формирования современного этнокультурного пространства.....</i>	<i>34</i>
ГЛАВА 2. ЖИЗНЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА.....	42
2.1. Виды и формы взаимодействия этнокультурных систем.....	42
<i>Особенности взаимодействия и диалога этнических культур.....</i>	<i>42</i>
<i>Этапы и особенности взаимодействия этносов.....</i>	<i>51</i>
2.2. Виды и формы взаимодействия этносов в пространстве и времени.....	63
<i>Избирательность участников этнокультурного взаимодействия.....</i>	<i>63</i>
<i>Контакты, аккультурация и навязывание культуры.....</i>	<i>65</i>
ГЛАВА 3. КОНФЛИКТЫ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	74
3.1. Конфликты этнокультурных систем.....	74
<i>Природа конфликта и насилия.....</i>	<i>74</i>
<i>Причины этнических конфликтов.....</i>	<i>82</i>
3.2. Этническая мифология.....	90
<i>Сущность этнической мифологии.....</i>	<i>90</i>

Урегулирование конфликта как часть этнической мифологии.....98

Заключение.....104
Литература.....111

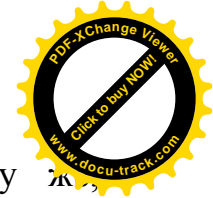
Предисловие*

Современное человечество стоит перед необходимостью решения большого количества новейших цивилизационных проблем. Глобализованность всех социальных процессов и густонаселенность Земли делают вопросы, связанные с размещением человека в планетарном пространстве и взаимодействия в его рамках, первостепенными. Противостояние глобализационных и центробежных тенденций в культуре различных народов заставляют говорить о необходимости изучения особенностей функционирования этносов в рамках региональных пространств.

Необходимо познать мировоззрение, причинно-следственные взаимосвязи активности и пассивности в сфере материального и духовного производства того или иного народа, его дух. На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить, рассматривая этнокультурное пространство региона.

Представления человека об окружающем мире, прежде всего, основаны на видении пространства, в котором он живет. В отличие от животных, для которых пространство – это только чувственно, зрительно воспринимаемая система координат, человек наполняет пространство огромным количеством смыслов. Картина мира включает в себя большое количество компонентов, начиная от природно-климатических и ландшафтных характеристик и заканчивая всем, что связано с видением человека собственного места в этом мире, места собственного народа и, наконец, места других народов на планете.

Большая широта понятия «пространство» заставляет в его изучении обращаться к опыту и достижениям целого спектра наук, таких как география, физика, геометрия, история, культурология, этнология, геополитика, философия... Такое количество предметных областей, изучающих пространственную организацию человека и всего, что его окружает, с одной стороны, говорит о важности данной категории. С другой стороны, это приводит к мысли о невозможности охватить все многообразие

понятия «пространство» в рамках одного исследования. К тому же естественные науки изучают закономерности существования физических тел в пространстве. Что же до наук гуманитарных, они рассматривают все многообразие проявлений деятельности человека как творца не только физического, но и духовного пространства.

Даже при сужении поля заявленного исследования до гуманитарных аспектов, проблема остается очень широкой и практически неохватной. Поэтому авторам надлежит четко обозначить круг тем, которые будут играть главную роль в их исследовании. Это позволит уйти от распыления сил и поможет сосредоточиться на наиболее актуальных аспектах содержания понятия «пространство».

Проблема понимания категории «пространство» вызывала интерес мыслителей с древнейших времен. Изучение природы пространства до сих пор продолжается. При этом возникали и продолжают возникать самые разные концепции.

Древнегреческие философы-атомисты (Левкипп и Демокрит), Платон, Аристотель, Пифагор и многие их ученики открыли эпоху изучения данного понятия. Рассматривая систему Демокрита, мы видим два пространства: непрерывное физическое пространство как вместилище и математическое пространство, основанное на амерах (единицах протяжения материи).

Концепция абсолютного пространства и времени сформулирована И. Ньютоном. Г.В. Лейбниц рассматривал пространство как порядок существования тел.

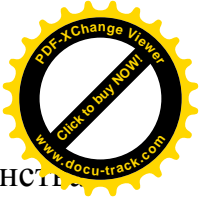
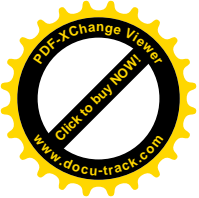
Существовали и концепции, ставившие пространство в зависимость от человеческого сознания. Э. Кант рассматривал его как априорную форму чувственного созерцания, вечную категорию сознания.

Современное понимание пространства сформулировано в теории относительности А. Эйнштейна.

До Новейшего Времени пространство изучалось либо как математическая (физическая) характеристика, либо как философская категория. При этом всю историю человечества проблема пространства интересовала его не только как материальная трехмерная или четырехмерная система координат, но и в плане чувственного восприятия.

Уже с древнейших времен в практической сфере жизнедеятельности людей проблемы пространственной организации межличностных и межгрупповых отношений являются ключевыми в плане поиска гармонии сосуществования человечества. Платон, Н. Макиавелли, З. Бжезинский – вот лишь самые яркие имена исследователей форм организации социума в пространстве от Античности до наших дней. Но данные исследователи были связаны, прежде всего, со сферой политики.

Переход в исследованиях пространства в сферу культуры был осуществлен специалистами в сфере культурологии и семиотики (Р. Барт, М.С. Каган, Ю.М. Лотман, В.Ю. Розенцвейг и др.). Взаимодействие культур, текстов и языковых систем делало необходимым выделение пространства распределения культуры в целом и знака в частности.

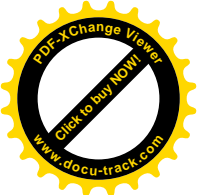
Наиболее значимыми в изучении социального измерения пространства стали исследования П.А. Сорокина. Он подробно рассмотрел принципы формирования социального пространства и все возможное разнообразие форм и динамики его развития.

Большой вклад в изучение этнических пространств внесли В.П. Алексеев (концепция антропогеоценоза) и Л.Н. Гумилев (теория пассионарности), Н.Н. Чебоксаров и И.А. Чебоксарова (расоведение). Эти авторы значительное внимание уделяют ландшафтному распределению народов, взаимосвязи и взаимозависимости человеческих коллективов и природного окружения.

На современном этапе широкое распространение получил термин «этнокультурное пространство». При этом мы не встретили ни одной работы, предлагающей конкретное и четкое раскрытие его содержания и выделявшей его основные элементы. Такое использование девальвирует термин, сводит его к обыденным или общеупотребимым категориям, смысл которых общеизвестен и банален, а поэтому не требует разъяснения. Данное положение понятия «этнокультурного пространства» по отношению к культурологическим, социологическим, политологическим и историческим терминам составляет одну из центральных проблем нашего исследования.

Другой проблемой исследования является закрепившееся в этнологии, социологии, политологии и других общественных науках представление о существовании эффективных методов и способов разрешения межэтнических конфликтов. Наша позиция основана на убеждении в обратном. Именно в этом мы видим причины многих проблем не только развития данной области знаний, но и общественного развития.

Итак, для нашего исследования наиболее важным является этнокультурный аспект пространственной организации человека и общества, и на нем мы сосредоточим основное внимание. Данное исследование является лишь предварительной попыткой моделирования процессов, происходящих в этнокультурном пространстве, которые пока остаются только приближением и первым шагом к действительности. Мы рассмотрим только некоторые из общих аспектов функционирования этнокультурного мира. Многие аспекты существования этнокультурных пространств, возможно, станут объектами будущих исследований.

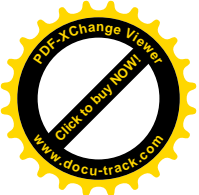
ГЛАВА 1. СУЩНОСТЬ И ОСОБЕННОСТИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

Культурная сущность пространства и времени

Пространство и время как научные категории. Мир человека – это мир культуры. В своем первоначальном значении («возделанное») культура противостоит «натуре» **S** природному, «дикому» и означает все то, что отличает человека от природы, отличает искусственное от естественного. Культура включает в себя не только накопленные людьми материальные и духовные ценности, но также и способы их приумножения.

Человек **S** единственный из живых существ, обитающий в двух мирах одновременно. С одной стороны, он **S** природное тело, подчиненное всем физическим, химическим и биологическим законам, и вне природного мира его существование немислимо. Эта жизнь, увы, кратковременна и ограничена в пространстве и времени. Поскользнувшись, мы падаем вниз, а не воспаряем в небеса, что продиктовано законом тяготения. По тем же законам природы, в один момент времени мы можем находиться лишь в одной точке пространства.

Но, с другой стороны, человек принадлежит миру вечности. Стоит подойти к книжной полке, протянуть руку, открыть том Аристотеля, и мы начинаем воспринимать мысли, то есть общаться, с великим мудрецом античности, хотя между нами тысячи лет и тысячи километров. Этот мир свободен от оков времен и расстояний. В нем человек сопереживает открытиям Ибн Фадлана и общается с мыслителями эпохи Возрождения, встречается с гением Гейне и Пушкина, сопереживает взглядам Шекспира и Дидро. Возможно, именно эта принадлежность человека к двум мирам и лежит в основе религии, по-своему ее отразившей и противопоставившей мир земной (природный) **S** миру божественному, мир преходящий **S** миру вечному. Потому и неверно исключать религиозные взгляды из мира культуры. Но для нас в подобном феномене главное то, что он наглядно

показывает: социальные характеристики времени и пространства не сводятся к естественнонаучным.

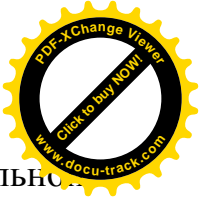
Культура возникает вместе с людьми и вместе с ними претерпевает исторические изменения. Первый пласт культуры **S** зарождение языка и речи **S** послужил той разграничительной линией, которая раз и навсегда отделила мир животных от мира людей, мир биологический от мира социального. Не ошибется тот, кто скажет, что культура **S** это своего рода код, наносимый обществом на предметы природы и формы межличностных отношений.

Общество, создавая искусственную природу, одновременно формирует и людей, способных потреблять зашифрованную в ней культуру. Так культура общества выявляет свою двойственную природу. С одной стороны, она **S** окаменевшие формы деятельности, закрепленные в предметах, с другой стороны **S** мысленные формы деятельности, закрепленные в сознании людей. Живая культура общества возникает из единства предметного и мыслимого компонента.

Мысль человека может оставаться нематериализованной, но сам человек – часть материального мира. Со времен ознакомления с азами вузовского курса философии, всем известно, что «в мире нет материи, не обладающей пространственно-временными свойствами». Принимая данное утверждение, мы должны согласиться, что все процессы и явления, происходящие с человеком и обществом, также разворачиваются в пространстве и времени. Это означает, что ни один социокультурный феномен невозможно представить в отрыве от его функционирования в пространстве и времени.

«Пространство есть форма бытия материи, характеризующая ее протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие элементов во всех материальных системах». Проблемы познания, связанные с представлениями о категории «пространство», многоаспектны. И все же есть общие законы существования пространства и всего, что находится в нем. Не случайно И. Кант подчеркивал: «Представить себе можно только одно-единственное пространство, и если говорят о многих пространствах, то под ними разумеют лишь части одного и того же единственного пространства. К тому же эти части не могут предшествовать единому, всеохватывающему пространству, словно его составные части (из которых можно было бы его сложить): их можно мыслить только находящимися в нем».

Философы делают акцент на онтологической природе понятия «пространство», считая, что оно играет важную роль в культуре, является одним из ее базовых понятий. «Пространство» и «время» в философии – две категории, посредством которых обозначаются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их событие, сосуществование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их существования. Они представляют собой несущую

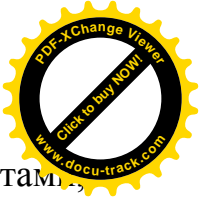
конструкцию любой известной до настоящего времени объяснительно-картины мира.

Прежде всего, понятие «пространство» рассматривается в тесной связи с категорией «время», которое определяется как «форма бытия материи, выражающая длительность ее существования, последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем». Чаще всего проблема восприятия пространства и времени была связана с объективностью и субъективностью данных категорий. Если для естественных наук объективность в суждениях о пространстве и времени – главная центрирующая тенденция всех исследований, то для гуманитарного знания пространство и время могут восприниматься и как субъективные (перцептуальные), и как объективные характеристики человеческого бытия в равной степени. Эта двойственность является неотъемлемой чертой исследования любых категорий гуманитарными науками.

К основным свойствам пространства традиционно относят протяженность, однородность, неизменность и трехмерность. Поэтому пространство можно определить как систему координат сосуществующих предметов, процессов и явлений. Соответственно, основными характеристиками времени являются длительность, одномерность, необратимость и однородность и определить его можно как систему координат сменяющихся предметов, процессов и явлений. Данные характерные черты пространства и времени полностью соотносятся с субстанциальной концепцией, которая основана на автономности пространства и времени, которые существуют параллельно материи в целом. «Субстанция, объективная реальность, рассматриваемая со стороны ее внутреннего единства; материя в аспекте единства всех форм ее движения; предельное основание, позволяющее сводить чувственное многообразие и изменчивость свойств к чему-то постоянному, относительно устойчивому и самостоятельно существующему».

В таком случае, положение любого объекта по отношению к другим в пространстве может быть точно указано с помощью трех величин. Время же устанавливает и соотносит события между собой по одному показателю. Таков чисто математический взгляд на пространственно-временные характеристики бытия человека и процессы, протекающие в обществе.

И. Ньютон, размышляя о пространстве и времени, подчеркивал, что «эти понятия обыкновенно относятся к тому, что постигается нашими чувствами. Отсюда происходят некоторые неправильные суждения, для устранения которых необходимо вышеприведенные понятия разделить на абсолютные и относительные, истинные и кажущиеся, математические и обыденные». Великий английский богослов и основатель классической механики четко разделял математическое бытие и обыденное (или чувственное) восприятие окружающего мира, абсолютизируя пространство и время, и скептически относясь к обыденному восприятию. «Как неизменен порядок частей времени, так неизменен и порядок частей пространства».

Абсолютное пространство по своей сущности, не связано с объектами, помещенными в него, и безотносительно к чему бы то ни было остается всегда одинаковым и неподвижным. Относительное пространство есть мера, которая определяется чувствами, и которое воспринимается за неподвижное пространство.

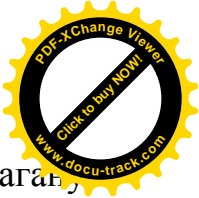
Однако мы, в отличие от Э. Канта и И. Ньютона, в данном исследовании не можем позволить себе отвлечься от чувств. Проявления пространства и времени рассматриваются нами через призму социальной действительности, где их содержание находится под влиянием как психологии отдельного человека, так и психологии масс. Психологическое время индивида связано с индивидуальным и массовым восприятием и переживанием времени и пространства, с той только специфической особенностью, что здесь это – социальное пространство и социальное время.

Социальное пространство определяется материальными характеристиками и включает в себя распределенные и включенные в процесс производства богатства естественных предметов труда и естественных предметов потребления. Как видим, здесь основным моментом является труд как основа и процесса распределечивания, и процесса производства. Не вдаваясь в подробный анализ, подчеркнем, что процесс труда всегда есть целесообразная деятельность, т.е. деятельность, соотнобразующаяся с конкретными целями.

Понятие «социальное время» было введено в научный оборот в 60-х годах прошлого века. Уже Я.Ф. Аскин, одним из первых специально исследовавший проблему времени, счел необходимым отделить ее от проблемы пространства; подчеркнул ограниченность исключительно физической трактовки времени. Определенный спецификой социальной формы движения материи, особый характер социального времени выводился в работах этого периода логически, посредством связи пространства и времени с материей и обусловленности многообразия пространственно-временных форм соподчиненностью форм и уровней движения материи

Приблизительно в те же годы, основываясь на специфике своих наук, активизируют исследования бюджета времени трудящихся экономисты и социологи, осуществившие переход к теоретическим обобщениям накопленного материала. Проблема времени привлекает внимание историков, ее субъективно-личностным аспектом заинтересовываются психологи, искусствоведы, эстетики. Столь многоплановое, разностороннее и вместе с тем «синхронное» рассмотрение специфики характеристики времени в различных сферах общественной жизни способствовало «эмансипации» социального времени от времени физического, осознанию того, что «сущность времени (в обществе - авт.) не может быть сведена к тому, что заключено в уравнениях физики».

Успехи, достигнутые на пути познания социального времени, позволили перейти к его более фундаментальному исследованию. Было выяснено, что «сущность социального времени определяется характером общественной жизнедеятельности и той формой общественных отношений,

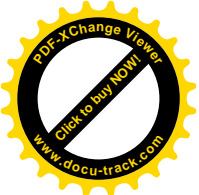
которые при этом господствуют». Все это и дало право М.С. Кагану обоснованно резюмировать: «таким образом, первый существенный шаг к осознанию специфически философского понимания времени сделан – разграничено понятие времени как таковое в его всеобщем содержании и понятие о физическом (в частности астрономическом) времени как форме протекания природных процессов».

И все же содержание понятия «социальное время» до сих пор еще довольно расплывчато. Чаще всего под ним понимается определенный отрезок времени, на протяжении которого существует то или иное социальное образование. Нет необходимости доказывать, что социальное время существует «внутри» времени физического. Но вряд ли целесообразно рассматривать его как простую проекцию «от Ромула до наших дней» на беспредельное течение физического времени из прошлого в будущее, ибо социальное время кроме характеристики «прошлое – будущее» должно обладать и своей социально-качественной характеристикой. Следует согласиться с Е.А.Беляевым и Л.Н. Люблинской: «причина трудностей в анализе категории времени заключается прежде всего в том, что само понятие времени, обладая атрибутивным статусом, проявляется как множество специфических реализаций на различных структурных уровнях существования материи, поэтому всегда необходимо уточнять систему, относительно которой рассматриваете время, определяя при этом и сам аспект рассмотрения».

В отличие от физического, перцептуальное время «ускоряется», когда жизнь наполнена событиями и «останавливается», когда человек напряженно ждет чего-либо. Это зависит от определенных ситуаций и событий в жизни отдельного человека и целых народов. Представления об индивидуальном и социальном пространстве человека и этноса может также зависеть от большого количества внешних и внутренних факторов. Время и пространство могут иметь различные оценки, которые никак не связаны с их объективными характеристиками: «красивое место» – «глухой уголок», «ужасное время» – «лучшие годы» и т. д. Субъективное, психологическое ощущение времени и пространства крайне своеобразно в своих воплощениях, хотя и может определяться чисто физическими параметрами.

Для нашего исследования важна связь этих категорий с восприятием человеком окружающего мира. Поэтому мы не можем принять в качестве основополагающего субстанциальный подход. Это не означает, что мы в принципе отрицаем его как неверный. Мы лишь не можем принять такой подход как корректный для изучения заявленной проблематики.

Более ценной для нас является реляционная концепция. «Релятивизм, методологический принцип, состоящий в метафизической абсолютизации относительности и условности содержания познания». Данный взгляд представляет пространство и время как систему, взаимодействующую в неразрывной связи с материей в целом, и человеком в частности. В этом

случае пространство и время выступают важнейшей системой координат, в рамках которой и с помощью которой строит свою жизнь человек.

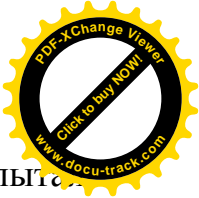
Согласно принципу относительности А.Эйнштейна, все процессы в инерциальных системах отсчета протекают одинаково. Пространственные расстояния меняются при переходе от одной системы отсчета к другой, движущейся относительно первой. Согласно этой теории, пространство не существует отдельно, как нечто противоположное тому, что его заполняет и что зависит от координат. Пустое пространство, т.е. пространство без поля, не существует. Теория относительности показала единство пространства и времени, выражающееся в совместном изменении их характеристик.

Культурное пространство, безусловно, не только зримо, осязаемо и осязаемо. Оно пространство также воображаемо и мыслимо, что выражается в появлении и взаимодействии различных идей и концепций, созданных в ходе развития конкретных сфер жизнедеятельности человечества.

В силу того, что пространство и время мыслимо и понимаемо только человеком и в силу невозможности абсолютной объективности человеческого восприятия, они становятся зависимыми от особенностей последнего. Пространство и время, в таком случае, начинают менять своё содержание в зависимости от степени субъективизма восприятия окружающего мира человеком и коллективом, членом которого он является. При этом данные категории получают предельную степень относительности. Корреляция и степень соотносимости восприятия пространства и времени отдельными людьми и их различными коллективами может отсутствовать вовсе.

Особенно наглядно видна относительность восприятия пространства и времени представителями архаических и «примитивных» культур. У народов, находящихся на первобытной стадии развития, отсутствуют абсолютные единицы измерения чего бы то ни было. Кроме того, все происходящее в окружающем мире для первобытного человека не только синхронно, но и диахронно одновременно. Мировосприятие первобытного человека в целом не только не похоже на современное, но во многом остается загадочным. «Только тот, кто в детстве обладал богатым воображением, может снова осознать, какими значительными, важными или дружескими должны были казаться людям каменного века причудливые формы скал, заросли леса, деревья и т. п., и как сны и фантазии создавали сказки и легенды вокруг таких явлений, приобретающих достоверность по мере того, как о них рассказывали». К сожалению, как многие сказки и легенды, так и знания о пространственно-временных константах той далекой эпохи не дошли до нас и потому, изучая дописьменные культуры, исследователю нередко приходится опираться на собственную фантазию.

Важное место в формировании культуры любого народа занимают исторически сложившиеся традиции и особенности восприятия пространства. «Любая система живет не только по законам саморазвития, но также включена в столкновения с другими культурными структурами», – отмечал Ю.М. Лотман. Невозможно найти на планете народ, который за все

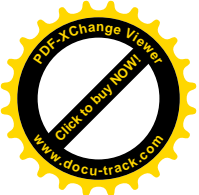
время своего существования не менял бы место проживания, не испытывал бы давления на свое жизненное пространство со стороны соседа или сам не оказывал давления на территорию того, кто живет рядом. Необходимость установления границ требовала постижения особенностей пространственной организации жизни.

Расстояние измерялось локтями, шагами («Человек есть мера всех вещей»), полетом стрелы, копья или дротика, либо дневным переходом. Уже при первом взгляде на этот перечень параметров видно, что никаких, даже приблизительных, стандартов здесь нет и быть не может. Локоть и шаг серьезно отличаются в зависимости от ростовых характеристик человека. Дальность полета стрелы, копья или дротика также зависима от мускульной силы охотника. Дневной переход зависит, в том числе, от особенностей рельефа местности и выносливости отдельных людей. Знаменитый русский «гак» («там версты две с гаком») может быть гораздо больше, чем расстояние в верстах, к которому он присовокупляется, когда речь идет о неизвестном расстоянии до объекта. При этом расстояние до известного объекта, например, деревни, где живут родственники, всегда мыслится меньшим, чем до неизвестного (деревни, где живут чужаки), даже если фактически все наоборот. О точности, единообразии и абсолютизации пространственных критериев наши древние предки не задумывались, в том числе, и потому, что в этом еще не было потребности.

Масштабы известного, ощущаемого и воспринимаемого пространства зависели и зависят от степени знакомства человека или народа в целом с размерами Ойкумены и Вселенной. Так, человек, никогда далеко не выходивший за окрестности своей деревни (вплоть до начала Новейшего времени это было частым явлением), приехав в город, попадал в ситуацию культурного шока. Многие государства древности (например, Вавилония, Ассирия, Персия) позиционировали себя как мировые державы, имея совсем небольшие по современным меркам размеры. Даже великий итальянский средневековый путешественник Марко Поло, рассказавший соотечественникам о далеком Востоке, встретил непонимание и недоверие.

Изначально время, как и пространство, также не имело абсолютных единиц измерения. В большинстве случаев для его измерения использовалось время суток, лунные фазы, сезоны, инициации и поколения. Дальность обзора во времени была очень невелика. В лучшем случае – три поколения. В древние бесписьменные времена средняя продолжительность жизни человека ограничивалась 30 – 35 годами. Достаточно редко дедушки и бабушки доживали до сознательного возраста своих внуков. В том числе и поэтому все, что лежало за пределом трех поколений, было очень туманным и часто оценивалось такими категориями как «давно», «в далекие и незапамятные времена».

Человек как творец и творение культуры живет во времени, борется с ним, прокладывает дорогу к прошлому и будущему своего существования. «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур». Человек немислим вне времени.

Культура как продукт человеческой деятельности также неразрывно связана с временными параметрами. «Вне непосредственного материального действия (на предмет) культура должна выступать для меня как образование, как всеобщий – развернутый во времени – процесс усвоения знаний, накопленных человечеством».

Время существования культуры имеет начальную точку отсчета, связанную с появлением человека на Земле. Современная наука, к сожалению, не может точно определить это время. Возможно, как утверждает генетика, это произошло около 200 тыс. лет назад. При всей условности наших знаний, мы с абсолютной уверенностью можем лишь сказать, что такая точка отсчета была. Как и некая абстрактная общая нулевая точка отсчета для всех векторов развития культуры, как это ни печально, должна существовать и некоторая конечная точка, к которой несет река времени все культуры.

Зарождение культуры – процесс весьма длительный и сложный, возможно определяющий весь путь ее дальнейшего движения. От своей нулевой точки отсчета культура развивалась по пути развертывания в пространстве все новых и новых социокультурных систем, появления генетически или родственно близких культур на обширных пространствах различных континентов, образованию будущих реликтовых культур (на о. Пасхи, о. Новая Гвинея, у южноамериканских индейцев и т. д.), созданию новообразований при смешении или поглощении различных племен. Увеличение численности народов приводило к перемещению и взаимодействию культур на различных уровнях.

Нулевая точка содержала в себе потенциал развития, а конечная точка будет вмещать в себя весь накопленный культурно-исторический опыт. И если нулевой точкой можно считать время появления человека на Земле, то конечных точек существования человеческих культур великое множество. Человек создал оружие, которое способно не один раз уничтожить все живое на Земле. Возможно, человечество освоит иные миры, после того как приведет в негодность условия существования на собственной планете. Конец обязательно будет. Так, в соответствии с одним из сценариев развития Вселенной, она перестанет расширяться. Вновь начнется ее сжатие, которое закончится сжатием до нулевого объема. Возможно, все закончится еще раньше. Наступит разрыв материи в результате предельного расширения Вселенной, при котором материя может оставаться стабильной. Так или иначе, с исчезновением привычного состояния пространства наступит конец времени и будет положен предел человеческому существованию.

Век существования человечества предельно, также предельно существование отдельных культур. Одни векторы завершают свое развитие в конечной точке (странные и необъяснимые остановки в развитии и внезапное исчезновение некоторых культур Месоамерики), другие могут в своей конечной точке стать точкой отсчета для новой культуры преемников. «Система либо прекращает свое существование, либо, если она продолжает

жить, должна снова повторить один или большее число поворотов и форм, через которые она прошла».

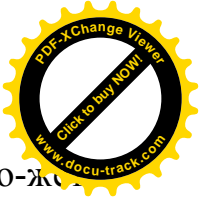
Мировую культуру можно представить как множество соударяющихся, соединяющихся и распадающихся во времени и пространстве сложных «молекул». Изначально по структуре культуры представляли собой простые, в сравнении с современными системами, «атомы». Постоянно сталкиваясь с другими «атомами», они обрастали новыми элементами. Так появились «молекулы» – сложные системы, состоящие из «атомов». При взаимодействии различных культур могло одновременно происходить и усложнение (или упрощение) структуры, и отклонение ее развития в сторону, что приводило к новому изменению структуры при взаимодействии с очередной «молекулой» культуры. Мощная атака нескольких равновеликих и равнонаправленных «атомов» на какой-то один приводила к распаду атакуемого и его исчезновению. Различные культуры, таким образом, передают друг другу направленность развития, принимая, передавая или навязывая те или иные культурные доминанты.

Формирование современных представлений о пространстве и времени. Отсутствие единой системы измерения пространства было характерно для мировой цивилизации не только на первобытном этапе. Попытки систематизировать представления о нем осуществлялись, начиная с эпохи древнего мира. При этом в каждом конкретном случае «танцевали» от своей «печки». В Англии, например, за единицы измерения были приняты параметры тела короля и его шаги.

7 апреля 1795 г. во Франции был принят декрет о введении метрической системы мер. В 1875 г. 17 государств, включая Россию, подписали метрическую конвенцию. Таким образом, только в 1875 г. было положено начало созданию единых параметров измерений на основе десятичной системы, что ознаменовало постепенное введение метрической системы мер как международного единства измерения пространства в ряду прочих физических величин. Россия полностью перешла на метрическую систему лишь в 1918 г. Эта система мер была введена в качестве обязательной декретом СНК РСФСР 14 сентября 1918 г. Но Великобритания (и многие другие англоязычные страны) до сих пор параллельно с метрической используют свою, более архаичную систему измерения, так называемую английскую систему мер.

Современные представления об измерении времени были заложены древними шумерами, создавшими шестидесятеричную систему счисления. В России же вплоть до XVIII в. в обиходе практически не употреблялись минуты и секунды. Только Петр I заставил академиков следить за минутами, установив регламент времени докладов.

В целом восприятие пространства и времени зависело от уровня развития как отдельного человека, так и общества в целом. Немалую роль в этом восприятии играл и образ жизни, связанный со всей совокупностью видов жизнедеятельности людей. Однако образ жизни (особенно в современном обществе) весьма изменчив. В литературе справедливо

отмечается, что сегодня «на протяжении одной жизни человек может социально стратифицироваться по горизонтали и вертикали, а также входить во вновь образующиеся страты. Хотя сам механизм формирования страт остался прежним, значительно увеличилась скорость его «срабатывания». В результате внешние рамки обыденной культуры, создававшие некую базу для инкультурации, фактически размылись, не успевая сформироваться за отведенный промежуток времени».

В течение жизни одного человека могут меняться как условия окружающей среды (климат, природное окружение), так и положение человека в социальной структуре, уровень его материального благосостояния, мера его включенности в социальное окружение и степень влияния на него, профессиональная и досуговая деятельность и т.д. Соответственно, меняются не только образ жизни одного человека, но и условия существования социальной группы (профсоюза, этноса, страны и др.), членом которой он является. Как следствие всего вышеуказанного, меняются и пространственно-временные представления.

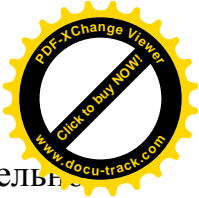
Отношение к природным ресурсам, например, часто может определяться размерами и богатством территории, на которой живет народ. Небрежное отношение к ресурсам и их низкая цена могут быть характерны для больших стран. Россия – яркий пример именно такого порядка. В то же время Япония и Голландия являют пример небольших стран с бережным отношением к ресурсам.

На пространственно-временное восприятие влияет целый ряд факторов, среди которых можно выделить:

- природные (ландшафтно-климатические, экологические, биологические, демографические и т.п.);
- социальные (сословная, профессиональная, национальная, конфессиональная и т.п. принадлежность);
- культурные (уровень и темпы развития культуры личности и общества, социальные и индивидуальные нормы и ценности и т.п.).

Все указанные факторы заставляют человека и общество менять свое отношение к пространству и времени. Само восприятие пространства и времени определяет развитие культуры. Человек строит свою жизнедеятельность в соответствии с представлениями о пространстве и времени. Это видно уже на основе оппозиции восприятия существования мира во времени представителями той или иной культуры как вечного (религиозная культура) и конечного (научная и атеистическая культура).

Лишь фигура Бога, с точки зрения теологии, стоит вне времени и пространства. Такое исключение из правила наглядно иллюстрирует сюжет биографии пророка Мухаммеда. В Ночь Вознесения Мухаммед имел беседу с ветхозаветными пророками и Господом на горе Сион. Когда же он был возвращен обратно в Мекку, то постель его не успела остыть, а вода из опрокинутого сосуда еще не вытекла. Религия исходит из представлений о сотворенности пространства и времени, следовательно, из возможности божественного управления этими характеристиками.

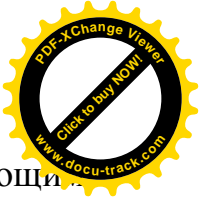
Важнейшее место при исследовании культуры, значительно отдаленной по времени от исследователя, занимает историческая и культурная реконструкция. Без учета особенностей восприятия человеком пространства и времени в различные эпохи полноценная реконструкция невозможна. Без нее нельзя понять не только прошлое культуры, но и современные процессы и, тем более, построить прогноз будущего развития.

Люди различных эпох могли излагать события, происходящие на том или ином историческом отрезке времени, с диаметрально противоположных точек зрения, давать разноречивые оценки законам развития того или иного государства, уровню культуры того или иного региона, руководствуясь подчас не вполне ясными для нас мотивами. Автор того или иного текста мог руководствоваться неизвестными, нелогичными, непонятными для нас идеями и мотивами, опускать или не упоминать обыденные для него, но важные и необычные для нас подробности повседневных событий. Знание особенностей восприятия пространства и времени могут помочь современному исследователю понять эти мотивы. Недооценка этих особенностей может стать причиной того, что многие проблемы истории и культуры останутся нераскрытыми. На последствия непонимания разницы восприятия пространственно-временных категорий в разные эпохи указывал А. Гуревич.

В связи с этим появляются гносеологические трудности, связанные с восприятием того или иного события прошлого. То, что современному исследователю истории культуры кажется хаотичным потоком фактов, на самом деле может оказаться систематически взаимосвязанным. Так, читая Ветхий Завет, неподготовленные читатели скептически относятся к краткосрочности акта творения мира Богом на фоне продолжительности жизни пророков. Аналогичны им споры по поводу новозаветного сюжета о продолжительности пути волхвов к Иисусу. Во многом все это является следствием отсутствия точных знаний современной науки об особенностях пространственно-временного восприятия у народов древности. «История человечества есть история, которую не знают как следует и до сих пор».

В работах уфимской школы педагогической культурологии уже отмечалось, что человек относится к числу тех необычайно сложных и разносторонних объектов, чья сущность принципиально несводима к какой-то одной реальной характеристике. Без рассмотрения пространственно-временного комплекса представлений об окружающем мире определенной исторической эпохи невозможно не только наиболее полное приближение к истине, но даже частичное понимание исследуемых процессов.

Вся история человечества – это диалог культур во времени и пространстве. Этот диалог пронизывает всю историю. Культурная замкнутость позволяет культуре существовать стабильно лишь некоторое время, но часто приводит к кризису и даже гибели. Процессы взаимодействия – это не простая «перекачка» достижений сосуществующими в одном времени и пространстве или преемственными культурами. Пространственно-временной диалог культур может выступать примиряющим фактором,

предупреждающим возникновение войн и конфликтов, снимающими напряженность в отношениях.

Как взаимодействия культур диалог предполагает некую общность пространства и времени. Межкультурные взаимодействия происходят через взаимодействия индивидуальных мировоззрений. Суть диалогичности – во взаимодействии сторон, составляющих единое и в тоже время многообразное смысловое пространство.

* * *

Пространство является широкой и многозначной категорией. Визуальное пространство наполнено объектами, воспринимаемыми органами чувств. Воображаемое пространство наполнено множеством смыслов, которые либо имели реальное материальное воплощение в прошлом, либо имели и имеют место в сознании человека. В силу того, что только человек наделяет значениями любые реально воспринимаемые органами чувств и воображаемые объекты, то весь известный человеку материальный и идеальный мир можно классифицировать как культурное пространство.

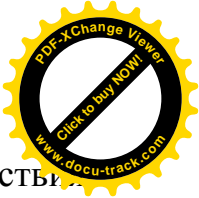
Относительность и крайняя степень субъективности пространственно-временных характеристик бытия человека является основой нашего взгляда на проблему. Мы принимаем точку зрения, основанную на представлении о большой изменчивости восприятия пространства и времени в силу влияния на них особенностей человеческого сознания.

Пространство и время, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность людей, делают необходимым уяснение места самореализации и самовоплощения отдельного человека и социальных групп в окружающей среде. Они же позволяют упорядочить и оценить ход, результаты и эффективность деятельности, соотнести ее с прошлыми и грядущими мотивами и намерениями.

Таким образом, с одной стороны, пространство и время организуют все процессы, происходящие в культуре, определяют и фиксируют объективные и субъективные границы происходящих событий. С другой стороны, пространственно-временные представления сами являются порождением человеческой культуры и изменяются под ее влиянием и вместе с ней.

Этнокультурное пространство

Феноменология социокультурного пространства. Что означает социокультурное пространство? Очевидно, это некое освоенное обществом (а не просто географическое) пространство распространения конкретного ареала культуры. Категория «социокультурное пространство» складывается из нескольких понятий: «культура», «пространство», «социальное пространство», «культурное пространство». Суть социокультурного подхода, в таком случае, может быть воспринята в соответствии с концепцией П.

Сорокина, определившего, что структура социокультурного взаимодействия включает три взаимосвязанные составляющие:

личность как субъект взаимодействия;

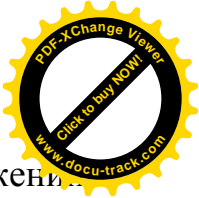
общество как совокупность взаимодействующих индивидов с социокультурными отношениями и процессами;

культуру как совокупность значений, ценностей и норм, которыми владеют взаимодействующие лица и совокупность носителей, которые объективируют, социализируют и раскрывают эти значения.

Таким образом, взаимосвязь культуры и пространства, опосредуемая деятельностью субъектов, рождает особую реальность, которую можно обозначить понятием «социально-культурная деятельность», причем «социальное» указывает на субъекта деятельности, а «культурное» – на качество и сферу его активности. Как отмечают А.П. Марков и Г.М. Бирженюк, «социальное» и «культурное» растворены друг в друге, ибо в любом социальном явлении всегда присутствует человек как носитель социальных ролей и культурных ценностей. С одной стороны, культурные нормы и ценности, которые воспроизводит, хранит и видоизменяет субъект культуры, определяют смысл существования социума. С другой – социальность не просто фиксирует носителя - субъекта культурной деятельности, но и придает артефакту культуры содержательную определенность. Социальный субъект как носитель культуры имеет, во-первых, ограниченность во времени, во-вторых, социальность придает культуре неповторимость в пространстве «здесь и сейчас» .

Можно выделить два подхода к определению сущности пространства. Первый предполагает наличие чётко обозначенных границ (внешних и внутренних), которые могут изменяться во времени. Это – географическое пространство, которое формируется различными факторами, как, например, требованиями административно-территориального устройства государства, и имеет фиксированные границы. Второй подход предполагает установление экономического, политического, правового, культурно-национального пространства, имеющего не границы территорий, а границы экономических, политических, правовых, культурно-национальных интересов.

Академик В.Н. Топоров обращал внимание на глубокие контексты понятия «пространство», подчеркивая, что связь его внутренней формы с понятием «воля» (Pro-stor) апеллирует к таким смыслам, как «простор», «вперед», «открытость». Это разворачивающееся вовне, свободное пространство. «Русский менталитет, - пишет С.Г. Матлина, - отличает стремление к выходу в пространство, где воссоединяются дух, душа и тело, чувство и разум, мечта и реальность, индивидуальность и всеобщность». Именно отечественная философия, прежде всего работами П.А. Флоренского, восстановила единство представлений о взаимосвязи человека и культурного пространства. Следовательно, пространство правомерно рассматривать как определенную жизненную социокультурную сферу общества, «вместилище» и внутренний объем культурных процессов. Сущностным свойством пространства является его протяженность.

Предметно-пространственная среда окружает человека на протяжении всей его жизни. Взаимодействия человека с окружающими предметами прямо или косвенно опосредовано пространством. Как отмечает А.В. Бабаева, «внутренне отражение этого взаимодействия имеет характер пространственных образов, в них так или иначе фиксируются и хранятся базовые категории культуры». Артефакты и явления культуры существуют в пространстве, в пространстве осуществляется и движение культурных смыслов. В работах П.А. Флоренского есть рассуждения о роли пространства в жизнедеятельности человека, в различных ее проявлениях.

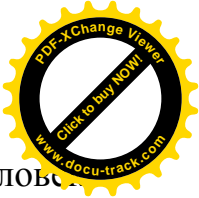
В «Органопроекции» П.А. Флоренский утверждает: «Вся культура может быть истолкована как деятельность организации пространства наших жизненных отношений, и тогда соответственная деятельность называется техникой». В его интерпретации выделяются следующие виды пространства: искусство, наука и философия. В работе «Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях» он продолжает развитие этих мыслей, а именно: отношения между духовной и материальной жизнью обсуждаются в связи с пространством, в котором происходит, в основном, организация человеческого существования.

Человек погружен в окружающее его культурное пространство. Во многом именно оно создает человека. Представления человека о мире формируются под воздействием окружающей его действительности. Посредством пространственных форм восприятия он активно осваивает и преобразует мир. «При освоении пространства индивидом, – отмечает Н.А. Симбирцева, – индивидом осваиваются нормы и роли. Приобретая опыт в повседневной жизни, получая информацию о различных сторонах общественной жизни, человек формируется как личность, адекватная обществу».

Пространство выступает одним из изначальных символов жизни. Именно пространственные представления создают общее мировоззрение, на основе которого возникает общая картина мира. Каждая эпоха создает свое культурное пространство, наполнение которого духовным содержанием осуществляется человеком. Культурное пространство несет в себе «печать человека», без которого и вне которого существование культурного пространства невозможно.

Проблема культурного пространства имеет междисциплинарный характер. Оно тесным образом связано с географическими, политическими, экономическими, региональными, этническими особенностями территории, где проживает то или иное население – носитель определенной культуры (культур).

Ближе всего к понятию «культурное пространство» находится категория культуры. В соответствии с информационно-семиотическим подходом, культура рассматривается как мир артефактов – продуктов человеческой деятельности; мир знаков (кодов), с помощью которых в человеческом обществе сохраняется, накапливается и передается во времени

и пространстве социальная информация; мир смыслов, которые человек вкладывает в свои творения, действия.

Для пользования такими «закодированными» предметами и отношениями надо уметь расшифровать «код», перевести его на понятный человеку язык чувств и мыслей. Первобытное общество наиболее ярко демонстрирует это положение. Предметы, сделанные в одном племени, для людей других племен зачастую оставались тайной, ибо несли в себе отпечаток неизвестного образа жизни. Элементы культуры одного общества для представителей другого были вне поля культуры в силу того, что у последних отсутствовал ключ, позволяющий расшифровать значение этих предметов искусственной природы. Не случайно многие археологические находки древности до сих пор остаются загадкой, и мы можем лишь гадать об их истинном предназначении.

Материальные и духовные, объективные и субъективные составляющие культуры одного общества могут не совпадать с элементами культуры других народов и эпох. Из суммы этих предметов и возникают конкретно-исторические типы культур.

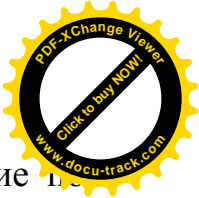
Человек приписывает деятельности (и своей, и других людей) определенные смыслы, с разной степенью ясности распознает события. Смысл каждого из них опознается через включенность в ту или иную конфигурацию. Устойчивые конфигурации, которые американский социолог И. Гофман называл «фреймами», определенным образом формируют социально-культурную жизнь, придают определенность хотя бы отдельным ее фрагментам. В этом случае можно говорить об относительно устойчивом культурном пространстве, в котором происходят текущие события, не меняющие принципиально заведенного хода вещей. «Перенастройка» фигураций происходит тогда, когда смыслу привычных действий придаются новые оттенки, в какой-то момент меняющие его радикально. При этом возможно сосуществование нескольких смыслов одновременно, их конфликты, связанные с тем, что участники взаимодействия начинают по-разному идентифицировать социальные конструкции событий.

Социокультурное пространство, по мнению И.В. Колинко, – это «важный аспект формирования модели мира, обладающий характеристиками протяженности и структурности, сосуществования и взаимодействия, координации элементов культуры и смысловой наполняемости структурной организации. Категория «социокультурное пространство» предстает как связка понятий, что превращает ее в универсальную общесоциологическую категорию и включает в себя экономическое, политическое, педагогическое, физическое, туристическое и т.п. пространства». Можно выделить следующие условия и факторы, которые дифференцируют социокультурное пространство конкретного исторического периода:

естественно географические;

климатические, экологические, биологические, демографические;

социальные: характер разделения труда и его условия, социальная структура, стратификация (расслоение) общества;

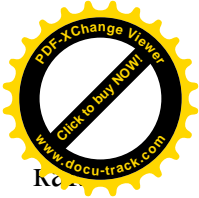

культурные: объем культурной информации и ее распределение по областям и уровням культуры, структура действующих здесь социокультурных норм и ценностей (экономических, социально-политических, идеологических, познавательных, этических, эстетических).

Теоретическое пересечение этих групп условий и факторов, детерминирующих социокультурную жизнь людей, определяет конкретно-исторические сферы реализации их взаимодействия в соответствии с фундаментальным разделением видов деятельности на специализированные (профессиональные) и неспециализированные (обыденные). К субъективным факторам и условиям относятся, с одной стороны, восприятие и оценка представителями различных социальных групп объективных условий своего существования, а с другой — их потребности, запросы, побуждения, мотивы, интересы, ценностные ориентации, цели. Специфика взаимодействия субъективных и объективных факторов определяет различия в содержании, структуре и форме образа жизни людей в одном и том же обществе.

Социокультурное пространство – это пространство распространения идей и взглядов, языков и традиций, верований и норм. Освоение человеком пространства с целью выживания принесло определённое понимание сторон света, осмысление места, понимание далёкого и близкого. «Социокультурное пространство имеет особую конфигурацию, территориальную протяжённость. В нём очерчены контуры культурных центров и периферии, столицы и провинции, городские и сельские поселения». Определённую специфику имеет и «геометрия» социокультурного пространства. Оно имеет не только внешние контуры, но и расположено внутри духовного мира личности. «Пульсация» этого внутреннего духовного пространства личности зачастую определяет основные векторы её самореализации в различных сферах жизни. Пространство культуры личности может изменяться: оно расширяется в результате творческого развития личности или, наоборот, сужается при деградации личности.

Анализируя особенности социокультурного пространства, Б.Г. Мосалев отмечает, что в этом пространстве живут и взаимодействуют между собой различные культурные традиции, образцы, культурные смыслы, ценности, инновации. «Пространственный аспект культурного многообразия предстает в масштабах человечества, общества, нации, региона, различных социальных общностей». О.В. Естрина и Н.В. Дулина также определяют социокультурное пространство как специфическую пространственно-временную целостность, являющуюся результатом генезиса и функционирования культуры во взаимосвязи с социальными параметрами. Оно выступает как форма существования общественных отношений, закрепленных повседневными практиками, предпочтениями, традициями, ценностями. Конструирование целостности социокультурного пространства, по мнению Н.А. Симбирцевой предполагает включение субъектов в сложный процесс осознания себя в том или ином пространстве, осознания своей роли в обществе, а так же развитие персонификации социокультурного пространства, его многофункциональности и самобытности.

А.В. Соколов определяет социокультурное пространство как материально-пространственное образование, дислоцированное в природном (географическом пространстве) в качестве среды жизнедеятельности, формируемое культурными потоками, исходящими из всех социокультурных институтов, включающее также социально неорганизованную культурную деятельность людей. Таким образом, социокультурное пространство является достаточно сложно структурированным феноменом. В нём присутствуют не только нормативно-правовые информационные ресурсы, отражающие цели и интересы государственных властных структур в формировании культурной политики, но и информационные ресурсы, отражающие бытование всех подсистем культуры, в том числе неинституциональных.

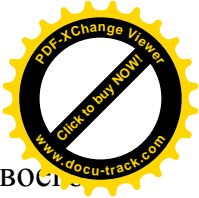
Структурными компонентами социокультурного пространства являются:

- пространство макро- и микросоциумов;
- информационно-знаковое пространство;
- культурные ценности, возникающие в результате целенаправленной человеческой деятельности по освоению различных пластов культуры;
- различные субкультуры;
- социальные институты культуры (библиотеки, музеи, театры, другие культурно-досуговые учреждения);
- кадровый потенциал;
- материально-техническая инфраструктура учреждений культуры и искусства.

Постоянным инвариантом каждого из рядоположенных подпространств, формирующих пространство, является человек, материализующий результаты экономической, политической, социальной, культурной активности и превращающий социокультурное пространство в постоянно трансформирующийся феномен.

Структура этнокультурного пространства и роль диалога в его формировании. Рассмотрев общие характеристики, особенности восприятия и комплекса представлений о пространстве в культуре, мы можем перейти к главному объекту нашего исследования. Существует множество проявлений культурного пространства: геополитическое, социальное (общественное), психологическое, информационное, пространство искусства (музыки, литературы), мировоззренческое (наука и религия) и т. д. Из всего этого многообразия нас особо интересует этнокультурное пространство.

Пространство культуры в общем смысле – это «характеристика протяженности, структурности, сосуществования, взаимодействия, координации элементов отдельной культуры и соответствующих отношений между культурами, а также смысловой наполненностью для человека структурной организации культур... Специфика пространства состоит в том, что оно, в отличие от находящихся в нем материальных предметов, не может быть воспринято с помощью органов чувств, а потому его образ соединен с определенными метафорами и обусловлен ими... Считается, что

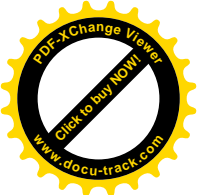
пространство конституируется его «содержанием» и в отрыве от своего «наполнения» вообще не существует».

Частью культурного пространства является «социальное пространство», представляющее собой систему координат, в рамках которой разворачивается все многообразие видов жизнедеятельности как отдельного человека, так и различных групп людей. Множество факторов заставляют менять вектор направления движения в этой системе координат, перемещаться вниз и вверх по социальной лестнице (вертикально) и из одной в другую равностатусную группу (горизонтально). К числу таких факторов относятся материальные и духовные потребности, система ценностей, степень включенности в межгрупповые и межличностные отношения. Каждую из градаций этой многофакторной системы также можно разложить на составляющие, ибо количество вариантов пространственной организации представляет собой великое множество.

Как макро-категория, социальное пространство может быть замкнуто в масштабах всего человечества. По мнению П.А. Сорокина, многомерное социальное пространство включает все население Земли, жизнь которого характеризуется наличием связей между различными группами и внутри них и степенями включенности в эти связи индивида, что и позволяет определить его социальное положение. Если два или более человека вынужденно или добровольно участвуют в какой-либо совместной деятельности они, вольно или невольно, составляют группу. Для того чтобы совместная деятельность была продуктивной, в группе необходимо сознательное или бессознательное установление правил общежития и общедействия, создание социальных ролей.

Там, где появляется группа людей, постепенно начинается формирование социального пространства. Как любое физическое пространство, в котором присутствует жизнь, автоматически становится биосферой, так и группа людей со своим появлением встраивает социальное пространство в любое другое природное, возникшее естественным образом. В XXI в. организованная деятельность групп людей охватила не только все пространство поверхности Земли и ее недра на глубину многих километров, но и околоземное космическое пространство, и даже планеты солнечной системы. Таким образом, пределы современного социального пространства, постепенно расширяясь, выходят за пределы околоземного пространства и приближаются к границам солнечной системы.

Если люди в связи с какими-то индивидуально значимыми причинами оказываются в рамках одного пространства (географического или искусственно организованного человеком), то они вынуждены вступать во взаимодействие (пусть даже механическое). Также люди вступают во взаимодействие в связи с необходимостью реализации каких-либо потребностей. За счет этого автоматически возникает единое мыслимое взаимодействующими субъектами пространство. Такое пространство – место взаимодействия субъектов – приобретает характер социального, возникает и существует до тех пор, пока есть само взаимодействие.

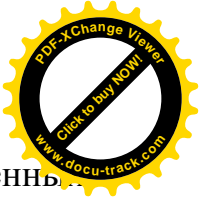
Фактически любое пространство существует только тогда и до тех пор, пока оно существует и покуда в его рамках есть какая-либо форма механического или осознанного, вынужденного или партнерского межличностного или межгруппового взаимодействия. Если взаимодействия нет, то и социальная сущность пространства исчезает. Тогда остается лишь физическое (природное) пространство, где исчезает все субъективное и остаются лишь объективные законы функционирования природы.

Именно субъективные характеристики – суть и главное содержание социального пространства. Такое пространство многомерно, невероятно разнообразно, вариативно, законы его функционирования динамично. Все силы, субъекты и объекты, сосуществующие в пространстве, скачкообразны и разновекторны. «Многие процессы не могут развиваться в одном и том же направлении вечно, достигнув своего предела, они поворачивают, но и в этом направлении не могут развиваться вечно, рано или поздно они меняют и его и т. д.». Искать объективность существования чего бы то ни было в социальном пространстве – заблуждение, основанное на непонимании того, что процессы, происходящие в физическом и социальном пространстве, подчиняются разным законам. «Никакое обобщение, в равной степени приложимое ко всем культурам, здесь невозможно».

Одним из конкретных видов социального пространства является этническое пространство. Под ним подразумевается вся совокупность племён и народов, связанных с конкретным историческим явлением и его образом в истории. Оно представляет собой форму воплощения единства этноса или группы этносов, основанного на общности занимаемой территориальной (ландшафтной, региональной) зоны. Психологические ощущения границ этнического пространства могут не совпадать с формально организованными. Это приводит к агрессии как при желании занять чужое, так и в случае охраны собственного пространства от вторжения чужаков. В этом пространстве этнос появляется, а, переходя его границы, развивается и взаимодействует с другими этносами.

Мировое этнокультурное пространство характеризуется невероятным разнообразием и несводимостью к единой модели развития, даже при учете постоянно нарастающих тенденций глобализации. Наша точка зрения основана на убеждении в том, что этническое и пространственное разнообразие мира слишком часто становится причиной постоянных сбоев универсалистских и тяготеющих к ним теорий и концепций. И все же мы попытаемся построить некую общую модель функционирования отдельных этнокультурных пространственно организованных систем, рассмотреть возможные формы их взаимодействия, а также последствия различных форм этого взаимодействия.

Практически все элементы, составляющие предложенное нами определение этнокультурного пространства, сами по себе крайне многоаспектны. Различные общественные и естественные науки по-своему представляют народ, культуру, ландшафт, территорию и регион. Мы

остановимся на наиболее нейтральных и, на наш взгляд, уравновешенных представлениях.

Проблема точного определения содержания дефиниции «этнос» в современной науке не решена. Определение академика Ю.В. Бромлея включало узкое и широкое понимание термина:

1. этникос (узкое) – «исторически сложившаяся на территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксируемом в самоназвании (этнониме)»;

2. этносоциальный организм – «та часть соответствующего этникоса, которая размещена на компактной территории внутри одного политического (потестарного) образования и представляет, таким образом, определённую социально-экономическую целостность».

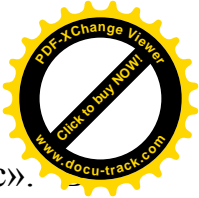
Однако данное осмысление понятия подвергается критике за отсутствие содержательных отличий его определения от представлений о любых других социальных общностях.

Концепция Л.Н. Гумилева предполагает, что этнос представляет собой естественно сложившийся, на основе особого стереотипа поведения, коллектив людей, существующий как системная целостность, отделяющий себя от других аналогичных групп, на основе ощущения комплиментарности и формирующий общие этнические закономерности существования. Такое представление тяготеет к превалированию биологической составляющей содержания понятия над социальной (пассионарность, возникающая под воздействием энергии солнца, как главная мутагенная в основе, психологическая, скрепа этноса).

Зарубежная наука также не пришла к единому выводу о содержании и структуре этноса.

При всей трудности выявления сколько-нибудь объективного взгляда на этнос, мы опираемся на представления об этничности как о специфичных характеристиках культуры, с одной стороны, объединяющих людей в один народ, а с другой, отличающих народы друг от друга. Такое представление об этничности подводит нас к пониманию важности культурного единства народа, которое и делает совокупность людей, живущих на одной территории, группой, называемой этносом.

Мы полагаем, что этническая (национальная) принадлежность – культурная характеристика, где биологическая (кровно-родственная) составляющая играет незначительную роль в самоидентификации. Хотя субъективно кровно-родственные связи продолжают играть первостепенную роль для большей части людей. Такое понимание сохраняется в силу укорененных в сознании людей ложных стереотипов. Данные заблуждения часто эксплуатируют и культивируют политики в силу наибольшей простоты таких аргументов, приводящих к аффективным и примитивным эмоциональным реакциям населения.

«Культура» – понятие не менее многоаспектное, чем «этнос». В контексте нашего исследования, мы остановимся на представлении о культуре как обо всей совокупности внебиологических механизмов приспособления человека к окружающей среде и его поведенческих стереотипах. «В этом смысле он противопоставит и миру природному, и миру божественному, существующим помимо человека», – четверть века назад утверждали авторы книги «Проблемы философии культуры». В своем первоначальном значении («возделанное») культура противопоставит «натуре» с природному, «дикому» и означает все то, что отличает человека от природы, отличает искусственное от естественного. Культура включает в себя не только накопленные людьми материальные и духовные ценности, но также и способы их приумножения.

Культурная жизнь этноса протекает в ландшафтно-территориальных условиях конкретного региона. Под ландшафтом принято понимать определенную часть территории земной поверхности, имеющую сходное строение. При этом, разумеется, один этнос может занимать как одну ландшафтную зону, так и несколько, а кроме того, в рамках одного ландшафта может сосуществовать несколько этносов.

Понятие «регион» имеет несколько значений: 1) часть страны, отличная от других по каким-либо признакам; 2) часть суши или водного пространства, выделяемая чисто географически; 3) группа стран, объединяемых по каким-либо общим признакам или целям деятельности.

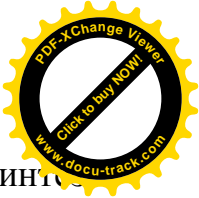
«Территория» – это часть поверхности Земли, ограниченная какими-либо границами (природными или культурными). Понятие «территория» имеет несколько смыслов. Территория может быть государственной, национальной (этнической), административной, частной и т. д.

Все три категории – ландшафт, регион и территории – тесно переплетены. В определенных теоретических и практических построениях они могут быть как шире, так и уже друг друга. Так, Великая Степь как ландшафтная зона включает пространство регионов Восточной Европы и Азии – часть Украины, России, Казахстана и Монголии. Россия – огромная территория, включающая множество ландшафтов и регионов. Ландшафтная зона, регион и территория могут совпадать. Тибет – это одновременно ландшафтная зона, регион и территория.

С одной стороны, пространство должно иметь четкие (видимые на карте) границы. С другой стороны, в современном мире, безусловно, даже национальные экономика, политика, право и средства массовой коммуникации, а с ними и экономическое, политическое, правовое и информационное пространство, уже не имеют четких границ.

Безусловно, диалогичность присуща и этнической культуре. В силу этого невозможно рассматривать эволюцию этнической культуры в отрыве от диалогичности, если в анализе названного феномена мы хотим избежать неполноты и однобокости, сводящих рассмотрение этнической культуры к простому описанию.

Только возникновение общей ментальности делало возможным диалог двух культур. Диалог культур – это взаимное проникновение в систему

ценностей иной культуры, уважение к ней, преодоление стереотипов, синтез самобытного и инонационального, ведущий к взаимообогащению и вхождению в культурный контекст. К сожалению, диалог как идеальная форма взаимодействия культур в истории чаще присутствует лишь фрагментарно и нередко вытесняется другими формами взаимодействия. Однако, диалог – это самая эффективная и полезная из возможных форм межэтнического взаимодействия.

В.С. Библер выделяет очень важный, по нашему мнению, аспект изучения культуры. Именно расширение знаний о культуре, ее непрерывное самоусовершенствование каким-либо государством или народом в процессе общения с «учителями», в роли которых выступали сосуществующие и предшествующие культуры, находится в центре нашего внимания.

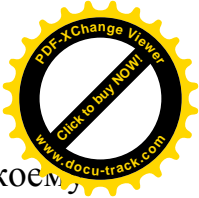
Все развитые культуры на планете не избежали контактов с соседями. Даже некогда автохтонные культуры отдельных народов Африки, Южной Америки и Океании к началу XX в. вынужденно пошли на контакт с остальной цивилизацией. Сегодня все культуры формируются не независимо, а путем более или менее «продолжительного контакта различных культур друг с другом».

Определяя сущность общения, М.С.Каган отмечал: «Общение никак не может быть приравнено ни к передаче сообщений, ни даже к обмену со-общениями (или информацией), как оно очень часто определяется в нашей философской и психологической литературе. Общение - это процесс выработки новой информации, общей для общающихся людей и рождающей их общность (или повышающей степень этой общности)».

Важной феноменологической характеристикой культуры является ее диалогичность. В отечественной литературе еще в XX в. об этом писали такие ученые как И.С. Библер, Э.В. Ильенков, М.С. Каган, Л.Н. Коган, Э.В. Соколов. Культура не просто формирует и реализует сущностные силы человека, но реализует их в диалоге, в обмене информацией, эмоциями, знаниями. Л.Н. Коган называл диалог самым реальным бытием культуры, ее имманентной сущностью, способом реализации ее функций.

Анализируя диалогичность культуры, философы-культурологи, отталкиваясь от межличностного диалога, приходят к выводам, которые кажутся весьма важными в контексте нашей проблематики. В.В. Сильвестров подчеркивал: «Содержательно межиндивидуальное общение представляет собой взаимное обучение-научение объективности. Здесь нет ни абсолютного учителя, ни абсолютного ученика».

Необходимым элементом развития является самопознание, которое невозможно без наличия другого человека и общения с ним. Личность познает и выявляет себя, вступая в отношения с другими людьми. Эта особенность процесса самопознания отмечалась многими мыслителями различных философских направлений. Только через другого человека усматривал К.Маркс возможность развития человеческой чувственности. Э.В. Ильенков так рассуждал на тему об органическом и неорганическом теле человека: «Личность и есть совокупность отношений человека к самому

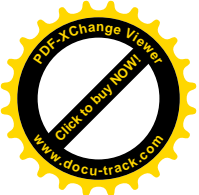

себе как к некоему «другому» – отношений «Я» к самому себе как к некоему «НЕ-Я». Поэтому «телом» ее является не отдельное тело особи вида «*homo sapiens*», а, по меньшей мере, два таких тела – «Я» и «ТЫ», объединенных как бы в одно тело социально-человеческими узами, отношениями, взаимоотношениями». Через отношение «Я-ТЫ» видит путь к «себе подлинному» уральский исследователь Л.А. Мясникова. Рассматривая отношение «Я-ТЫ» как антипод отношения «Я-ОН» (индивидуализм, эгоизм) и отношения «Я-МЫ» (конформизм), она определяет это отношение как истинное со-бытие, со-чувствие, в котором сливаются имманентное и трансцендентное. Только через «ТЫ» человек становится «Я», утверждал крупный иерусалимский религиозный философ XX в. Мартин Бубер. Аналогию подобному утверждению можно усмотреть и в словах Ф.Ницше: «Один идет к ближнему потому, что он ищет себя, а другой – потому, что он хотел бы потерять себя». Здесь также «Я» достигает желаемого через другого, через «ТЫ».

Что лежит в основе подобного утверждения? Ответ на этот вопрос дали представители русской идеалистической философии, в частности Н.А. Бердяев. Он показал, что сознание «Я» неизбежно предполагает сознание других «Я». Существование человека предполагает существование других людей, мира (для Бердяева – еще и Бога), в которых человек как бы читает свое «отражение», тем самым познавая себя. Абсолютное уединение «Я» от всякого иного «ТЫ» есть самоистребление. Н.А. Бердяев показал, что «Я» перестает существовать, когда внутри существования ему не дано существование его другого, «ТЫ». Поэтому «Я» имеет глубокую потребность быть отраженным в другом, получить подтверждение и утверждение своего «Я» в другом. Смотря на «ТЫ», «Я» пытается увидеть в нем свое собственное отражение. «Я» хочет отразиться в другом «Я», в «ТЫ», в общении.

Сравнивая себя с другими людьми, человек тем самым ищет и находит в себе самом определенные личностные характеристики. Не в последнюю очередь эти характеристики зависят от того, как он воспринимается другими людьми. «Отношение есть взаимность, – подчеркивал М. Бубер. – Мое Ты воздействует на меня, как я воздействую на него... Мы живем, непостижимым образом включенные в поток вселенской взаимности».

Самопознание всегда диалогично. Его участники взаимно и в равной мере выступают субъектами познания собственного «Я» и «зеркалами» для другого «ТЫ». Ж.-П. Сартр писал: «Мой проект возвращения себе самого себя является по сути проектом овладения другим...». «Другой владеет секретом того, что я такое», – пишет он далее. Это положение Сартра перекликается с мыслью известного русского философа С.Л. Франка о диалогичности процесса самопознания. Если «Другой» является «зеркалом» для меня, то одновременно и «Я» выступаю «зеркалом» для «Другого». Каждый из нас в этом взаимодействии выступает одновременно и субъектом и объектом для «Другого». Эта противоположность снимается С.Л. Франком при помощи понятия «МЫ», которое предстает как единство двух и более

тесно связанных между собой людей по отношению к другим людям и группам.

Не абсолютизируя сказанное, мы все же считаем эти положения важными не только применительно к межличностным отношениям, но и тогда, когда речь идет о диалоге (пространственном взаимодействии) народов и культур.

На формирование этнокультурного пространства оказывает влияние культурное взаимодействие на основе заимствований и диалога.

При культурном взаимодействии роль играют следующие факторы:

- исторические (обстоятельства вступления во взаимодействие);
- политические (особенности политического строя);
- культурные (уровень развития и нормативный характер общения);
- социально-психологические (толерантность или нетерпимость).

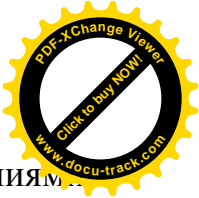
М.С.Каган определяет межсубъектное взаимодействие как общение, выступающее специфическим видом (или типом) деятельности. «Направленность активности субъекта на других субъектов, участвующих вместе с ним в совместной предметной деятельности, – таково общение людей». При этом общение отделяется им от коммуникации. Автор рассматривает взаимодействие культур в 2-х измерениях:

1. субъект-объектное, когда «данная культура относится к другому типу культуры, прошлому или современному, чисто утилитарно, как к материалу, который может быть ею так или иначе использован..., или познавательно, как к предмету изучения»;

2. субъект-субъектное, когда строится «отношение культуры к культуре как к равноправной, равноценной при всех ее отличиях и интересной, нужной, желанной именно в ее непохожести, в ее уникальности».

Понятие «коммуникация» (анг. communication – сообщение, связь, передача) в своем первоначальном значении, несомненно, является частью общения хотя бы в силу того, что под данным актом человеческого взаимодействия понимается именно передача информации. Сам факт передачи информации от субъекта к объекту не может не предполагать ответной реакции, которая бывает асинхронной. Предметная деятельность предполагает лишь сам акт создания какой-либо информации или ее обработку, без участия второй стороны, либо акт, участие в котором другой стороны не обязательно.

По мнению М.С.Кагана, коммуникация есть отношение субъекта к другому человеку как к объекту «в форме практического на него воздействия и воздействия духовного; последнее выражается в передаче знаний, сведений, представлений». Общение же представляет собой отношение к другому как к субъекту и «имеет принципиально иной характер: на уровне практическом оно выступает как материальное, практическое общение людей в совместной трудовой деятельности, а на информационном уровне – как духовное общение; его цель – не передача другому того, что ты знаешь, а он еще не знает, а совместная выработка общих представлений, понятий,

установок, взглядов, идеалов, то есть достижение совместными усилиями «духовной общности».

Соглашаясь с М.С.Каганом, можно выделить два вида взаимодействия:

- субъект-субъектное – общение;
- субъект-объектное – коммуникация.

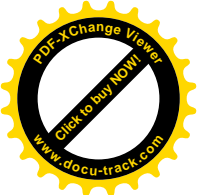
Мы не пытаемся оспорить позицию М.С.Кагана в вопросе о разграничении понятий «общение» и «коммуникация». Более того, приведенные исследователем аргументы являются убедительными и глубоко обоснованными. Однако для нас важно признание того, что общение есть форма взаимодействия культур, а диалог есть форма общения. При всей строгости разграничения субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, мы остановимся на придании понятию «диалог» смысла партнерского, равного взаимодействия. При этом под партнерским взаимодействием–диалогом мы будем понимать все формы взаимодействия двух или более культур, при которых не происходит навязывания (привития элементов культуры адресантом без учета потребностей в них адресата) либо ассимиляции (крайней формы навязывания, когда происходит стирание собственной идентичности адресата в ходе взаимодействия с адресантом).

Самой важной формой взаимодействия является диалог. Мы остановимся на придании понятию «диалог» смысла партнерского, равного взаимодействия. Понятие диалога культуры введено в науку М.М. Бахтиным, который понимал его как диалог внутренний, происходящий в рамках одной культуры, между членами одной культуры. Но для нас также важен и диалог внешний, между представителями различных культур, между различными культурами как системами.

Сложный путь поиска смысла и понятийного определения диалога в споре с Гегелем и Фейербахом приводит В.С. Библера к мысли о том, что внутренние размышления человека, его разговор с самим собой – это уже диалог. «Если «с самим собой», то это уже не монолог! Это диалог!».

Диалог культур является наиболее яркой формой общения культур и как результат «взаимного общения культур» тесно связан с аккультурацией и влиянием различных культур друг на друга. В.С.Библер определяет культуру как диалог (общение) различных ипостасей разума. «Культура есть форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога и взаимопорождения культур». Соглашаясь с В.С.Библером, мы признаем данное определение культуры и диалога культур основополагающим для нашего исследования. Культуры рождаются, развиваются и совершенствуются в диалоге между собой.

Вариативность, темпы и особенности развития зависят от многих факторов (численность населения, география, природно-климатические условия, почвы, богатство флоры и фауны и т. д.). Страна, имеющая наиболее благоприятные условия и предпосылки для успешного развития в различных областях, не всегда становилась наиболее развитой и богатой как, например, Древняя Русь и Россия, и, наоборот, страна, имеющая наименее

благоприятные условия развития, не всегда становилась наименее развитой и бедной как, например, Нидерланды и Венеция.

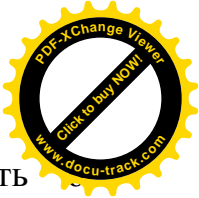
И так, главное содержание этнокультурного пространства раскрывается в особенностях распределения народов во всем разнообразии ландшафтно-климатических зон планеты и формировании у них политических, социальных, хозяйственных и духовных систем в ходе культурного взаимодействия на протяжении истории их существования. Единое этнокультурное пространство может стать фактором как объединения на одном географическом «поле» совершенно разных национальных культур (США, Российская Федерация, Индия и др.), так и проявления центробежных тенденций (распад СССР, СФРЮ, ЧССР и др.). Этнокультурное пространство, таким образом, может иметь как объединяющую, так и дезинтегрирующую направленность.

Особенности формирования современного этнокультурного пространства. Моноэтнокультурных пространств, где в рамках одного ландшафта размещался бы один этнос, в современном мире уже давно не существует. Оно было возможно, разве что в то время, когда все народы Земли находились на первобытной стадии развития.

Изначально этнокультурное пространство замыкалось в пределах небольшой части Африканского континента. Культурное разнообразие, скорее всего, было минимальным. Возможно, около 100 тыс. лет назад человек современного вида начал выходить за пределы древнейшей Ойкумены. Множество причин могли заставить и заставляют человеческие коллективы перемещаться. Так как в системе жизнеобеспечения этноса важнейшее место, особенно в древности, играют пищевые ресурсы, то движущей силой, скорее всего, был поиск источников пропитания на фоне истощившихся из-за увеличения численности соплеменников продовольственных ресурсов или изменения климата.

С началом неолитической революции, моноэтничность пространств повсюду начинает уступать полиэтничности. Археологи видят элементы взаимопроникновения этносов и их культур в том числе и в палео-, и в мезолитические времена. С началом эпоха Великих Географических Открытий на смену региональному взаимопроникновению культур приходит глобальное, общемировое.

Цивилизация острова Пасхи, несколько из найденных в XVI – XX вв. индейских, азиатских и тихоокеанских племен – вот и весь перечень моноэтнокультурных систем, доживших до Нового Времени. Япония всегда имела более или менее интенсивные культурные контакты с Китаем и некоторыми другими азиатскими народами, а с Европой и Америкой эти связи прослеживаются с XVI в. Современный Израиль часто воспринимается непосвященными как современное мононациональное государство. Однако, в структуре его 7,5 млн. населения евреи составляют около 5,7 млн., арабы – более 1,5 млн., и свыше 0,3 млн. – представители прочих национальностей. Кроме того, из числа ныне живущих израильтян-евреев почти половина –

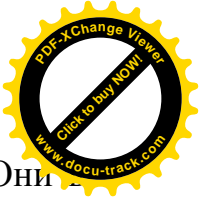
репатрианты в первом поколении. В таких условиях говорить моноэтнокультурном пространстве в Израиле не приходится.

Сегодня все культурные пространства полиэтничны. Все этносы находятся под большим или меньшим влиянием друг друга, даже если живут в границах разных регионов, территорий и стран. Более того, все страны мира включают несколько этнокультурных пространств. Это пространство не обязательно становится территориальной диаспорой этноса, такая территориальная автономия не обязательна и часто лишена смысла. Это пространство существует лишь в сознании представителей того или иного этноса, в рамках семьи. Это может проявляться в лоббировании интересов своей этнической группы в любых сферах жизнедеятельности, выстраивании мощной системы зависимостей разных пространственно разграниченных этносов. Так, Западноевропейское этнокультурное пространство распространилось на значительную часть Ойкумены через импорт экономической и, в конечном итоге, мировоззренческой модели. Североамериканское этнокультурное пространство в конце XX в. распространилось почти на весь мир через навязывание народам планеты так называемой «демократической модели политического устройства». Китай захватил мировое экономическое пространство через господство в сфере промышленного производства. Германия и Австрия совершили это посредством классической музыки.

Естественные, природные границы потеряли значение и смысл для современных сообществ. Главную роль играют политические и административные границы, которые видны только на карте, но при этом охраняются законом внутри государства и армией на межгосударственном уровне. Законами и карательными санкциями охраняются межгосударственные экономические и политические пространства. Произошло полное разрушение и уничтожение пространства в сознании человека как зрительно воспринимаемой категории. Политические границы между государствами по-прежнему сохраняются, но перестают быть границами культур и границами для народов. Все многообразие видов пространств, которые возможны для человека, присутствуют на современном этапе только в его индивидуальном, групповом и массовом сознании, не имея никакого видимого воплощения в материальном мире.

На современном этапе достаточно немного этносов, стремящихся к локализации, замкнутости и упорствующих в попытках сохранить свою социокультурную самобытность. Нельзя не заметить, что эти народы находятся во все более и более стесненных условиях.

Пространственная организация любого этноса исторически была непосредственно связана с ландшафтом. Современное этнокультурное пространство всех народов, затронутых достижениями индустриального и информационного обществ, уже не может быть охарактеризовано формулой говорящей о том, что однообразное природное окружение выравнивает развитие обитающих в нем этносов, разнообразное – приводит к изменчивости. Эта формула продолжает работать только для тех немногих

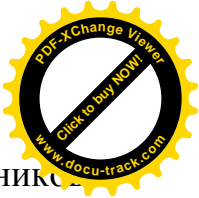
народов, которые находятся на уровне первобытнообщинного строя. Они в большей степени остаются в рамках монотонного ландшафта и зависят от его природного богатства. Остальные народы, даже имея в основе своей территории монотонный ландшафт, включены в систему постоянного обмена достижениями через различные средства массовой коммуникации и на основе рыночных механизмов восполняют недостаточность ресурсного обеспечения собственного ландшафта. Ярким примером тому являются Япония и Сингапур.

Как правило, первобытные народы успешно встроили свой жизненный уклад в постиндустриальную реальность (эскимосы Канады и США) и сохраняют лишь искусственно законсервированный и во многом внешний характер своей локализованности и замкнутости. Фактически же они полностью задействованы в современных этнокультурных процессах. Индейцы США, живущие в резервациях за пределами Аляски, в конце XX в. также вошли в эту группу. Второй вариант развития первобытных народов связан с их выведением в различные варианты резерваций (берберы Туниса, египетские бедуины, аборигены Австралии). Они полностью сохраняют традиционный уклад и живут в привычном пространстве, при открытой возможности выхода к иному уровню цивилизационного и пространственного образа жизни. К этому варианту близки коренные народы Африки, Южной Америки, Океании.

На этапе государственного существования народов причины, заставляющие их перемещаться, становятся более разнообразными. Ресурсы, за которые ведется борьба между народами, включают уже не только пищу, но и золото, рабов, сельскохозяйственные земли и пр. Появляется некое стремление к экспансии собственной культуры по отношению к соседям, что позволяет экономить материальные ресурсы в ходе завоевания новых территорий. Так, обаянию римской культуры поддавались многие народы, живущие достаточно долго внутри римского государства и в прилегающей периферии.

В Новое и Новейшее время важнейшим фактором, изменяющим размеры культурного пространства народов и их особенности, становится обладание информацией и всевозможными технологиями ее трансляции, сохранения и защиты. Субъектная принадлежность к тому или иному этнокультурному пространству стала устанавливаться достаточно жестко (паспорта, регулярные переписи, всевозможные базы данных государственных структур). Это произошло, в том числе и потому, что внешние атрибуты, отличавшие некогда один народ от другого (одежда, прическа, стереотипы поведения) практически полностью унифицировались, а мимикрия стала массовым явлением.

В последнее десятилетие подобные сюжеты вызывают интерес не только у религиоведов, историков, культурологов, политологов, но и у огромной массы рядовых обывателей. Интерес вполне понятен, так как обусловлен, прежде всего, современными мировыми тенденциями развития информационного общества. Все, что происходит в любом уголке планеты,

перестало быть сферой интересов только непосредственных участников событий, став достоянием мировой цивилизации.

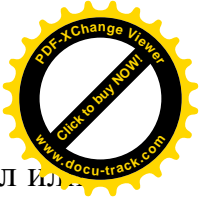
Среди многочисленных рецептов решения региональных проблем важнейшее место занимают исторические оценки и характеристики мотивов деятельности различных народов, политических, религиозных сил и их лидеров, с помощью которых (во многом искусственно) конструируется реальность. Этими искусственными конструктами противоборствующие стороны оправдывают свою агрессию, войны и другие внешнеполитические действия, пытаясь заставить поверить в их правомерность как своих граждан, так и мировое сообщество.

Конец XX – нач. XXI вв. стал периодом становления нового этнокультурного пространства. Это связано с разрушением социалистического лагеря и соответствующей организации социально-экономической и политической жизни на значительной части пространства планеты. Кроме того изменения в расстановке доминирующих этнокультурных сил произошли в силу выхода многих ранее слаборазвитых народов на уровень, близкий к развитым, ярчайшим примером чего являются Китай, Южная Корея, Таиланд, Чили ряд других.

Процесс глобализации предполагает включение ранее самобытных национальных культур в единую мультикультурную систему. Сохраняющие еще самобытность и независимость национальные культуры показывают свою устремленность к общечеловеческому культурному полю. Даже тогда, когда внутреннего устремления нет, существует внешнее притяжение со стороны общемирового пространства. Сопrotивление этому наталкивается на прямую внешнюю агрессию со стороны ведущих участников мультикультурного пространства (например, боевые действия США против Талибана в Афганистане) или экономический и политический шантаж со стороны мультикультурного мира (санкции против Ирана, введенные ООН, по инициативе США).

Еще одно интересное положение, родившееся в рамках информационной цивилизации, связано с представлением о том, что культура в современном мире – это не набор застывших ценностей, и она не может служить оправданием нарушений прав человека. При этом комплекс «общечеловеческих ценностей», сформулированный к середине XX в. на Западе, фактически существует именно как застывшая система и любая попытка оспорить ее жестко пресекается. Мультикультурализм должен предполагать наличие множества центров и альтернатив развития. Но реальные попытки создания новых культурных центров и провозглашения иных точек зрения на свой путь развития активно пресекаются.

В контексте сказанного о так называемых «общечеловеческих ценностях» культуры, нам кажется уместным упомянуть позицию директора Института философии АН РФ А.Г. Гусейнова: «Исключительно важно понимать: то, что именуется высшими ценностями, прокламируется в качестве предназначения культуры, все это нельзя принимать за чистую монету. В этом смысле они не столько проясняют опыт культур, сколько,

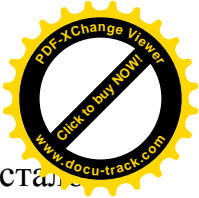

наобо-рот, затемняют его. Чаще всего они имеют демагогиче-ский смысл или являются самообманом. Это то, о чем я уже говорил: как о человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, так общество нельзя воспринимать по тому, как оно себя понимает. Ведь и первобытные люди, как им казалось, жили ради чего-то высокого, они же ис-кренне верили, например, в свое тотемное родство».

Степень включенности во взаимодействие этнокультурных пространств может быть и очень большой, как, например, у стран ЕС. Но минимальная степень включенности также имеет место, как, например, у стран-наблюдателей (Иран) в организации стран Шанхайского Договора Коллективной Безопасности.

При этом страны, включенные в мировое этнокультурное пространство, по-разному ведут себя в нем. Словения и подобные ей страны Восточной Европы (за исключением Польши), вошедшие в ЕС на протяжении последних десяти лет, практически беспрекословно следуют за старыми лидерами (Франция, Германия, Италия). Великобритания в ЕС, Франция в НАТО стремятся сохранить максимальную степень автономии. США, являясь одним из самых влиятельных членов ООН, не без успеха указывает остальным членам организации направление развития, в том числе и странам, которые сохраняют видимость самостоятельности. Так, при вводе войск НАТО в край Косово, российский контингент был убран. Как и требовали США, Россия простила почти все долги (93 %) Ираку. Россия присоединилась к инициированным США санкциям против Ирана и по указаниям МВФ создала так называемый «резервный валютный фонд», чтобы гарантировать выплату долгов российских корпораций в случае экономического кризиса в нашей стране. Ни на какие другие цели (разве что еще на сдерживание инфляции) эти средства потрачены не будут.

Теперь, даже оставаясь в собственных территориальных границах, тот или иной этнос может способствовать фактическому прирастанию собственного пространства за счет принятия другим народом его ценностей и фактической культурной ассимиляции. Так, западная культура и система ценностей позиционируется как общечеловеческая и претендуют на место единственно возможной системы во всем мире. В этой связи нам кажется уместным напомнить позицию известного российского философа В.М. Межуева: «... любая ли куль-тура способна вести диалог? Ведь диалог — чисто евро-пейский способ общения. Первыми о диалоге заговорили греки. Я не уверен, что диалог возможен на Востоке. Восточные пророки и мудрецы не вступали между собой в диалог, все религии монологичны по своей сути. Даже православные пока не могут вступить в диалог со своими собратьями во Христе — католиками и протестантами». Осмысленное представление о своей принадлежности к тому или иному пространству стало предметом манипуляций. Государственное пространство существует до тех пор, пока есть человеческие коллективы, члены которых мыслят себя принадлежащими к данному государственному пространству.

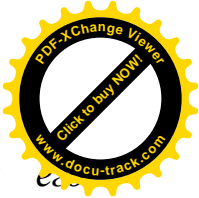

В наше время как никогда ранее культурное пространство стало оказывать воздействие на самого человека. Это происходит через восприятие материальной культуры и через изменение образа жизни, конструирование его нового облика. Человек не только воспринимает новый образ жизни на чужбине, но и сам оказывает давление на новое культурное пространство. Так, во Франции последнее десятилетие стало временем, когда очень остро встал вопрос о давлении мусульманской культуры на национальную культуру французов. Принимаются законы, ограничивающие возможность этого влияния, растет популярность правых (националистически настроенных) политиков.

Сегодня потоки миграций фактически упраздняют строгую территориальную привязку этносов. Россия, США, Франция, Германия и другие страны могут столкнуться с ситуацией, когда соотношение численности этносов в государстве может измениться не в пользу пока еще господствующих сегодня народов. К 2035 г. только 50 % населения США будут потомками белых европейских переселенцев, вторая половина будет приходиться на латиноамериканцев, афроамериканцев и выходцев из Азии. Смогут ли тогда США продолжать современную политику, защищающую интересы представителей белой расы? Ответом на этот вопрос стало избрание первого чернокожего президента США Барака Обамы, афроамериканца во втором поколении. К 2025 г. население России будет менее 130 млн. человек. Сможем ли мы противостоять натиску более многочисленных наций, которые сегодня осторожно говорят о претензиях на наши ресурсы и территории?

Желание достичь экономического господства над народами и странами заставляет претендента на лидерство искать обоснования своей власти. «Коммуникативное влияние как результат обмена информацией проявляется лишь тогда, когда партнер, направляющий информацию (коммуникатор), и партнер, принимающий ее (реципиент), обладают единой или сходной системой кодирования и декодирования сообщений». Культурное доминирование во многом облегчает задачу. Массированная пропаганда «демократических ценностей», их жесткое позиционирование как «общечеловеческих» и универсальных – мощнейший инструмент, используемый странами Запада во главе с США. Для того, чтобы переход к иным культурным моделям был более мягок и мог сгладить противоречия с национальной культурой, ее элементы сохраняются.

Мы сегодня можем видеть государства, которые не обращают внимания на культурную уникальность народов. Они желают привести мир к своему варианту счастья, за максимально короткий отрезок времени, унифицировав культуру. При этом нередко отсутствует понимание, что для этого необходимо очень много времени. Западная цивилизация часто не обращает внимания на несоответствие своей и преобразуемой системы ценностей. Это приводит к нарушению всех законов развития культуры и появлению массы отрицательных последствий культурного навязывания.

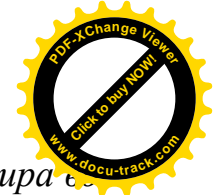
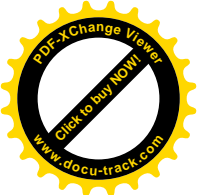

В условиях отмирания значения зримого пространства и мыслимого сужения, можно говорить лишь об идеальных, часто абсолютно некритичных моделях будущей этнокультурной картины мира. Запад пока имеет лучшие результаты. Запад успешно подменил в системе ценностей понятие «европейское» на понятие «общечеловеческое». Демократической модели общества создан самый привлекательный образ. Рыночная экономика сминает все остальные. Восток ответил пока только идеей Мирового мусульманского халифата. Но большинство народов Востока до конца XX в. находились в эшелоне догоняющих стран. Сегодня многие азиатские драконы уже догнали Запад по экономическим показателям. Можно предположить, что и привлекательность восточной системы духовных ценностей выйдет на уровень, достигнутый Европой. И это уже происходит с 60-х гг. XX в. Йога, кришнаизм, ооцики, всевозможные медитации – вот лишь маленькая толика того, что на Западе популярнее традиционного христианства и буржуазной этики.

Традиционные культурно-мировоззренческие формы (религиозные и эзотерические) на Западе объявляются архаическим элементом духовной культуры. Позиционируется, что такие формы проявления культуры характерны для слабо модернизированных сообществ. Однако, «Свидетели Иеговы», «Церковь саеинтологии», «Церковь Объединения» Муна, Рериханцы и все течения близкие к «Нью Эйдж» – это продукты западной культуры. Однако база идеологии и философии этих течений имеет во многом азиатское происхождение. Это и есть то немногое, чем на азиатский культурный вызов может ответить Запад. К сказанному можно добавить явное разложение семейных и межличностных отношений. «Шведская семья», свингерство, гомосексуализм – вот та «свобода» межличностных отношений, которую Запад пытается транслировать вовне. Экономическая дискриминация и угроза применения силы – вот способы продавливания Западом «общечеловеческих» ценностей, прав, свобод и в целом «общечеловеческой» культуры в мировом этнокультурном пространстве.

Модернизированные культуры (Западный мир или информационная цивилизация) выполняют роль центра, которому отводится значение витрины и символа благополучия, и к которому должны стремиться приблизиться остальные народы. При этом на лицо абсолютное, полное противоречие заявлений и деклараций представителей «витринной» культуры и реальной картины ее внутреннего развития.

Будет ли место процессу глобализации и мультикультурализму в новом, крайне пестром по этническому составу, уровню образования, экономическим возможностям населению мире, где пространственная ориентация культуры все больше и больше будет терять смысл? На наш взгляд, именно таков возможный путь развития современного этнокультурного пространства. Однако, учитывая фактическое уничтожение роли пространства в жизни мирового сообщества, в силу миграций и все возрастающей роли информационных технологий,

сегодняшняя модель и направленность развития мультикультурного мира в многом может серьезно измениться.

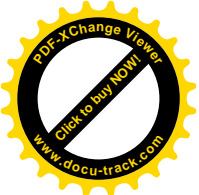
ГЛАВА 2. ЖИЗНЬ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА

2.1. Виды и формы взаимодействия этнокультурных систем

Особенности взаимодействия и диалога этнических культур. В культурологии принято деление взаимодействия и диалога культур на два основных вида – синхронный (пространственный) и диахронный (временной).

«Партнеры должны обладать одинаковым или близким пониманием ситуации общения, что возможно лишь в случае включения в некоторую общую для его участников деятельность». Без общности культурного поля, в рамках которого существуют два государства, это будет или вовсе невозможно, или явится лишь временным явлением. Созидание общей культуры, ее обогащение, развитие не может не заставить стороны понимать и соучаствовать в целеполагании, жизни и деятельности культурно родственных народов.

С другой стороны, именно осознание преимуществ, которыми обладает сосед в той или иной области общественной жизни и желание приобрести эти преимущества, делает возможным и нужным взаимодействие. Необходимость в культурном заимствовании, прежде всего, для собственного развития является основной причиной диалога культур. «Нуждаясь в партнере, культура постоянно создает собственными усилиями этого «чужого», носителя другого сознания, иначе кодирующего мир и тексты».

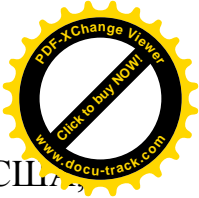
Не менее важной причиной начала культурного взаимодействия является необходимость транслировать культурный опыт. Возможность построения подобной, по образцу адресанта, системы для адресата означает увеличение количества выгодных для него контактов. Адресат и адресант, имеющие общий культурный код и способ идентификации в одной области жизни, получают общую основу для дальнейшего расширения контактов и увеличения общих способов идентификации. Это позволяет снять многие противоречия, часто не только мешающие контактам, но и делающие их невозможными (по примеру восприятия христианами и мусульманами культуры друг друга как варварской и неприемлемой).

Соображения престижа для адресата и увеличение объектов влияния для адресанта являются примером объединения мотиваций, культурной ассимиляции и причин взаимодействия. При типичных формах взаимодействия культур и адресат, и адресант одинаково заинтересованы в обмене информацией. Кроме того, географическое расположение и экономические интересы адресата и адресанта также являются причиной возникновения коммуникативных контактов. Так, «география и экономика сделали неизбежным контакты между русскими и византийцами с самого зарождения русского государства». Сами субъекты диалогового взаимодействия являются творцами и торговых путей, и своих потребностей, а часто и ландшафтных условий существования в том или ином регионе в силу диалоговой необходимости. Человек сам в силах трансформировать ландшафт, направлять свои потребности и выбирать род занятий в независимости от таких «очевидных» факторов, как природные богатства, расположение на пересечении торговых путей, численность населения и т. д.

Для доставки из Азии в Европу шелка и пряностей был проложен торговый путь протяженностью много тысяч километров. Китайцы покупали покорность соседей и богатели на этой торговле. Европейцы и степняки, не знавшие шелка, сделали его показателем роскоши и генерировали тем самым потребность элиты в этом материале.

Ландшафт менялся человеком в интересах его экономических нужд. Так, строились Суэцкий, Панамский и многие другие каналы, что привело к облегчению торгового и политического взаимодействия в Ойкумене.

Не всегда народы, находящиеся в сходных географических и социально-экономических условиях, развиваются по одному пути и в равной степени стремятся к взаимодействию. Малонаселенные земли Норвегии, по мнению самих европейцев, стали родиной самой большой угрозы для христианской цивилизации IX – XI вв. Скандинавы проявили себя не только как великие путешественники и воины эпохи викингов, но с XIV в. активно включились в торговое взаимодействие как члены Ганзейского союза. Народы Шотландии и Ирландии, западнославянские поморяне и финны не явили нам подобных примеров, хотя находились с норвежцами, датчанами и шведами на одной стадии общественного развития и в одной природно-климатической зоне. Греки и финикийцы с глубокой древности активно осваивали Средиземноморье, а далматы и эпироты, находясь в том же

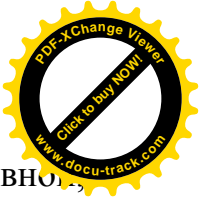
регионе, лишь пиратствовали и нанимались в армии соседей. Канада и США, располагаясь в одной геополитической зоне, тем не менее, являют примеры очень не похожих этнокультурных систем и по-разному взаимодействуют с другими системами. Венеция из маленькой городской общины выросла в крупную и богатую морскую державу, процветавшую до середины XVI в. Но Дубровник, имея один с Венецией временной старт, подвергавшийся атакам тех же врагов и также активно занимавшийся торговлей, так и остался маленькой республикой, сдавшейся Османской империи. Указанные примеры показывают, что экономика и география не являются определяющими факторами, толкающими народ к активным диалоговым контактам с соседями.

География и экономика являются производными причинами, зависящими от умения и желания тех или иных государств и народов, их населяющих, взаимодействовать между собой. Кельтские племена были включены в общение с другими европейскими народами лишь путем военного вмешательства (Бретань во Франции; Уэльс в составе Англии). Возможность или невозможность взаимодействия культур определяет активность и желание того или иного государства взаимодействовать с соседями.

Под пространственным взаимодействием мы понимаем различные формы общения и коммуникации культур народов и государств, сосуществующих в одно время, и обмен культурными текстами в реальном времени.

Временными мы назовем формы взаимодействия, которые осуществляются между реально существующими и исторически предшествующими культурами на основе культурной памяти. Культурная память – это некий накопленный этносами в историческом прошлом багаж, который может быть использован в изначальном или трансформированном виде в случае кризисной ситуации, когда пространственное взаимодействие не предоставляет инструментов выхода из кризиса. «Наиболее типовой случай – это направление «Я - ОН», в котором «Я» - это субъект передачи, адресант – обладатель информации, а «ОН» – объект, адресат». Именно такой тип взаимодействия можно назвать пространственным. Речь идет о трансляции синхронной, обеспечивающей горизонтальный внутриэтнический и межэтнический континуум, объединяющей хронологически сосуществующих членов одного и того же или же нескольких этносоциальных коллективов».

Культуры, приходящие в соприкосновение, образуют контактную зону, для которой «характерно совместное проживание разных этнических групп на протяжении длительного исторического периода, сосуществование разных культурных, религиозных, административных и иных систем, своеобразная языковая ситуация, а так же размытость границ и их подвижность». Таковыми контактными зонами, например, становятся бассейны Рейна и Дуная для германцев, славян и римлян в I – VII вв. н.э.

Постепенно речная граница становилась все более и более условной, контактная зона размывалась, расширяясь территориально.

Смещение направлений развития культуры, их борьба за преобладание являются главным содержанием культурного взаимодействия в контактной зоне.

Начало взаимодействия предполагает осознание ценности передаваемой информации самим транслятором. Это происходит в совокупности с осознанием и идентификацией себя как центра некой культурной Ойкумены. Так, Византия и византийцы, считая себя преемниками Римской империи Цезаря и Августа, источником православной истинной христианской веры, представителями Вселенской империи, справедливо предполагали, что вправе быть источником культурного потока.

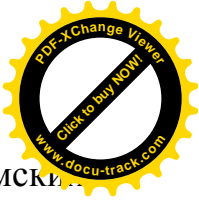
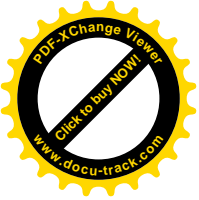
Вторым важным условием начала взаимодействия культур является признание этого авторитета народами Ойкумены. Признание авторитета и превосходства народами, оставшимися в лоне православной церкви, сделали Византию центром «Содружества Наций» и источником всего вышеперечисленного для сербов, болгар и русских, ставших самыми активными участниками культурного взаимодействия на всем протяжении рассматриваемого нами периода.

Третьим условием начала диалога является наличие ценного культурного опыта, который необходим принимающей стороне. Ценной информацией может быть язык трансляции, без знания которого невозможно полноценное восприятие первоисточников культурных текстов на всех этапах диалогового взаимодействия. «Являясь важнейшим средством объективации культуры, язык активно участвует на всех этапах духовного освоения действительности, а именно: при производстве и хранении духовных ценностей, при их распространении и, наконец, при их восприятии, то есть употреблении индивидуумом». Именно знакомство с языком общения является отправной точкой при знакомстве с культурой. Латинский язык в католической и греческий язык в православной Европе воспринимались как один из важнейших хранителей «древнего благочестия».

Четвертым условием вступления в культурное взаимодействие является возможность обратной связи между транслятором культурных текстов и культурной периферией, которая может иметь различные формы. Ассиметричность взаимодействия заключается в неравном обмене культурными текстами. Так, Византия транслирует на православные страны все богатство и разнообразие своей культуры. При этом она использовала славянские военные дружины, за счет чего происходила славянизация сельского хозяйства.

Когда носители соседней культуры встают во главе государства, они становятся и проводниками этой культуры. В Молдавии чиновники греческого происхождения фактически насадили византийское законодательство, очень глубоко укоренившееся в Бесарабии.

Но носители транслируемой культуры – купцы, чиновники, военные и священнослужители – и сами подвергаются влиянию воспринимающей

стороны. Ближневосточный культ Митры распространился в среде римских легионеров на пространстве Римской империи, а сирийские и греческие традиции оказали влияние на формирование ранневизантийской культуры.

Взаимодействие не исчерпывается межэтническими контактами в едином временном континууме. Большая роль в формировании культурного пространства отводится временному взаимодействию, игравшему важнейшую роль в развитии культур на определенных этапах развития.

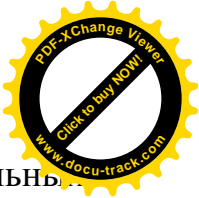
Потенциальные возможности временных форм взаимодействия более ограничены по сравнению с пространственными. Молодое Российское государство, оказавшееся к концу XV в. в окружении чуждых культур, практически перестает заимствовать культурные тексты извне из-за их несоответствия принципам и целям развития общества. Начинается поиск других источников и активное использование внутренних резервов развития. Российские государи продолжают использовать для построения законодательной системы все менее и менее актуальные византийские нормативные акты, и княжеское право, основанное на Русской Правде.

Выстраивание идеологической основы российской власти продолжается на базе византийской идеи о вселенском христианском царстве. Церковь, переживающая сложную эпоху становления отношений с усиливающейся монархией, опирается на мертвую догматику и пережившие свой век представления о месте религии в жизни людей, и с воцарением Петра I терпит поражение в борьбе со светской властью. Военная система, основанная на традиционном русском строе, методах боя и степных заимствованиях, все больше отстает от европейской. И все же до конца XVI в. временной диалог приносит результаты, достойные восхищения.

Каждый человек в отдельности и общество в целом для своего развития нуждаются в коммуникативном обмене и общении. Вариативность, темпы и особенности развития зависят от многих факторов (численность населения, география, природно-климатические условия, характер почвы, богатство флоры и фауны и т. д.). Страна, имеющая наиболее благоприятные условия и предпосылки для успешного развития в различных областях, не всегда становилась наиболее развитой и богатой, что показывает пример России. И наоборот, страна, имеющая наименее благоприятные условия для развития, не всегда становилась наименее развитой, а способна занять лидирующие позиции как, например, Япония.

Именно возможность контактов и желание взаимодействовать обеспечивают наиболее благоприятные условия развития того или иного государства. Замкнутость этнической и государственной структуры, напротив, приводит к консервации отношений и замедлению темпов развития, что доказывает история Китая XVIII – середины XIX вв.

Понимание закономерностей культурного взаимодействия и диалога позволяет увидеть специфику изменений, происходящих в современном мире. Это дает возможность выявить качественное своеобразие эпохи модернизации и найти причины неприятия образцов западного демократического общества значительной частью политической элиты и

населения нашей страны, коренящиеся в несоответствии ментальных моделей.

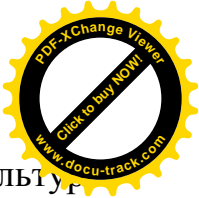
Осознание преимуществ, которыми обладает сосед в той или иной области общественной жизни, и желание приобрести эти преимущества делает взаимодействие возможным и нужным. Необходимость в культурном заимствовании, прежде всего, для собственного развития является основной причиной диалога культур. «Нуждаясь в партнере, культура постоянно создает собственными усилиями этого «чужого», носителя другого сознания, иначе кодирующего мир и тексты». Иное восприятие окружающего мира и другие формы общественных отношений позволяют государству вступить в новую стадию общественного развития.

Одной из важнейших причин вступления того или иного народа во взаимодействие с другим народом является попытка приобрести новый объект влияния. Прежде всего, интерес представляет политическое и экономическое влияние. Однако установление политической зависимости с помощью силы чревато большими людскими и материальными затратами, да и результат его не всегда бывает положительным. Различные идеологические установки, придание внешнего сходства с эталонной культурой является попыткой воплотить на национальной почве некие новаторские социально-экономические и политические идеи. Часто это помогает доминантной культуре самоутвердиться как лидеру, ведущему за собой остальных.

Без общности культурного поля, в рамках которого существуют два народа, создать систему «старший-младший» в культурном (идеологическом), а не силовом поле или невозможно, или такая система будет лишь временной. Созидание общей культуры, ее обогащение и развитие не может не заставить взаимодействующие народы соучаствовать в целеполагании, жизни и деятельности друг друга.

Отсутствие ответной реакции на переданную информацию невозможно, ответная реакция в какой-либо форме следует всегда. Примеров абсолютного молчания в ответ на данную объекту информацию в виде любого культурного текста мы назвать не можем. Субъект всегда ждет какой-либо ответ на данную объекту информацию. Иначе пропадает смысл передачи информации, теряется мотивационная составляющая такого взаимодействия.

В качестве примера рассмотрим лекцию. Читая лекцию, преподаватель, на первый взгляд, не получает от аудитории немедленной реакции. Казалось бы, он ведет монолог. Но, видя реакцию студентов на прочитанный материал, преподаватель на самом деле получает ответ. Равнодушие студентов (это тоже форма ответа) заставляет его усилить эмоциональность чтения, разнообразить теоретическое изложение конкретными примерами, усовершенствовать методы изложения или изменить его последовательность и т. д. Конечным ответом является уровень выявленных на экзамене знаний, степень успешности карьеры выпускников, их благодарность (немедленная или выросшая сквозь оценку применимости знаний через многие годы), авторитетность преподавателя среди коллег и т. д.

В этом примере демонстрируется первая особенность диалога культур – асинхронность ответа. Культура, транслирующая какие-либо образцы партнеру по общению, может получить в ответ реакцию и немедленно, но чаще мы видим разрыв во времени между передачей информации и ответной реакцией. Данная реакция может быть как ожидаемой, так и неожиданной. Римляне, распространяя свою культуру на покоренные народы, получали в ответ восстания. Это заставляло их менять методы управления. Император Каракалла (211 – 217 гг.) распространил римское гражданство на всех свободных подданных. Если немедленной, положительной реакции римская культура так и не дождалась, то это не значит, что ответа не было. Преклонение варваров перед римской культурой пришло позже (позиция короля остготов Теодориха). Деятели Возрождения именно на основе античных и римских образцов создают свои литературные, скульптурные, архитектурные и другие художественные шедевры.

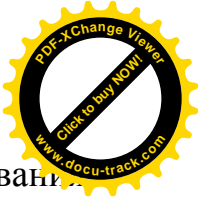
Эти особенности и определяют содержание диалога культур. Синхронность во времени и содержании – есть редкий, исключительный случай культурного диалога.

Действительно, лишь полное отсутствие мыслительной деятельности можно характеризовать как нахождение вне ситуации и вне системы общения. Человек руководит своими действиями с помощью мысли, получая в ответ подтверждение или опровержение правильности своих умозаключений. В течение жизни человек постоянно участвует в таком диалоге, испытывая потребность в нем. Человечество существует в рамках диалога с момента своего зарождения.

Постепенно практическая направленность диалога человеческого разума с видимыми результатами деятельности делит место в его сознании и жизни с теоретической. Диалог разума и деятельности, близкий к рефлексивной деятельности, характерной для всего животного мира, рождает уже диалог не разума и деятельности, а разумов между собой – умственных или теоретических ситуаций общения. В ходе диалога разумов ответом становится некая теоретически ценная идея (философия, математика, механика и т. д.) или эстетически ценный образ (литература, музыка, роспись и т. д.). Рождается материальная культура – плод общения (диалога) разума и деятельности и духовная культура – плод общения (диалога) нескольких разумов между собой.

Культура диалогична по природе своей. Диалог – важнейший методологический принцип понимания культуры, принцип, обеспечивающий саморазвитие культуры. Все культурные и исторические явления – продукты взаимодействия, общения. Встреча между культурами и цивилизациями – это встреча между разными типами духовности и разными реалиями. Чтобы вступить в достойный диалог с представителями каких-либо культур, необходимо знать и понимать эти культуры.

Диалог, главным предметом которого является культура, неисчерпаем, что доказывает вся история человечества. Интерес, проявляемый представителями различных культур друг к другу, служит начальной стадией

диалога. Разные культуры на протяжении своего существования сталкивались друг с другом. Часто причиной столкновения была борьба за существование. Коридор Великой Степи, то есть пространство от Урала до границ современной Венгрии, был котлом, в котором перемешивались, поглощали друг друга, мирно соседствовали, находили временное пристанище или новую родину многие культуры. Для нас в этом многообразии важнее мирные формы сосуществования культур, которые выходили на уровень диалога.

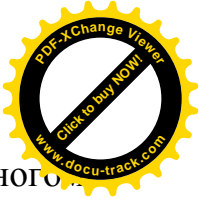
Самосохранение культур становилось условием диалога, а результатом являлось формирование духовного единства культур. Препятствиями в диалоге могли служить разнонаправленные системы ценностей, что затрудняло диалог. Поэтому некоторые культуры неохотно вступали в контакты с другими. Китай XVIII – XIX вв., Бирма (Мьянма) и Иран сегодня выступают примерами такого порядка.

Диалог является главной формой межнационального общения, предполагающей взаимообогащение и сохранение самобытности культур. Изоляция одной культуры от соседних может сказаться негативно на собственном национальном достоинстве. Взаимодействие ведет к умножению опыта не только своей национальной культуры, но и других культур, показывает на возможность бесконечного и неисчерпаемого познания.

Диалог культур был и остается главным в развитии человечества. На протяжении тысячелетий происходило взаимообогащение культур, из которых постепенно складывалась единая картина человеческой цивилизации. Процесс взаимодействия, диалога культур носит сложный и неравномерный характер. Наиболее активно он происходит при усвоении близких тому или иному типу мышления ценностей. Взаимодействие культур носит сегодня преимущественно политический характер, так как связан с попытками мирными способами, без применения силы снимать межнациональную напряженность.

В условиях глобализации возрастает международный диалог культур. Международный культурный диалог усиливает взаимопонимание между народами, дает возможность познания собственного национального «Я». Если раньше казалось, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и вместе им не сойтись» (Р.Киплинг), то сегодня наметилось понимание необходимости поиска точек соприкосновения. Более значимым становится культурный аспект внешней политики. Глобализация способствует диалогу культур. Открытость диалогу и взаимопониманию в современном мире приобретают глубокий характер. Однако, участвуя в диалоге культур, надо знать не только свою культуру, но и сопредельные культуры, их традиции, верования и обычаи.

Диалог культур приводит к углублению культурного саморазвития, к взаимообогащению за счет культурного опыта соседей как в рамках определенных культур, так и в масштабах мировой культуры. Необходимость диалога культур становится условием самосохранения человечества. Но

взаимодействие, диалог культур в современном мире – это во многом процесс болезненный. Здесь необходимо максимально корректное отношение в интересах каждой из сторон.

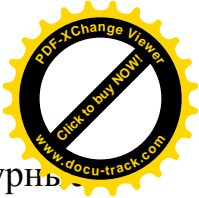
Диалог культур в широком, самом общем виде – это важнейшая форма общения культур, главной целью которой является обмен материальными и духовными достижениями и ценностями для собственного успешного развития.

«Человек, познавая объективную (онтологическую) истинность мира, сам становится более истинным». Познание окружающей действительности, изучение истории человеческих отношений позволяет нам понять процессы, происходящие в обществе сегодня, позволяет познать глубже самого себя каждому человеку. Познание окружающего мира позволяет человеку более рационально выстраивать свою жизнь.

В ответ на принятие православия, славянские народы получают авторитет собственной государственности. В ответ на транслируемые европейским народам культурные тексты, Византия получала наемные дружины варангов и россов, спокойствие на торговых путях и, наконец, признание своего культурного первенства в Ойкумене. Таким образом, вторая особенность диалога выражается не в аналоговом, а часто в неравноценном содержании ответа.

Изучение этнокультурного пространства не может быть оторвано от исследований языкового взаимодействия и семиотики культуры. При исследованиях нашего типа, невозможно обойтись без такой фундаментальной категории, как культурный текст, фактически применимой к любому культурному объекту. В.Розин так характеризует сложный процесс возникновения новой области знаний: «Новые знания получаются за счет отождествления с помощью схем двух совершенно разных предметных областей, и затем приписывания видоизмененных знаний из одной области объектам другой». Таким образом, диалог наук – есть своеобразный процесс смыслообразования, синтеза новых знаний, новых культурных текстов.

«Периферийные семиотические образования могут быть представлены не замкнутыми структурами, а их фрагментами или отдельными текстами. Выступая в качестве «чужих» для данной системы, эти тексты выполняют в целостном механизме семиосферы функцию катализатора. С одной стороны, граница с чужим текстом всегда является областью усиленного смыслообразования. С другой, любой обломок семиотической структуры или отдельный текст сохраняет механизмы реконструкции всей системы», – указывал Ю.М. Лотман. Возникновение на периферии стабильных крупных цивилизаций «пограничных культур» в зонах, где переплетаются границы, ценности, стереотипы, религии, хозяйственные типы, – это не только возможный, но и довольно частый вариант развития культур. Вступая во взаимодействие с иными цивилизациями (культурами), они создают и формируют новые своеобразные мозаичные системы. Ярким примером подобной эволюции, безусловно, является Россия.

Существует и такой вид диалога, в который вступают культурные тексты внутри той или иной системы. Причины такой формы диалога могут быть различными. В отличие от перечисленных ранее пространственных форм ее можно назвать временной формой взаимодействия.

Богатство форм диалогового взаимодействия зависит от количества адресатов и адресантов, от уровня развития взаимодействующих культур, от целей вступления в диалог, от уровня заинтересованности сторон во взаимодействии и т. д. Многофакторность диалога культур является его неотъемлемым свойством.

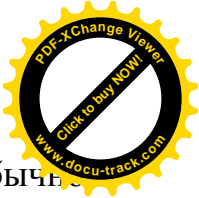
Партнерство в диалоге может складываться между одним объектом и одним субъектом. Двусторонний диалог предполагает наличие простой цепочки движения информации от адресанта к адресату и обратно.

Нас интересуют, прежде всего, динамические, развивающиеся системы, способные активно транслировать и воспринимать различные культурные тексты. Все динамические системы культуры начинают свое развитие с некоей нулевой точки. Определяющее место в эволюции занимают законы саморазвития, связанные с особенностями каждой конкретной культуры. Они и задают направление вектора развития. Не только законы саморазвития, но и столкновения с векторами развития других динамических систем заставляют субъекта взаимодействия не только корректировать направление собственного развития под воздействием соседей, но порой вынуждают вовсе менять направление эволюционного движения любой рассматриваемой системы культуры.

Диалог различных культур и какое-либо взаимодействие или взаимообмен культурными текстами не может начаться между вступающими в контакт системами, если они идентичны между собой или не имеют ценных и значимых друг для друга информационных единиц (Ю.М. Лотман называет это ситуацией «непересечения»). «Нормальной становится ситуация пересечения языкового пространства говорящего и слушающего. В ситуации непересечения общение предполагается невозможным, полное пересечение делает общение бессодержательным». В случае отсутствия различий между системами диалог теряет смысл и какую-либо целесообразность. Естественно, что при этом у двух или более участников диалога цель обмена культурными текстами не обязательно должна совпадать.

Этапы и особенности взаимодействия этносов. Люди — существа социальные. Поэтому они не могут существовать, не объединяясь в различного рода общественные группы — семьи, общины, касты и иные общественные структуры. Одной из ведущих форм социального объединения, связанной с территорией и людьми, на ней проживающими, является государство. Государство в своей связи с территорией обычно называется страной. Люди, проживающие на данной территории, образуют народонаселение или народ. Вся совокупность общественных структур и связей данного народа создает общество данной страны.

Социальной общностью, объединяющей людей посредством культуры, является национальность или этнос. Этнос не связан с государством

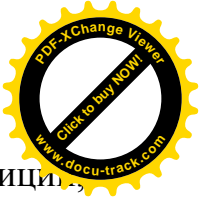
непосредственно и порой является компонентом нескольких наций. Обычно нации бывают полиэтничными. В переводе с греческого понятие «этнос» имеет несколько значений – народ, племя, толпа, группа людей, язычники, стадо. Но к V в. до н. э. выделяются два основных значения этого термина — «племя» и «народ», и постепенно второе толкование вытесняет первое.

Терминологический словарь «Культура и образование» определяет «народ» как «большую группу людей, связанных главным образом местом своего пребывания: простая толпа и жители целого государства. В науке термин «народ» употребляется в двух основных значениях: 1) в социально-политическом смысле – слои и классы общества, которые на данном историческом этапе участвуют так или иначе в решении задач общественного развития; 2) в этническом смысле – для обозначения всех исторически сложившихся типов этнических общностей: племен, народностей и нации, то есть в значении этноса».

В культурологическом аспекте термин «этнос» употребляется в узком и в широком смысле слова. В широком смысле «этнос» — понятие собирательное, включающее в себя все типы этнических общностей. В узком смысле слова этнос — это одна из форм этнической общности; исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная общность людей, обладающих относительно стабильными особенностями культуры, психики и самосознанием, позволяющими членам данного этноса отличать себя от всех других этнических образований. Понятие «этнос» означает устойчивое человеческое сообщество, объединенное общим происхождением, кругом брачных связей, стереотипом поведения, языком и культурой, и осознающее свою общность. Этноты имеют биосоциальную природу, что означает единство биологического и социального в их происхождении.

Более развернутое представление об этносе дает академик Ю. Бромлей. Он отмечает, что понятие «этнос» и «этническая общность» в научном языке замещают быденное понятие «народ». К числу общих признаков этноса Ю. Бромлей относит устойчивость и наглядность. Перечень же характерных свойств этноса ученый-этнолог составляет на основе имеющихся в литературе концепций: «Так, одни авторы в качестве главных признаков этого рода называют язык и культуру; другие добавляют к этому территорию и этническое самосознание; третьи указывают, кроме того, на особенности психического склада; четвертые включают также в число этнических признаков общность происхождения и государственную принадлежность; пятые усматривают сущность этноса в особенностях психических стереотипов».

Проанализировав различные определения термина «этнос», можно принять следующее: «Этнос» – исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающая общими чертами: стабильными особенностями культуры и психологического склада, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований, фиксированным в самоназвании. Признаки этноса, отличающие его от

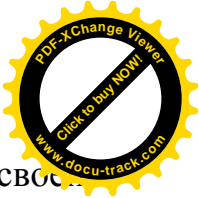
других этносов, – это язык, народное искусство, обычаи, обряды, традиции, нормы поведения, привычки, то есть то, что образует этническую культуру, обладающую специфическим для нее стилем.

Развитие каждой этнической системы включает несколько этапов. На первом этапе эволюция культуры может быть относительно независима от соседей. Вектор развития одной культуры корректируется лишь равнонаправленными векторами соседних культур. Л.Н. Гумилев определял этот период развития как «гомеостаз», то есть время, когда первобытные племена еще не накопили достаточно энергии и опыта для активного существования. Тысячелетия различные племена и культуры сосуществовали рядом друг с другом, не соприкасаясь и не оказывая друг на друга существенного влияния.

На втором этапе активность культур начинает быстро расти. Неизбежным становится столкновение с противоположно направленными векторами культурного развития. Более того, на этом этапе происходит и обратный процесс. Вектор, меняющий направление своего развития, заставляет коренным образом менять направление соседнего вектора. Сарматы, германцы, славяне, авары и другие племена начинают воспринимать и сами активно транслировать свою культуру. Происходит резкое изменение направления двух некогда противоположно направленных векторов развития этнических культур.

Культура становится гипердинамичной, постоянно развивающейся системой, совершающей поступательное движение на пути прогресса. В начале средневековья (V – VI вв.) на европейском пространстве наиболее активно проявили себя славяне и германцы, ставшие основателями большинства европейских государств. Германские и славянские племена имели в сравнении с римлянами не более или менее развитую культуру, а культуру иного уровня и содержания. Молодые «варварские» народы вошли в тесное соприкосновение с клонящейся к закату Римской империей в III – VI вв. Контакты были и раньше (вторжение кимбров и тевтонов в кон. II в. до н. э., Маркоманская война вт. пол. II в. н. э.), но они носили несистемный, сиюминутный характер.

Были ли какие-либо причины, кроме социально-экономических, двигавшие германцев и славян по пути столкновения с римлянами? Как пробившееся из земли вьющееся растение начинает искать опору для своего движения к солнцу, так и молодые культуры начинают искать источники, которые помогут им закрепить свою силу, и будут способствовать росту. Если вьюну на пути попадет хилое дерево, он попытается опереться на него, не пытаясь первое время найти более крепкое (или просто другое). Так и варварские народы, выйдя на стадию бурного развития, нашли себе первую опору в лице римской культуры. Что же заставило большинство германцев и южных славян начать активное взаимодействие с Римом? Почему не все германские народы пошли по пути истребления туземных культур, как это произошло в Британии? Только ли их малочисленность по сравнению с покоренным романизированным населением стала тому причиной?

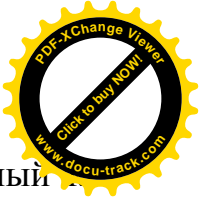

Именно потребность в новых элементах для построения здания своей культуры, народов пришедших на территории, заселенные более развитыми этносами, а также возможность без большой затраты сил расти и развиваться за счет ресурсов имеющихся на захваченных или осваиваемых территориях делало привлекательным культурное взаимодействие. Так, огромный потенциал римско-византийского культурного опыта позволил германцам и славянам построить новые общественные отношения, перенять некоторые методы хозяйствования и управления, заменить язычество на более подходящую для государственного существования монотеистическую религию – христианство. Несомненно, именно возможность и необходимость заимствования у соседа того, что отсутствовало в собственной культуре, стали одними из важнейших причин культурных контактов и вооруженных конфликтов в начале средневековья.

Зачем нападать на мощное государство с прекрасной армией, если есть более слабый сосед? Но у более слабого соседа нет золота, нет комфортного быта, нет рабов, нет дорог, нет дорогих и экзотических товаров. Победа над равным может дать только новый кусок земли и все тоже самое, что есть и у победителя. Такова была логика у германцев и славян в III – VI вв., европейских колонизаторов XV – XIX вв. и современных народов Западного мира, обремененных нехваткой ресурсов.

Африканские, тихоокеанские и американские народы привлекались блеском бус и гребешков и отдавали за них свое золото и землю. Аналогично и при первых контактах германцев и славян с римской культурой, их сначала привлекало материальное богатство. Изначально главной целью взаимодействия был грабеж. Но тем самым начало контактам было положено. Германцы и славяне воевали и между собой, но уже за право большей доли в добыче в римских землях (реальной или потенциальной).

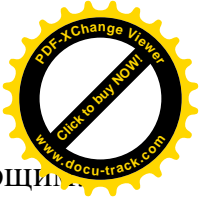
Получив в ходе удачных войн вт. тр. III в. значительные материальные ценности, германцы, при прежнем отрицательном отношении к ее носителям, получили представление и о внутреннем содержании культуры и стали продолжать нападения с желанием овладеть уже не только золотом, но и системой, рождавшей это золото. Римские титулы, элементы римского управления, в значительной мере язык (Испания, Италия, Бургундия и Прованс), религия – вот то, что стали уже не завоевывать, а заимствовать победители. Если бы эти трофеи были не нужны для развития собственной культуры победителей, то они остались бы лишь красивыми безделушками на стенах замков. Но это стало частью сознания людей, основой романо-германской языковой и в целом культурной общности европейских народов. Ведь за 250-летний период господства монголо-татар на Руси не стал же татарский язык основой русского языка! А латинский язык для Франции, Испании и Италии. Подобно и часть астуриков и вестготов отвергла арабский мир и ислам, начав в VIII в. Реконкисту, а христианство, принятое из Рима, стало их знаменем. Вернулись европейские народы к системе римского права в кон. XI в., но не сделали этого Сирия, Иордания и Египет, где Рим и Византия господствовали более 500 лет, и отвергают его по сей день.

Жаждающий человек, прежде всего, подойдет к воде, как голодный к пище. Каждый берет то, что ему нужно. Но истинные мусульмане и иудеи не притронутся к свинине, как бы они ни были голодны. Европейец, при возможности, скорее старается «раздеть» женщину, а араб облачает ее в чадру. Культурные доминанты различны, источники заимствования и их цели также. Поэтому для средневекового араба римская чаша I – V в. – просто старинная посуда, а для европейца символ эпохи первых христиан – аналог Грааля. Для турка стены Софийского собора в Константинополе – лишь остов для великолепной мечети, а для грека – символ православия.

Германская и славянские культуры находились в стадии перманентного, медленного, характерного для всех первобытных племен, развития вплоть до II н. э. С III в. начинается перемещение германских, а с VI в. славянских племен по Европе. Готы, вандалы, франки, маркоманы (бавары), алеманы, ругии, бургунды, свевы уже более полутора столетий перемещались вдоль границ империи. Гунны, вторгшиеся в 375 г. в Причерноморье, лишь усилили это движение, но не стимулировали его начало. Такую же роль, усиливая тенденцию к перемещениям, для южных и восточных славян сыграли авары. Вторжений славян на Балканы относится начинается в правление Юстиниана I, то есть примерно на 30 лет раньше появления аваров.

Попробуем понять причины того, что заставляло древние народы перемещаться. Если культура – живой организм, то он должен расти и чем-либо питаться. Первобытные культуры к началу описываемых событий накопили достаточный опыт существования и достаточную силу для того, чтобы заявить о себе, как молодой волк стае под руководством опытного, но старого вожака. Ресурсов собственного развития их культуре стало не хватать для выживания рядом со столь же агрессивными и сильными культурами. Взаимное истребление, которое имело место у германцев в предшествующую эпоху, могло лишь отсрочить необходимость в новых источниках развития, но не устранить ее. Перенасыщенность населением земель между Рейном, Дунаем и Вислой одно за другим выталкивала племена на границы империи. Это были не слабейшие, а именно наиболее активные и агрессивные племена (готы, вандалы, франки, алеманы и бургунды более всего виновны в разрушении Западной Римской империи). Почему же они не продолжали освобождение пространства путем войн с соседними племенами? Они были наиболее жизнеспособны и развиты и искали то, что могло их поднять на новую высоту существования. Именно эту эпоху (II – IV вв.) можно назвать толчком к движению на новой стадии, но еще не развитием на этой стадии. В это время культуры определяют направленность своего развития. Этим направлением стало активное сближение с римской культурой, но еще не слияние и не активное (системное) взаимодействие, носившее, прежде всего, потребительский (грабительский) характер. Те же процессы происходят в VI – VIII вв. на Балканском полуострове при участии южных славян и в IX – X вв. при участии восточных славян в Восточной Европе.

На третьем этапе вектор развития становится направляющим. Кристаллизуется направление развития этнических культур различных народов. В этот период в различных районах мира происходит становление собственных культур, которые вновь некоторое время существуют относительно независимо друг от друга. Развитие их равно направленно в сторону еще большего усложнения системы. Так происходило с этносами в эпоху развитого феодализма (XI – XIV вв.).

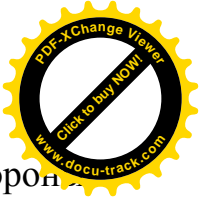
На последнем этапе этнического развития происходит взаимодействие различных этнических культур, когда достижения культур различных народов становятся достоянием соседей. Данные процессы, несомненно, характерны для периода, начавшегося с эпохи Великих Географических Открытий.

Естественно, что на протяжении всего движения различных векторов культуры одни из них усиливаются, а другие ослабевают. Векторы некоторых культур превращаются из направляемых в направляющие (древнеримский этнос в VI в. до. н. э). При столкновении равновеликих векторов может произойти их взаимное уничтожение или устранение. В этом случае освободившееся место занимает третий вектор. Так произошло после окончания Первой Мировой войны, когда Германия, Франция, Великобритания, Австро-Венгрия и Османская империя окончательно потеряли роль цивилизационных лидеров, уступив это место США, а после Второй Мировой к лидерам добавился СССР.

Данные варианты развития культур в ходе их взаимодействия являются, несомненно, самыми общими моделями. Процесс диалога культур весьма сложен и многосторонен. Так, фаза гомеостаза может продолжаться на протяжении всего существования той или иной культуры и так и не выйти за патриархальные рамки. Фазой гомеостаза может не только начинаться, но и заканчиваться развитие культуры. Все культуры рано или поздно теряют энергию, полностью истощив источники развития, если не участвуют во взаимодействии с соседями, тем самым не получая дополнительной энергии. В качестве реликта такие культуры могут просуществовать очень долго, но рано или поздно они с неизбежностью поглощаются более сильными соседями (кельты во Франции и Великобритании, торки и мурома в Древней Руси).

Многосторонний диалог предполагает весьма сложную систему взаимоотношений, когда в некоторых случаях ответная реакция может не доходить от адресата к адресанту. Многочисленность, взаимопереплетенность и сложность ответных реакций адресатов и адресантов при обмене информацией является, таким образом, характерной чертой многостороннего диалога.

Отношения партнерства могут возникнуть между двумя системами, находящимися на одном уровне развития. В этом случае они строятся на основе борьбы за первенство. Адресат и адресант могут находиться на разных ступенях развития культуры, и тогда диалог строится по принципу отношений старшего и младшего. Наступает момент, когда по мере роста

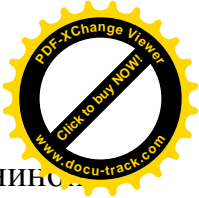
самосознания населения и культурного потенциала у принимающей стороны начинает нарастать необходимость в самоидентификации по отношению к транслятору. Одновременно растет стремление к преувеличению своей роли в культурной Ойкумене, вплоть до полного отрицания роли центра Ойкумены в культурном развитии (народы бывшей Российской империи после 1917 г. и страны бывшего СССР после 1990 г.). С точки зрения передающего, он транслирует свое богатство. «С точки зрения получателя передающий может рассматриваться как временный и часто недостойный доставшихся ему духовных ценностей. Высокая оценка получаемых ценностей подразумевает низкую оценку тех, от кого они получены».

Диалог может строиться между развивающейся в реальном времени и пространстве культурой адресата и культурой адресата, существующей в его культурной памяти. Адресат получал богатый культурный багаж, взамен надстраивая ореол авторитетности (реальной или приписываемой) культуры адресанта. Так, например, представители традиционных культур опираются на авторитет предков, даже если очевидны преимущества новшеств. В эпоху Возрождения прекрасные образцы средневековой архитектуры названы готической (т.е., варварской). Актуальным стало все то, что опиралось на классику античности. Многие правители, претендовавшие на лидерство в Европе в Средневековье, обосновывали свои претензии связью с римским наследием (Карл Великий, Оттон I Великий, Иван IV Грозный). Так и сегодня КПРФ использует авторитет КПСС в памяти старшего поколения.

Целями обмена культурной информацией может быть получение материальных или духовных ценностей. При обмене материальными ценностями главным двигателем взаимоотношений выступает торговля и грабеж. При торговле взаимообмен ценностями, как правило, носит паритетный характер. При грабеже одна сторона обогащается, вторая, соответственно, либо сопротивляется грабежу, либо постепенно деградирует, если не в силах дать отпор. При этом грабитель не всегда вкладывает награбленные ценности в свое развитие, попросту тратя награбленное.

При равной заинтересованности в диалоге, обе стороны получают друг от друга различного рода информацию, необходимую для построения или восстановления своего здания культуры. Диалог всегда начинается с культурного контакта, в ходе которого происходит знакомство одной культуры с другой. На этом этапе происходит осмысление партнерами важности или, напротив, нецелесообразности контактов. Контакты культур могут быть обусловлены такими причинами как торговля, военно-политический союз или соперничество, военный конфликт. Культурный контакт как первое соприкосновение двух чуждых или родственных систем может привести как к длительному взаимодействию, так и к последующему взаимному отторжению.

Причиной отторжения, несовместимости культурных доминант может служить опасность или ожидание опасности культурной ассимиляции. Подобная ситуация сложилась, в частности, в Китае и Японии в средние века и Новое Время. Видение слабости или опасения разрушения собственной

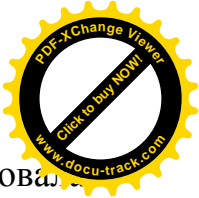

структуры культуры под натиском контактера так же является причиной прекращения или попыткой прекращения контактов. Однако закрытость для контакта позволяет лишь некоторое время поддерживать культуру в развивающемся или стабильном состоянии. Япония к сер. XIX вв. и Россия к кон. XVII вв., исчерпав собственные ресурсы, вышли из изоляции, начав активное взаимодействие с соседями. Нежелание отступать от политики изоляции приводит к деградации культуры или ее превращению в реликт. Китай XIX – нач. XX вв. вступил в полосу тяжелого социально-экономического кризиса, и огромное государство разорвали на части внутренние противоречия и внешняя агрессия первой половины XX в. Многие племена Океании и Африки, сохранив относительную изоляцию, стали сегодня заповедником первобытной культуры.

Контакт этнических культур не может носить случайный характер. Всегда есть определенные условия, которые вынудили соседствующие системы вступить во взаимодействие. Это может быть невозможность стабильного поступательного развития собственной системы в условиях усложнения структуры общественных отношений. Наличие сильного соседа так же вынуждало осуществлять поиск менее агрессивных соседей, с которыми необходимо было строить отношения на основе новых правовых обычаев или норм. Недостаточность природных ресурсов в ареале распространения культуры для существования этнической общности заставляло народы перемещаться в поиске более благоприятной природно-климатической и ландшафтной среды и вступать в контакт с новыми соседями. Выбор нового контактера до начала Новейшего времени (XX в.), несомненно, мог быть случайным или вынужденным, и был ограничен числом имеющихся или появившихся на границе соседей. Ситуация изменилась в Новейшее время. Теперь в условиях глобализации культурная система не ограничена в выборе партнеров по диалогу.

Следующим шагом диалога является установление определенных правил взаимоотношений и обмена культурными ценностями. Контакт, предполагающий лишь поверхностные отношения, исчерпывает себя. Для упорядочения связей двух культур становится необходимой правовая основа более глубокого взаимодействия. Таковы договора Киевской Руси и Византии X вв. На данном этапе постепенно выстраивается магистральное направление взаимодействия культур. Поиск новой идеологии для укрепления государственности, осуществляемый княгиней Ольгой и князем Владимиром Святым, вывел Русь на путь духовного обмена с Византией.

Широкое культурное заимствование является апогеем диалога. Так, начиная с Петра I, Россия повернула вектор своего развития в сторону Европы. Были установлены постоянные контакты с западными соседями. На протяжении XVIII – нач. XX вв. европейские элементы культуры встраивались во все области жизни страны. Именно тогда Россия стала истинной частью европейского субконтинента. Конечным итогом и апогеем такой полосы заимствований и встраивания в единое культурное пространство стало участие России в Первой мировой войне на стороне

одного из военно-политических блоков – Антанты. За этим последовала Великая Октябрьская революция 1917 г. Она обозначила «пресыщение» диалогом.

Этот диалог привел к огромному дисбалансу во всех областях социально-экономической, политической и духовной культуры. Западнические устремления этнической и экономической элиты и нежелание народа ждать того момента, когда жизнь по-европейски станет не только внешне передовой, но и внутренне благополучной, привело к окончанию взаимодействия. Более чем на десятилетие РСФСР (с 1922 г. – СССР) практически прекратила контакты с капиталистическими (т.е. западными) странами.

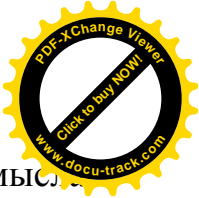
Последствия влияния могут отражаться на отдельных сторонах жизни адресата, но не обязательно приводят к его желанию полностью повернуться в русло развития адресанта. Так, лошадь и огнестрельное оружие, неизвестные индейцам до кон. XV – нач. XVI вв., стали частью их культуры практически сразу, но вплоть до нач. XX в. они активно сопротивлялись иным попыткам полной ассимиляции.

Влияние может быть и всеобъемлющим, перестраивающим не только отдельные элементы, но всю систему культуры, мировоззрение народа, государственное устройство. Русь с момента принятия христианства и до эпохи Петра I прошла именно такой путь восприятия византийской культуры. Даже исчезновение Византии в реальном времени не прекратило диалогового взаимодействия между Вторым Римом и Московской Русью. Произошел переход из пространственной во временную форму диалога культурной памяти России.

Степень влияния адресанта зависела от внутреннего согласования воспринятых элементов культуры с собственным культурным багажом адресата. Если перенятая часть лишь помогала адаптировать собственную культуру к новым условиям, то дальнейшее влияние могло сойти на нет. Если же элемент воспринятой культуры согласовывался с устремлениями и духом системы адресата, то появлялась потребность в новых и новых заимствованиях. «Принцип домино» вводил в диалог все новые и новые пласты взаимодействующих культур, приводя к сближению внешнего облика адресанта и адресата.

Взаимодействие между равными по уровню развития культурами происходит в форме диалога, то есть равноценного обмена. Однако чаще всего взаимодействие строится на основе аккультурации, когда менее развитая культура воспринимает элементы более развитой. Именно в данном случае мотивация взаимодействия наиболее высока, так как равноуровневые культуры могут сосуществовать и без диалога между собой. Чем менее развита культура адресата, тем более она подвержена процессу аккультурации со стороны адресанта.

Нередко культурные инновации вызывают опасения в их целесообразности и пользе. Причиной этого в большинстве случаев выступает то, что новшества насаждаются элитой всему обществу.

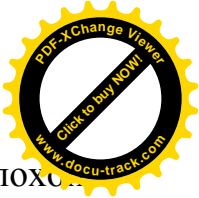

Значительная часть населения на первом этапе может не понимать смысл нововведений. Это всегда сопровождается неприятием нововведений более или менее значительной частью носителей воспринимающей культуры и приводит к реакции. Так было в Римской империи при императоре Юлиане Отступнике (361 – 363 гг.), когда была осуществлена попытка возрождения язычества. На Руси принятие христианства сопровождалось восстаниями под руководством языческих волхвов. Реформаторские устремления Петра I натолкнулись на русофильскую политику его сестры Софьи. Российское налоговое законодательство, вводимое в Башкирии в XVII – XVIII вв., привело к многочисленным восстаниям местного населения. Однако в целом это не меняло направленность и силу нараставших влияний. Рано или поздно наступал момент, когда новшества становились неотъемлемой частью культуры и воспринимались как естественные ее элементы.

Толчок в развитии культур, заставивший народы войти в соприкосновение с более развитыми соседями, завершается процессом кристаллизации – временем самоопределения культуры и выявления собственной идентичности или схожести с соседями, появлением самостоятельного «Я». Единая германская культура окончательно прекратила существование как сообщество племен с появлением трех народов в ходе подписания Верденского договора 843 г., когда официально оформляется французская, итальянская и германская нации (это произошло раньше и продолжалось позже, но данное событие стало знаковым и заметным). В ходе кристаллизации признаком самоидентификации стали религия (западное христианство в противоположность язычеству у германцев и православие у южных и восточных славян), язык (итальянский, немецкий, французский, русский, польский, болгарский), письменность (латиница у католиков и кириллица у православных), по которым та или иная культура выделяла себя или признавалась родственной.

Длительность толчка в развитии и границы кристаллизации практически невозможно датировать однозначно. У германцев и славян (славяне разделились на ветви западных, восточных и южных не раньше кон. V – нач. VI вв.) толчок произошел около II в. и длился до кон. VII в. Он характеризовался перемещением народов по Европе в поиске будущих партнеров по взаимодействию и постоянными военными столкновениями.

Процесс кристаллизации германских и славянских национальных культур можно определить в границах VIII – X вв. Именно тогда у германцев и славян заканчивается эпоха христианизации (континентальные саксы в кон. VIII – нач. IX в., скандинавы в X – нач. XI вв., западные славяне в пер. пол. X в., южные славяне в IX вв., восточные славяне в кон. X в.). В 861 г. патриарх Фотий и папа Николай посылают проклятья друг другу и открывают эпоху раскола христианства, увлекая за собой признавших их законное положение германцев и славян. Несколько раньше просветительская деятельность Кирилла и Мефодия подарила будущим православным славянам кириллическую письменность, тем самым отделив их от будущих католических славян и германцев. Языками международного общения

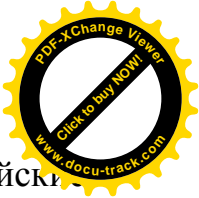

становятся латинский и греческий, как языки двух церквей. Эпоха кристаллизации заканчиваются бессистемные и разнонаправленные контакты культур. Католичество или православие того или иного народа становятся главными ориентирами в выборе партнеров по культурному взаимодействию.

Рубеж IX – X вв. становится началом новой эпохи в развитии культур. Контакты, аккультурация и различные формы взаимодействия становятся довольно строго направленными, мотивация и цели контактов становятся четкими. Именно X – XIV вв. представляет собой эпоху бурного развития культур всех европейских народов, активного развития духовной литературы, основных архитектурных стилей (готический и романский). Начинается изучение римского права на Западе и византийского права на Юге и Востоке Европы. Зарождается светская литература, процветает иконопись, товарно-денежные отношения начинают вытеснять натуральное хозяйство на Западе, внешнеторговые отношения охватывают всю Европу.

Вслед за эпохой бурного внутреннего развития и активного диалогового взаимодействия наступает период, который обычно характеризуют как расцвет культуры – Возрождение или Ренессанс (кон. XIV – XVI вв.). Здесь необходимо остановиться на вопросе о смещении акцентов. Почему эпоху, предшествующую новому витку развития культур, одних государств (Франция, Германия, Англия) и кризиса или быстрого замедления темпов развития культуры других (Испания, Германия, Италия) называют расцветом? Разве сразу после достижения наивысших темпов развития наступает упадок, или начинается новый виток без повторения начальных стадий? Нет ли в данной классификации некоторой недоговоренности? Многие важнейшие открытия и изобретения в области материальной культуры (маятниковые часы – 1000 г., ветряные мельницы с горизонтальным ротором – 1180 г., очки – 1285 г., каравеллы – XIII – XIV вв., огнестрельное оружие – 1180 г., доменные печи – сер. XIV в.), были сделаны именно в X – XIV вв. Именно тогда различные народы находились в поисках и размышлениях о своем будущем, что выразилось в потоке разнонаправленных событий, говорящих об этом. В правовой культуре наступает период рецепции римского права. В социально-экономической и политической сферах начинается эпоха развитого феодализма. С началом крестовых походов европейцы открывают для себя Ближний Восток. Католические (лионские бедные, вальденсы, катары и др.) и православные (манихеи, павликиане, богумилы и др.) ереси именно в X – XIV вв. становятся наибольшим бедствием для ортодоксов. Окончательно оформляются православная и католическая церкви. Что это, если не активные духовные поиски? Именно тогда иконопись, как и церковное изобразительное искусство в целом, приобретают наиболее развитые и разнообразные формы. И такое бурное развитие и формообразование наблюдается во всех проявлениях культуры.

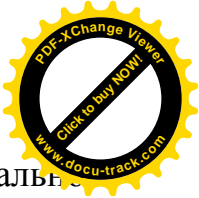
В кон. XIV – XVII вв. в культуре европейского субконтинента происходят несколько иные процессы. Греки, теснимые турками, уезжают в

Испанию, Италию и Россию. Именно наплыв греков в европейские государства (конечно, не только массовая миграция греков) во многом способствовал приближению эпохи Возрождения. Музыкальное и изобразительное искусство, архитектура достигают наиболее совершенных форм. Развитие астрологии приводит к появлению астрономии в современном смысле слова, алхимия рождает современную химию. Мы связываем эти события именно с расцветом европейской культуры. Но разве не наиболее плодотворным был предшествующий период? Камень, брошенный вверх, достигает своей высшей точки движения не на максимальной скорости, а в ходе ее постепенного снижения – по инерции. Разве не подобным же образом развивается человек, прилагая наибольшие усилия при постижении основ различных наук в школе и университете? Для чего он это делает, как не для того, чтобы в дальнейшем на основе полученных знаний продвигать науку или просто жить и трудиться? Человеческий мозг и организм в целом развиваются до 20 – 25 лет, а потом постепенно стареют. Так почему культура как продукт человеческой жизнедеятельности не может подчиняться и законам развития человека?

Любое живое существо в период роста или движения стремится приложить максимальные усилия для того, чтобы затем, при наименьшем приложении или вовсе при отсутствии усилий, по инерции двигаться вперед. Современные «проводники» мировой цивилизации (народы Запада) прикрываются другими лозунгами (демократия, общечеловеческие ценности), но на деле исходят из уже указанной логики, вторгаясь и подавляя культуру народов «третьего мира». Только прямое военное вмешательство перешло из разряда основных, во вспомогательное средство. Теперь для поглощения и захвата ресурсов сначала развращают сознание, например, чисто внешними атрибутами красивой жизни. Только вместо бус и гребешков используются джинсы, Соса-сола, поп-музыка и теле-шоу. Далее в сознание внедряются приоритеты чисто материального благополучия (американская мечта – быстро заработать миллион долларов, жить в собственном коттедже, иметь большую машину и т. д.). И, в конце концов, насаждается мысль, что только западная модель демократии может помочь достичь желаемого. И этнос, сознание которого уже подточено таким образом, готов лечь под танки, чтобы устроить революцию роз под руководством любых сомнительных лидеров. Народ сам, искренне веря в скорые перемены, достаточно скоро отдаст свои ресурсы и территории. Только когда описанного сценария недостаточно, вводятся армии (Афганистан, Ирак, Сербия). А любой поворот назад объявляется возвращением к дикому тоталитаризму и жестко пресекается.

Такие приемы использовали римляне с варварами, христианские миссионеры с язычниками, колонизаторы в Африке, Азии и Южной Америке. Так действовали во всех бывших социалистических странах. Так начали действовать в Китае, и будут действовать «далее везде». Меняются исторические условия, меняются идеологии, но цель (захват ресурсов и территорий) и методы ее достижения остаются прежними. Эти методы

позволяют не ввязываться в тяжелые и затратные, а, кроме того, моральны и неэтичны. Они позволяют избежать неэтичных и несправедливых войн, заставляя поверить, что сам этнос хочет повернуть на «новый» путь развития.

* * *

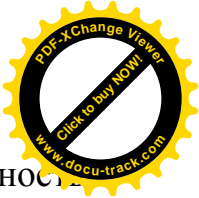
Взаимопонимание, взаимопроникновение и взаимодействие культур, их диалог – наиболее благоприятная основа для развития межэтнических, межнациональных отношений. Взаимодействие подчеркивает активную позицию в отношениях между культурами в процессе их развития. Взаимодействие культур – это двусторонний процесс изменения состояния, содержания культуры одного народа в результате воздействия культуры другого. Причинами и стимулами вступления во взаимодействие могут быть социальные сдвиги внутри этноса, эволюция и деформация политической системы, экономический кризис. Эти причины имеют место как независимо друг от друга, так и действуют на жизнь этноса в совокупности, что чаще всего и происходит в силу неразрывности всех указанных факторов.

Зарождение культуры распадается на два очень важных периода – толчок и кристаллизацию, а расцвет культуры есть эпоха не наиболее быстрого ее развития, а наиболее плодотворный период и постепенное замедление развития до нового витка (Новое и Новейшее Время).

2.2. Виды и формы взаимодействия этносов в пространстве и времени

Избирательность участников этнокультурного взаимодействия. Сегодня все культуры на планете находятся в тесном взаимодействии. Взаимодействие культур ведется и на межгосударственном уровне. Россия не стала исключением, активно включаясь во многие мировые культурные процессы. Одним из негативных последствий этого является рост критического, а часто и резко отрицательного отношения к западной культуре, которая самим западом и декларируется как «общечеловеческая». В силу изложенного, изучение особенностей и механизмов взаимодействия культур, а главное – его последствий является крайне актуальным.

Избирательность процесса взаимодействия культур является важнейшей его характеристикой, в ходе которой адепты или носители той или иной культуры выбирают партнеров по общению и осуществляют отбор культурных текстов. На выбор партнеров большое влияние оказывает внутренняя структура культуры. К моменту вступления в какие-либо партнерские отношения любая национальная культура имеет определенный культурный багаж. Степень и направленность развития культурных институтов заставляет искать различных партнеров. В результате определения круга партнеров, с которыми контактирует, вступает в отношения аккультурации или диалога культура, она определяет

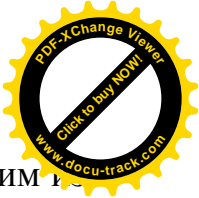

направление своего развития, самоопределяется, осознает невозможность или нецелесообразность взаимодействия с теми или иными культурами.

Примитивные и в то же время агрессивные культуры ищут партнеров, которые они способны подчинить. Агрессия более характерна, прежде всего, для молодых народов, которых уже не удовлетворяет качество собственных культурных ресурсов или же этих ресурсов не хватает количественно. В такой ситуации культура-адресант часто ограничивается изъятием у культуры-адресата различных видов ресурсов, например, золота, тканей, урожая или рекрутов. Адресант в этом случае не интересуется достижениями духовной культуры адресата в силу несовместимости системы ценностей (авары и Византия). В результате возможно полное разрушение культурной системы адресата. Так произошло с галло-римлянами в V – VI вв. на захваченных англо-саксами территориях, и с Волжской Булгарией после монголо-татарского нашествия 1236 г. При большей устойчивости и жизнеспособности, адресат может меняться местами с адресантом, примером тому выступает Московская Русь и ханства распавшейся Золотой Орды. При достаточной способности менее развитого адресанта к адаптации и восприятию богатой культурной среды адресата, может произойти их слияние в одну систему, как это произошло с викингами во французской Нормандии и балканскими болгарами.

В ситуации, когда партнеров по взаимодействию ищет высокоразвитая культура, мотивация в выборе партнерства совершенно иная. Высокорастворенная культура, исчерпав собственные ресурсы развития духовной культуры, ищет новые возможные источники духовного совершенствования, будь то политическая, правовая, религиозная или какая-либо иная область. Так восточные и южные славяне, встав на путь государственного строительства, восприняв христианство из Византии, начали активное сотрудничество с ней.

Культурно развитый народ или государство могут вступать во взаимодействие вынужденно, по принципу «враг моего врага – мой друг». Так произошло с Византией, которая в 1274 – 1439 гг. вела переговоры об унии с церковью с римским папой в обмен на военную и финансовую помощь в борьбе с турками. Потребность во взаимодействии более развитой культуры с менее развитой или с противоположно направленной культурой может быть связана так же и с нехваткой материальных ресурсов, например, земель, или с необходимостью обеспечить безопасность на границах с кочевниками или языческими племенами. Самой главной причиной такого взаимодействия, безусловно, в Европе выступает необходимость в новых материальных и людских ресурсах, которая могла прикрываться какой-либо идеей, например, миссией христианизации, как это было в Прибалтике в XIII – XV вв. Как правило, при таком взаимодействии возможно как насильственное разрушение менее развитой культурной системы, например, ассимиляция прусских племен, так и относительно мирное растворение ассимилируемой культуры, например, как это было с муромскими племенами на северо-востоке Древней Руси.

Избирательность при вступлении во взаимодействие является одним из важнейших его принципов. Избирательность диалога в ходе поиска партнеров ориентировала наиболее расположенные к диалогу страны на один путь развития. Именно наиболее универсальная римская (византийская) правовая система стала общей базой развития законодательства континентально-европейских стран. Ни Германия, имеющая выход к Балтике, ни Россия, ландшафтно-географически совершенно открытая для восточных влияний, ни Франция, подвергавшаяся в XII – XV вв. атакам английской культуры, не выбрали в качестве главного партнера никого иного, кроме друг друга и римско-византийской культурной памяти. Избирательность партнерства и культурных текстов стала определяющей базой развития многих культур Европы.

Контакты, аккультурация и навязывание культуры. Существуют многочисленные формы взаимодействия, которые связаны с процессами, происходящих внутри этносов и при общении между ними. Результатом такого взаимодействия может быть эволюция этносов, когда меняются элементы этнической культуры, но сам этнос сохраняет свою системную целостность. Возможна иная трансформация этноса, когда в ходе определенных процессов последний меняет свою систему:

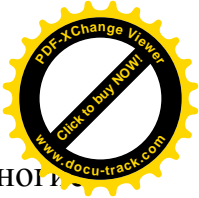
- деление одного этноса на несколько новых – парциация;
- отделение от одного этноса его части – сепарация;
- слияние нескольких родственных этносов – межэтническая консолидация;
- сплочение нескольких внутриэтнических групп в одну – внутриэтническая консолидация;
- объединение неродственных этносов – миксация;
- сближение нескольких этносов без слияния в один – интеграция.

Начинается все, как правило, с контактов на периферии, имеющих общие границы этносов. Контакты могут привести к пониманию несовместимости этнокультурных систем и росту конфликтной составляющей их взаимодействия, но об этом будет сказано позднее.

Результатом мирных контактов между этносами может стать включение некоторых элементов культуры соседа в собственную систему. Примером тому служит церковная десятина в системе налогообложения Русской Православной Церкви, пришедшая из католической Европы и отсутствовавшая в других православных странах.

Более глубокие и системные взаимоотношения могут привести к усложнению этнической системы. Ярким примером такого общения выступает принятие православия на Руси, когда новая религия внесла кардинальные изменения во все сферы духовной, политической, правовой и экономической культуры.

В результате принятия православия поле своеобразия древнерусской культуры не только расширилось, но одновременно привело к потере части своих уникальных характеристик. Так, система представлений об

окружающем мире стала общей для всей христианской Ойкумены, а многие чисто славянские константы были забыты или уничтожены.

В ходе длительного сосуществования с доминирующим этносом может исчезнуть этнокультурное своеобразие подчиненного этноса (бретонцы во Франции, валлийцы в Англии).

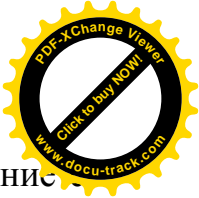
Ниже мы сосредоточим внимание на трех видах межэтнических отношений – адаптации, аккультурации и ассимиляций.

Адаптация – главное для нашего исследования свойство культуры, о чем мы говорили выше при рассмотрении компонентов этнокультурного пространства. Приспособление к природной среде в случае изменений в ней или миграции этноса в новую ландшафтную зону – первое необходимое условие выживания этноса и его в дальнейшего развития.

Народы, занявшие арктическую и субарктическую зоны, создали хрупкую систему отношений с природным окружением. Крайняя суровость климата и скудность ресурсов заставляют этнос тратить большую часть времени и усилий на выживание, практически не оставляя ему возможности для эволюции. Поэтому этносы, создав единственно возможную схему гомеостатического существования, остановились в развитии. Любые процессы в них либо вовсе отсутствуют, либо протекают невероятно растянуто во времени. Приобретаемые новые элементы культуры очень немногочисленны и связаны лишь с небольшой вариативностью форм жизнедеятельности в суровых условиях. Системные вторжения в культуру народа арктической или субарктической зоны приводят к его деградации или исчезновению под давлением более мобильной культуры народа, располагающегося в нескольких природно-климатических зонах. Единая модель хозяйственно-культурного типа, возникшего в этих условиях – общества собирателей, охотников, оленеводов и морских промысловиков. Часто все эти типы хозяйственной деятельности сочетаются, но никаких других компонентов не возникает.

Такую же гомеостатическую модель мы видим в этнокультурных пространствах, возникших в пустынях и полупустынях. Причины и следствия остановки эволюции или крайне медленного ее протекания те же, что у народов арктической и субарктической зоны, где слишком жаркий и сухой климат играет такую же гоместазирующую роль, как и слишком холодный.

В тропической зоне мы также видим в основном гомеостатические формы существования этносов. В данном случае к остановке развития или к его большому замедлению привели крайнее богатство пищевых ресурсов и ровный комфортный муссонный климат (саванна). Для того, чтобы выжить в этой природной среде, не нужно изобретать сложных систем материальной культуры. Стимул к развитию отсутствует. Однако, при столкновении с мобильной этнокультурной системой, располагающейся в нескольких ландшафтных зонах, развитие может начаться или ускориться. Это происходит потому, что благоприятный и богатый тропический ландшафт, в отличие от сурового и бедного ландшафта пустыни и Арктики, оставляют мощный резерв развития. Так, народы Древней Месоамерики, Юго-

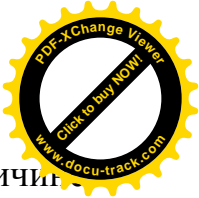
Восточной Азии, Индии и тропической Африки, войдя в соприкосновение с северными соседями, часто заканчивавшееся более или менее длительным подчинением, сами приобретали опыт эволюции.

Степные народы создавали соответствующие этносистемы, основанные на кочевом скотоводстве. Часто кочевники подчиняли земледельческие народы. Это приводило к смещению культурных центров в земледельческий регион и сепарации части этноса с покоренным народом. Итогом становился скорый раскол доминирующего кочевого этноса и крах симбиотической системы, из-за потери ментальной целеустремленности покоящейся в достатке бывшей степной, а ныне маргинальной элиты. Известен лишь один пример, когда кочевой народ, придя в земледельческую зону, сохранился полностью и эволюционировал в сторону земледельческого хозяйства – это венгры и болгары. При этом нужно понимать, что кочевники Азии нападали и завоевывали земледельческие народы, стоявшие на высокой социально-экономической и политической ступени развития. Китай и Мавераннахр (Согдиана) известны уже, по крайней мере, со времен Александра Македонского и всю дальнейшую историю были очагами высокоразвитой цивилизации и центрами притяжения кочевников.

Таинственные киммерийцы, скифы, саки и массагеты грабили Иран и Кавказ. Сарматы, гунны, авары граничили с Римской империей. Печенеги и половцы воевали с Русью и Византией. Татаро-монголы направляли свои усилия против богатейших и развитых азиатских стран и Восточной Европы, где в XIII в. был достигнут пик развития классического феодализма. Болгары, ушедшие в Поволжье, оказались в окружении первобытных народов, живших на перекрестке торговых путей. Они оказались разделенным и ослабленным этносом, который вынужден был строить партнерские симбиотические отношения с башкирами, чувашами, мари и др. Балканские болгары оказались в окружении равных по энергии и молодости земледельцев-славян. Венгры, вторгшиеся в Европу в кон. IX – нач. X в. застали мощных и молодых соседей в лице Германии, Польши, Руси и Болгарии, и, чтобы выжить, не только элита, но и весь этнос перешли к социально-экономической модели окружения. Раскола этноса не произошло, что во многом и позволило выжить, серьезно трансформировав при этом свою культуру.

Народы субтропического и умеренного климата являют пример наибольшей вариативности развития. Наличие нескольких ландшафтных зон на небольшой территории, резкие смены сезонов и необходимость поддержания плодородия почв заставили народы постоянно изобретать все новые и более совершенные способы адаптации. Ограниченность пространства и ресурсов, прирост населения к тому же приводили к необходимости расширения своего культурного поля за счет соседа и необходимости заимствования эффективных форм адаптации.

Китай и Япония – примеры, не выходящие за пределы описанной ситуации. Китай в течение своей истории активно и агрессивно взаимодействовал с соседями по всей периферии. Только в Новое Время эта

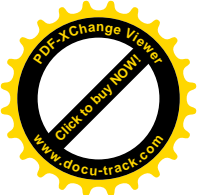
страна начала проводить политику изоляции. Это произошло по причине столкновения с конкурентными этносистемами более высокого уровня, которые претендовали на этнокультурное пространство господствующей нации. В сер. XIX в. эта замкнутость была разорвана извне, а в кон. XX в. Китай вновь возобновил политику активного взаимодействия по собственной инициативе. Япония замыкается по тем же причинам, что и Китай, и также в сер. XIX в. ее изоляция была искусственно прекращена. В отличие от Китая, эта страна начала проводить политику активного взаимодействия по собственной инициативе сразу после внешнего вмешательства.

Мы рассмотрим ненасильственные формы взаимодействия, к которым относится аккультурация. Ассимиляция и прочие недобровольные и насильственные формы взаимодействия рассматриваются нами как навязывание.

Мир является огромным культурным полем, «где ведут титаническую, нескончаемую битву различные параноидные системы, причем уцелеть в этой битве способны лишь такие системы (фикции, диалекты), которые проявляют достаточно хитроумия и изворотливости». Действительно, выживают и становятся наиболее жизнеспособными те этнические системы, которые проявляют наибольшую предрасположенность и открытость к взаимодействию. Базой этого были не только сильная экономика и армия, но мобильное, способное меняться этническое самосознание, его открытость для аккультурации, то есть для заимствований и самостоятельной трансляции культурного опыта. Страны, не проявившие «хитроумия и изворотливости», перемещаются на культурную периферию и гибнут (Сербия, Куба, Северная Корея, Мьянма).

К аккультурации собственно относят контакты представителей разных культур, в результате чего народы воспринимают культурные нормы и ценности друг друга. Аккультурация представляет собой процесс усвоения необходимых для жизни и позитивно воспринятых норм и ценностей чужой культуры, которые наслаиваются на традиции и обычаи родной культуры. Таким образом, аккультурация предполагает обучение нормам другой культуры, знакомство с ее историческим наследием, позволяет найти эффективную технологию общения людей.

Аккультурация связана с процессом проникновения в языковую культуру другого народа, чтобы стать «такими, как они». «Внешняя культура для того, чтобы вторгнуться в наш мир, должна перестать быть для него «внешней». Она должна найти себе имя и место в языке той культуры, в которую врывается извне». Аккультурация основана на выделении двух основ существования личности: изменение и приспособление к себе окружающей среды, а также сохранение ее и приспособление себя к ней. Первая выступает основой Западной цивилизации, вторая – основа Восточной цивилизации. Основная задача аккультурации современных народов, населяющих Восток и Запад нашей планеты, состоит в том, чтобы заставить уважать себя как нацию и при этом не остаться в одиночестве. «И это всеобщий закон: все живое может стать здоровым, сильным и

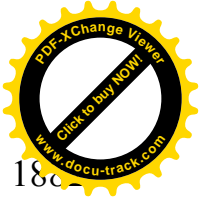
плодотворным только внутри известного горизонта; если же оно не способно ограничивать себя известным горизонтом и в то же время слишком себялюбиво, чтобы проникнуть взором в пределы чужого, то оно, медленно ослабевая, или порывисто идет к преждевременной гибели». Сами народы в современных условиях, чтобы выжить, безусловно, должны принять как данность усиливающуюся глобализацию и суметь приспособиться к новым требованиям сосуществования культур.

Ю.М.Лотман выделяет две причины взаимодействия культур: «1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные мне представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности». Мы считаем необходимым выделить третью причину, говорящую о неотъемлемой части пространственного взаимодействия – навязывании, когда не нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности, но встраивается и становится частью моей культуры. Таким образом, чуждые элементы культуры встраиваются адресантом в культуру адресата и часто становятся неотъемлемой ее частью.

Насильственное навязывание культуры завоеванному народу – привитие элементов культуры адресантом без учета потребностей в них адресата. Ассимиляция – крайняя форма навязывания, когда происходит стирание собственной идентичности адресата в ходе взаимодействия с адресантом. В этом случае трудно говорить о какой-либо целесообразности новшеств. Нововведения могут носить пагубный характер для существования культуры покоренного народа. Этническая и культурная ассимиляция – это наиболее характерное последствие такого воздействия. Примером тому служат полабские славяне, пруссы и часть финно-угорских народов европейской части России (мурома, весь, буртасы).

И все же ассимиляция не всегда удается завоевателям. Навязывание – очень распространенный метод пространственного взаимодействия культур. Его можно выделить в качестве отдельной формы в силу того, что многие агрессивные народы на завоеванных пространствах навязывали покоренным народам свою культуру во многих ее проявлениях. Немецкие феодалы и католические рыцари, например, навязали свою культуру полабским славянам и пруссам, полностью ассимилировав их.

Не всегда цель вступления во взаимодействие, предполагающая заимствование определенной информации, и информация, полученная в итоге, совпадают. Одной из важнейших причин получения такого результата взаимодействия является навязывание. Но подобное может происходить и тогда, когда инициирует контакт сторона, нуждающаяся в культурном багаже адресанта. Так, турки приглашали к себе в XIV – XV вв. византийцев, сербов, итальянцев, каталонцев, венгров для того, чтобы те научили их артиллерийском делу. В результате во второй половине XV в. турки перешли в активное военное, а главное [≠] духовное наступление. В результате население Балкан предпочитало власть мусульман власти католических и православных монархов. Реформы Мухаммеда Али привели к разрыву

Египта с Турцией в 30-е гг. XIX в. и его сближению с Европой, а уже в 1882 г. Египет фактически стал колонией Великобритании.

Без единой системы кодов возможно только силовое навязывание информации, которое ведет либо к ее отторжению или к насильственному привитию кодов реципиенту. Часто это приводит к полной ассимиляции на общекультурном уровне (Прибалтика, Померания и другие славянские земли по Эльбе). С окончанием периода завоеваний несоответствие внутренней организации покоренных территорий и завоевателей приводит к почти бесследному исчезновению навязанной правовой культуры. Так случилось в землях Иерусалимского королевства, потерянного крестоносцами к кон. XIII в., и на территории восстановленной в 1261 г. Византийской империи. Естественно, что в этом случае остаются «обломки» законодательства ушедших завоевателей. Например, обряд коронавания в Римской империи IV – V вв. и Византии XII – XV вв., воспринятый у германских народов и крестоносцев, ставший элементом правовой культуры на исходе истории данных государств. Но такие культурные фрагменты не играют системообразующей роли.

Другой особенностью является одностороннее восприятие элементов культуры при отсутствии объектов влияния или обмена. Как отмечал В.Соловьев, «идея культурного призвания может быть состоятельной и плодотворной только тогда, когда это призвание берется не как мнимая привилегия, а как действительная обязанность».

Примером возведения в абсолют мнимых привилегий является идея предопределения, господства и лидерства в мировом сообществе, когда персонификация себя с великой державой и ложная идея культурного превосходства давали право на диктат по отношению к своим соседям. Так поступали германские князья в Прибалтике и русские власти в землях бывшей Золотой Орды. Это происходит, как правило, при соприкосновении высоко организованных систем с менее сложными, стоящими на более низкой ступени развития. Несомненно, и балтийские, финно-угорские и тюркские племена также оказывали влияние на господствующий культурный центр, что сказывалось в огрубении и некотором упрощении системы управления землями культурной периферии, проникновении некоторых элементов «примитивной» культуры, смешении культур центра и периферии в контактных зонах и т. д. Но это влияние не было решающим.

Отсутствие возможности транслировать свою культуру приводит к весьма важным последствиям для развития народа или государства. Навязывание может привести к полному исчезновению народа, как это показала история кельтов во Франции. Навязывание может столкнуться с мощным сопротивлением или с попытками сопротивления вторжению чуждых элементов в национальную культуру, примером чего являются Гуситские войны в Чехии в XIV в.

Иногда носители культуры становятся во главе государства, являясь проводниками родной политической культуры. Так, например, в Молдавии

чиновники греческого происхождения фактически насадили византийское законодательство, очень глубоко укоренившееся в Бессарабии.

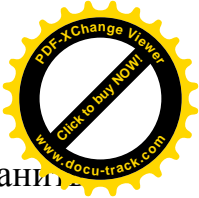
Главной особенностью такой формы взаимодействия как навязывание, является, несомненно, отсутствие обратной связи. В этом случае покоренная или находящаяся под влиянием сторона не находит выхода для трансляции своей культуры.

Сами носители транслируемой культуры – купцы, чиновники, армия и священнослужители, несомненно, подвергаются влиянию страны, воспринимающей те или иные культурные явления. Так, ближневосточный культ Митры распространился в среде римских легионеров на всем пространстве Римской империи, а сирийские и греческие обычаи оказали влияние на формирование ранневизантийской культуры. Поэтому полностью исключать такую форму влияния нельзя.

Навязывание сформировавшейся культуры, как очень грубое, так и весьма корректное, имело свои цели в дальней перспективе. С самого начала своей истории Русь, а затем и Россия, соседствовала со многими народами, зачастую чуждыми по происхождению и языку (хазары, печенеги, финно-угры, скандинавы и др.). Но это не мешало довольно мирно уживаться в рамках одного государства русскому, угро-финским, тюркским и некоторым балтийским народам. Все изменилось в XVI в. с началом наступления русских властей на исконные привилегии, традиции и веру народов, входивших в состав России. И все же это не привело к развалу страны. Москва практически всегда шла на компромисс при решении вопросов, связанных с сохранением культурных прав различных народов. Так, в налоговом праве Россия опиралась на привычную тюркским и финно-угорским народам систему сбора ясака. Сопутствовавшее навязыванию православия народам бывших татарских княжеств каноническое право стало частью сознания такого народа как чуваша, но отступило перед сопротивлением башкир.

Методы насаждения культуры могли быть довольно гибкими. Русская культура расширяла свое присутствие в среде народов России постепенно, применяемая осторожно и временно, отступая там, где народ требовал сохранения своей самобытности. Несомненно, встраивание новых культур в общероссийское культурное поле не было гладким и мирным процессом. Длительное сосуществование культур, их симбиоз, спустя пять столетий сосуществования, создали и продолжают создавать мощную и уникальную систему культурного единства.

Завоевания и колонизация часто были чреватые восстаниями, гражданскими войнами, интригами в поисках других союзников, заговорами. Именно культура является тем, что позволяет одному этносу, обладающему определенным культурным багажом, без больших материальных и людских затрат заставить преклоняться перед собой «менее развитые» народы. Не случайно российское правительство в течение вт. пол. XVI – нач. XX вв. навязывало русскую культуру и православие азиатским народам, чувствуя, что только культура может прочно привязать их к России.

Развитость завоеванного народа может позволить ему сохранить собственную культуру. Степная культура Золотой Орды не оказала какого-либо серьезного влияния на русские княжества. Чешская культура, значительно онемеченная, все же сохранила самостоятельность. Польская культура не только сохранилась, но и активно развивалась в кон. XVIII – нач. XIX вв., несмотря на то, что единство польского народа в это время было нарушено Пруссией, Австрией и Россией.

Многообразие форм диалога обусловлено огромным множеством факторов. Чистая типология возможна только в теории, но и она зависит от параметров, которые берутся исследователем за основу. Поэтому ее вариативность очень велика. В истории средневековой Европы формы диалога переплетались и проявлялись весьма многообразно.

Взаимодействие культур – это процесс, направления которого могут иметь противоположные векторы. Первое направление характеризуется взаимопроникновением, в процессе которого формируется основа разрешения любого конфликта на основе диалога. Во втором направлении одна культура главенствует над другой. Происходит навязывание, которое может стать основой конфликтов.

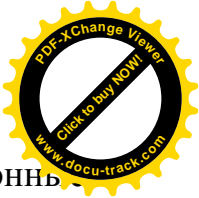
Культура, которую сегодня западные страны навязывают не только исламским, но и всем странам так называемого «третьего мира», вызывает протест практически повсеместно.

Япония является страной по многим экономическим показателям опережающей западные страны. Случайно ли появление в ней секты Аум Синрике, которая проповедует дьявольскую природу того мира, к которому принадлежит Япония? Возникновение подобной организации, преследующей не только религиозные цели, не может быть без опоры на настроение определенной части населения.

Турция последние десятилетия показывает пример активно развивающейся экономики. Как известно, Рабочая партия Курдистана объявила войну турецкому туристическому бизнесу. Туристами являются в основном граждане европейских стран и США. Протест этой партии направлен именно против Запада. Одной из причин сохраняющейся в мире приверженности марксизму, несомненно, является протест против западного пути развития. Есть в Турции и партия Революционного народного освобождения, не имеющая ярко выраженной национальной основы. Но и эта партия так же занимает активную антизападную позицию.

Судан и Ливия стали центрами международного терроризма. Деятельность в них террористических партий является ответом на попытки навязать народам Африки европейскую политическую и правовую культуру. Именно непонимание и неприятие населением этих стран западных ценностей, несоответствующих их менталитету, стало базой развития терроризма как формы протеста.

Богатые и относительно развитые страны Латинской Америки (Бразилия, Чили и Аргентина) соседствуют с густонаселенными и бедными странами. Там существуют террористические организации, такие как

«Национальная освободительная армия Венесуэлы» и «Революционные вооруженные силы Колумбии». Обе организации взяли за основу марксистскую идеологию как единственную, по их мнению, идеологию, отрицающую все преимущества капитализма. Их террористическая деятельность направлена против собственных правительств и присутствия США в национальной экономике и политике. Подобные им группы существуют в Перу, Эквадоре и некоторых других латиноамериканских странах.

Саудовская Аравия, Йемен, Сирия, территория Палестинского Самоуправления, Пакистан, Иран – это центры международного терроризма. Практически во всех перечисленных странах террористические акты в США 11 сентября 2001 г. стали национальным праздником для населения. Террористические организации этих стран проводят антизападную политику активнее, чем где бы то ни было в мире. В Иране и Афганистане поворот к «цивилизованной» правовой системе заканчивался войнами и возвращением к традиционной правовой системе.

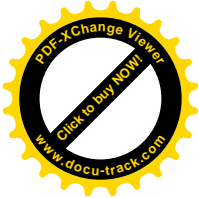
Если в христианском мире Евангелие является сводом морально-этических правил, то в исламских государствах Коран стоит над законом. Вся правовая система исходит из религиозных установок. Нормы религии, морали и права там синонимичны.

* * *

Все перечисленное относится к различным формам воплощения протеста против западных общественных ценностей, правовой и политической культуры. И это не простая ненависть к чуждой культуре, а именно полное неприятие методов диалога Запада с «третьим миром». Навязывание своих ценностей с помощью экономического закабаления и прямого вмешательства политическими и военными методами в дела суверенных государств ущемляет чувство национального достоинства и вызывает полное отторжение. Дело не только в методах навязывания правовой и политической культуры, но и в непонимании Западом несоответствия их ценностей ценностям большинства народов мира.

Миру надо прийти к пониманию необходимости мирного сосуществования множества идеологий, политических и правовых систем. Необходимо задуматься над причинами, а не пытаться решить проблему силовыми методами и экономическими санкциями. И, возможно, стоит задуматься о том, что правовые модели Запада и Востока – это две полноценные и имеющие право на независимое сосуществование системы, соответствующие ментальности двух частей света.

Необходимо понять, что главное – это национальное согласие, иначе каждый народ будет искать выход в независимости. Нельзя навязывать единую форму государственности народам, имеющим разный уровень культурного и исторического развития, свои национальные особенности, обычаи и традиции.

ГЛАВА 3. КОНФЛИКТЫ НА ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

3.1. Конфликты этнокультурных систем

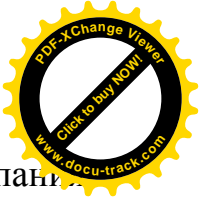
Природа конфликта и насилия. Конфликты и насилие сопровождают человека всю его историю. Дошло до того, что защитники природы утверждают: человек – это единственное животное, которое убивает себе подобных. Это, разумеется, преувеличение. Животные также способны поступать аналогичным образом. Человек в этом отношении, к сожалению, ничем не лучше, но и не хуже других. Однако это не повод для самоуспокоения. Человек обладает самым развитым интеллектом. Сила разума представляет ему невероятные возможности, но не может избавить его от различных проявлений насилия и конфликтности. Необходимо понять природу конфликтов и насилия, которые являются неотъемлемой частью нашей культуры и одной из неотъемлемых форм человеческого взаимодействия. Сделав это, мы сможем их сглаживать и эффективно с ними бороться.

Чтобы разобраться в терминах, необходимо обратиться к словарным статьям. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон определяют конфликт как «столкновение, преимущественно в политической сфере». Определение насилия в названном издании отсутствует.

В словаре С.И.Ожегова рассматривается три формы насилия: физическое, межличностное и правовое. Конфликт же трактуется им как синоним столкновения, разногласия, спора.

Философский словарь советского времени, наоборот, не дает определения конфликта. Что же до насилия, то оно определяется как «применение тем или иным классом (социальной группой) различных, вплоть до вооруженных форм воздействия, принуждения в отношении других классов (социальных групп) с целью приобретения или сохранения экономического и политического господства, завоевания тех или иных прав или привилегий».

П.А. Сорокин представляет конфликт как антагонистическое взаимодействие. «Под ним разумеется такое взаимодействие, где одна сторона мешает или препятствует осуществлению стремлений другой стороны. Примеры: А хочет есть, В вырывает у него кусок хлеба; Л хочет жить, В стремится убить его... В таком обществе неизбежны взаимная борьба людей друг с другом, начиная со смертельных войн и кончая судебной тяжбой, бранью, взаимной враждой, принуждением, угнетением и насилием одних над другими». Понимание конфликта П.А. Сорокиным, изложенное в приведенном примере, кажется нам верным. Мы также

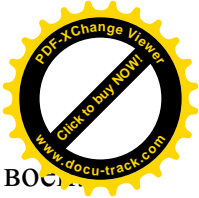

придерживаемся точки зрения, что одним из немногих вариантов исчерпания конфликта в реальности является уничтожение одной из сторон, о чем ниже будет сказано подробно.

В политологии конфликт предполагает возможность «преодоления или даже ликвидации определенной группы интересов, ведь основной источник конфликтов — их различие... Противоречия возводятся в степень социальных антагонизмов, отбрасываются иные интересы, кроме собственных, когда, например, защита прав одной нации доводится до обязательного ущемления прав или изгнания другой нации, утверждение одного вида собственности предполагает ликвидацию всех иных, а признание одной политической силы сопряжено с отказом в праве на существование всем прочим». Таким образом, конфликт предполагает антагонизм – соперничество различных сил и группировок, которое имплицитно несет в себе ущемление прав соперника вплоть до его полной ликвидации.

Советская Военная Энциклопедия рассматривает конфликт в его военной составляющей. «Конфликт военный (от лат. *conflictus* — столкновение), крайне острая форма разрешения противоречий между государствами, характеризующаяся двусторонним применением военной силы. В широком смысле слова под К. в. понимается любая военная акция с применением вооруженной силы... К. в. в узком смысле слова представляет собой открытое вооруженное столкновение, чаще всего на государственной границе, связанное с её нарушением, ущемлением суверенитета того или иного государства... Как война, так и К. в. являются продолжением политики насильственными средствами, имеют определённое классовое, политическое содержание». Как философия, социология и политология, военное дело также связывает конфликт с насилием, которое является одновременно его следствием и главным проявлением.

«Насилие вооруженное, [≠] читаем в том же издании, [≠] форма социальной борьбы, крайний способ принуждения противника путём применения или угрозы применения вооруженной силы... Н. в. применяется в двух основных видах — непосредственном (открыто военном, физическом) и опосредованном (скрытом, потенциальном). В первом случае оружие вводится в действие открыто (ведётся огонь, осуществляется захват территории противника, уничтожаются его военные объекты и пр.), во втором случае оно выступает в качестве угрозы, т. е. воздействует не на физические силы (материальные объекты) противника, а на состояние его духа, сознание и волю. Внешнеполитическими формами второго вида насилия являются различные методы демонстрации силы: мобилизация войск, манёвры вызывающего характера, посылка флота и авиации к берегам др. страны, переброска войск к границам государства, на которое оказывается давление. Крайней формой такого вида насилия, ставящей страны на грань войны, является ультиматум — официальное требование принятия др. стороной явно невыгодных условий при альтернативе воен. действий. Во внутривнутриполитической жизни формами данного вида насилия являются введение чрезвычайных законов, запрещение собраний,

демонстраций под угрозой расстрелов и репрессий, установление волевого положения с ограничением свобод. Опосредованное, потенциальное Н. в. всегда сочетается с мерами экономического, идейно-психологического давления, а также с отдельными моментами открытого применения оружия — обстрелами, террористами, актами и пр.».

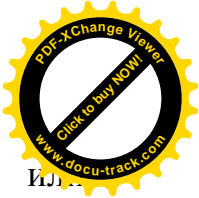
Фактически любая форма принуждения против воли соперника, включая запугивание и демонстрацию силы, признается насилием. Оно имеет непосредственную и опосредованную форму, которые отличаются не только методами и проявлениями. Опосредованное насилие является способом экономии финансовых, людских и иных ресурсов, не связано с необходимостью вести войны, что негативно может сказаться на имидже этнической элиты, а, кроме того, продуманные опосредованные насильственные акты могут быть незаметны для внутренней и внешней этнической аудитории.

Юридическая энциклопедия выделяет юридический конфликт, конфликт интересов и вооруженный конфликт, а насилие определяет как физическое или психическое воздействие одного человека на другого, нарушающее гарантированное Конституцией право граждан на личную неприкосновенность.

Современный Педагогический энциклопедический словарь дает следующие определения. «Конфликт – предельно обостренное противоречие, связанное с острыми эмоциональными переживаниями». «Насилия (буквально делание чего-либо через силу, принуждение силой), общественное отношение, в ходе которого одни индивиды (группы людей) с помощью принуждения, представляющего угрозу жизни, подчиняют себе других».

Поскольку в контексте нашего повествования особый интерес представляет культурный конфликт, мы надеемся, читатель простит нам нижеследующую объемную цитату из культурологического словаря. «Конфликт культурный – критическая стадия противоречий в ценностно-нормативных установках, ориентациях, позициях, суждениях между отдельными личностями, их группами, личностью и группой, личностью и обществом, группой и обществом, между разными сообществами или их коалициями. В отличие от большинства иных видов конфликтов, в основании которых лежат, как правило, противоречия в более или менее прагматичных и утилитарных интересах сторон (экономических, политических и других властно-собственнических, статусно-ролевых, гендерных, кровнородственных и пр.), Культурный конфликт специфичен именно своей идеологической обусловленностью, несовместимостью оценочных позиций, мировоззренческих и религиозных установок, традиционных норм и правил осуществления той или иной социально значимой деятельности и т.п., т.е. в конечном счете различием в социальных опытах конфликтующих сторон, закрепленных в параметрах их идеологии (индивидуальной или групповой).

Процессуально всякий конфликт динамичен и обычно включает стадии накопления противоречий, попыток разрешить их в процессе

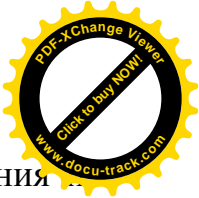

переговоров, разрыва переговоров, враждебных действий и демонстраций враждебного отношения, завязывания новых контактов между сторонами, новых более конструктивных переговоров и, наконец, нахождения компромисса и заключения конвенции. Разумеется, широко распространены и такой способ разрешения конфликтов, как борьба «до победного конца», заканчивающаяся уничтожением соперника или приведением его в полную покорность, что, как правило, является лишь откладыванием подлинного разрешения конфликта на будущее.

Практически формы культурного конфликта могут иметь различный масштаб и характер: от ссоры в межличностных отношениях до межгосударственных и коалиционных войн. Типичными примерами наиболее масштабных и жестоких культурных конфликтов являются крестовые походы, религиозные, гражданские, революционные и отчасти национально-освободительные войны, деяния церковной инквизиции, геноцид, насильственное обращение в насаждаемую веру, в значительной мере политические репрессии и т.п. Существенное место элементы культурного конфликта именно как конфликта ценностных установок занимали в причинах возникновения Второй мировой войны (в отличие от Первой, преследовавшей преимущественно политико-экономические цели). Культурные конфликты, как правило, отличаются особенной жесточечностью, бескомпромиссностью, а в случае применения силы преследуют цели не столько покорения, сколько практического уничтожения носителей чуждых ценностей. С этой спецификой связана и особенная сложность нахождения компромисса и примирения конфликтующих сторон, стремящихся отстаивать свои принципы «до победного конца». Компромиссы, как известно, легче достигаются между соперничающими интересами, нежели между несовместимыми ценностными и идеологическими установками.

Проблема культурного конфликта неразрывно связана с проблемами культурной толерантности и комплиментарности, с интересом к иной культуре (в ее групповом или персонализированном воплощении) и поиском точек ценностных совпадений или пересечений. Поскольку антропологические и социальные основания интересов и потребностей, а отсюда и базовые ценностные установки у всех людей и их сообществ в силу единства физической и психической природы человечества более или менее однотипны, это открывает большие возможности для поиска и манифестации совпадающих ценностных парадигм в культурах разных сообществ и их социальных групп в качестве профилактики культурного конфликта. В конечном счете поиск такого рода оснований для согласования интересов и общих ценностных ориентиров между субъектами противоречий и понижения уровня напряженности этих противоречий является одной из главных задач всякой политики.

Особым типом культурного конфликта является творческий конфликт между направлениями, школами, группировками или отдельными корифеями науки, философии, художественной культуры. Здесь прежде

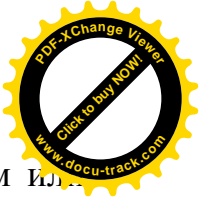
всего имеет место соперничество между различными методами познания отражения действительности, конфликт в определении критериев истинности того или иного метода. Близким к этому типу является и конфликт интерпретаций (преимущественно культурных текстов), свойственный как перечисленным областям интеллектуально-творческой деятельности, так и сферам религии, права, образования и т.п., в котором так-же значимую роль играет вопрос о критериях истинности той или иной интерпретации того или иного текста. Разрешение такого рода культурного конфликта, как правило, связано с достижением конвенций, признающих равноправие и взаимодополнительность различных позиций, методов, интерпретаций и пр.

В отличие от существующих теорий социального конфликта, рассматривающих это явление как в основном положительное, способствующее поступательному развитию общества, анализ культурного конфликта не выявляет в нем никаких явных развивающих потенций. Ведь здесь имеет место противоречие не между более и менее эффективными способами удовлетворения объективных интересов и потребностей людей, а между различными оценками и интерпретациями тех или иных культурных текстов, единств, объективное преимущество которых заключается в том, что они «на-ши» или «не наши», т.е. речь идет о конфликте не столько интересов, сколько амбиций личностей, групп, сообществ. Может быть, именно поэтому культурный конфликт отличаются такой бескомпромиссностью».

Как видим, каждая предметная область рассматривает данные понятия «со своей колокольни», но при этом, будь то на социальном или личностном уровне, в них всегда имплицитно присутствует проявление зла.

Российская педагогическая энциклопедия определяет зло следующим образом: «наиболее общее понятие морального сознания, категория этики, объемлющая все отрицательные нравственные значения общественной и личной жизни человека., обозначает как негативные состояния личности (страдание, болезнь, смерть, нищета, униженность), так и силы, их вызывающие: природные стихии, общественные условия, качества и поступки людей». Не будем рассуждать о том, идеально ли это определение, поскольку идеальных определений сложных явлений в принципе быть не может. Важно другое – предложенная дефиниция вполне операциональна, что позволяет приступить к изучению данного явления не на индивидуальном, а на системном уровне. Поскольку к причинам, порождающим зло, относятся не только субъективные, но и объективные факторы (природные стихии, общественные условия), зло имеет объективную сторону, что делает возможным его онтологический анализ.

В отечественной литературе нам известна лишь одна книга, посвященная онтологическому исследованию зла. Вышедшая около двадцати лет назад сравнительно небольшим тиражом, она вряд ли знакома широкой (даже научной) публике. Это философское эссе Л.Н.Когана «Зло». Его исходный тезис таков: добро и зло существуют только в процессе

взаимоотношений людей, отношений человека к другим людям, к тем или иным социальным группам, к обществу в целом.

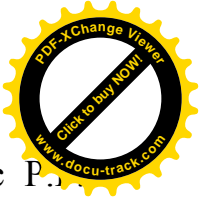
Первое, что из этого следует, что абсолютного понимания «добра» и «зла» быть не может. И не только потому, что названные категории соотносительны, взаимодополняемы и неразделимы. Проявляясь во взаимоотношениях людей и народов, они предполагают и взаимную оценку, но никто не может дать гарантий, что эта оценка всегда будет совпадать. Ярким примером тому является оценка военной операции России по принуждению Грузии к миру в августе 2008 г. Это же означает, как верно подметил Э.А.Поздняков, что «строя добро», человек одновременно и сам того не желая «строит» зло.

По способу проявления зло подразделяется на прямое и косвенное. Социальное зло, как правило, проявляется именно в косвенном виде. Его механизм таков. В качестве благой цели выдвигается некая надличностная идея, осуществление которой должно создать идеальные условия для процветания «всех и каждого». Однако практика ее реализации приносит не ожидаемое добро, а зло, да еще и в массовом масштабе. Фольклор давно отметил: «Благими намерениями путь в ад вымощен».

Зло различается по масштабам своего проявления – зло, причиненное отдельному индивиду, той или иной группе людей, большой или малой их общности. О разнообразных формах межличностных конфликтов в отношении отдельного индивида и проявляющегося в них зла написано много.

Внутриличностный и межличностный конфликты связаны с проблемами насилия в семье, которое занимает важное место в системе общественных отношений. Женщины стран третьего мира стали «товаром» в качестве сексуальных рабынь. Такая торговля унижает человеческое достоинство, грубо нарушает права человека и моральные устои общества. Не только в таких странах как Таиланд и Турция, но и в чопорных благообразных европейских странах существует большое количество «улиц красных фонарей», ставших частью традиционной индустрии туризма. Что же говорить о разного рода притонах, где человеческие пороки выступают гарантированным источником прибыли... Виноваты здесь не только те, кто подобным образом зарабатывает деньги, но и те, кто пользуется услугами таких «развлекательных центров».

Государство сквозь пальцы смотрит на то, как ведут себя СМИ. СМИ исходят из необходимости удерживать интерес к себе со стороны читателей и зрителей в условиях рыночных отношений в сфере информации. Но реклама и пропаганда распушенности, вседозволенности, сексуальной свободы (той же распушенности), гламура, – это такое же насилие над сознанием, над формирующейся личностью молодого человека. Огромные гонорары за рекламу и рейтинговые телевизионные проекты заставляют руководителей масс-медиа на все это закрывать глаза. «Сексуальная революция» способствовала полезной открытости, гласности, содействуя оздоровлению половых отношений. Но она же породила сексуальную распушенность,

ведущую к цинизму в отношениях полов. Трудно не согласиться с Р. Абдулатиповым: «Телевидение, СМИ работают за деньги в «массовой культуре» и, возбуждая «массовую потребность», создают привлекательный «образ реальности», доводя соблазн, страх до смысла жизни целых сообществ людей. Современные информационные системы в основном работают на выхолащивание правды и, значит, разумного и добродетельного из действительно реальной жизни людей. Главное — это навязывание деструктивного поведения, убийства, разврата, разборок, т. е. навязывание «воли к смерти», создание рабов, которые веселятся, жрут и развратничают. Ими легче управлять, на них легче зарабатывать».

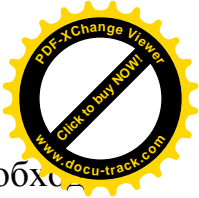
Исходя из приведенного выше юридического определения насилия как принудительного физического или психического воздействия на человека, нарушающее права граждан на личную неприкосновенность, можно сказать, что несовпадение интересов в какой-либо сфере человеческой жизнедеятельности становится причиной насилия, как распространенного способа заставить противоборствующую сторону пойти на уступки или вовсе принудить ее к игре по своим правилам. Необходимо признать, что насилие, к сожалению, всегда было и будет неотъемлемой частью культуры и сопровождает все стороны ее жизнедеятельности.

Насилие имеет различные проявления. В своих крайних выражениях оно проявляется в форме войн, террора, геноцида, преступлений против личности. В современном мире наблюдается рост насилия, как социального, так и межличностного.

Человек агрессивен по своей природе более чем остальные виды. Это выражается не только в том, что степень, частота проявлений и распространенность агрессивного поведения очень велики. Дело в том, что агрессия наносит огромный ущерб не только развитию самого общества, но и всему окружающему миру. Войны и террористические акты как самые тяжелые формы насилия несут за собой ухудшение экологической ситуации, уничтожение флоры и фауны.

Казалось бы, вместе с войнами, революциями и иными социальными потрясениями XX в., из жизни нашей страны должна была уйти в прошлое и неограниченная классовая эксплуатация. Но этот вопрос вновь стал крайне актуальным в конце минувшего столетия.

В ходе приватизации собственность стоимостью в 1 трлн. долл. была продана частным лицам всего за 5 млрд. долл. Последствия этого экономического насилия над страной не замедлили себя ждать. В 1989 г. в Российской Федерации насчитывалось 2 млн. бедных, имевших в своем распоряжении менее 4 долларов в день. По данным Всемирного банка, к середине 1990-х г. в России проживало уже 74 млн. нищих людей. 72 млн. чел. обнищали за 8 лет. Академик Д. Львов отмечает страшную поляризацию общества «...менее чем 100 семей современных олигархов владеют сегодня 92 % доходов от природных богатств страны. А 8% - приходится на более чем 140 миллионный народ России!».

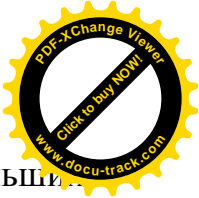
Появилось огромное количество коммерческих организаций, в обход налогообложения предлагающих высокие вознаграждения в «конвертах». При этом людей фактически принуждают выбирать между официальной маленькой зарплатой с «гарантированным» социальным пакетом и высокой, но неофициальной заработной платой при полном произволе со стороны работодателя.

Добавьте к этому медиков, учителей и воспитателей детских садов, получающих мизерную зарплату, размер которой фактически обрекает их на нищету и провоцирует взимание поборов с пациентов и родителей. Это ли не скрытое насилие со стороны государства?

Наконец, никуда не исчезло насилие одного народа над другим. Религиозная принадлежность, национальность и расы по-прежнему разделяют людей на полноценных и неполноценных, правых и виноватых, правоверных и неверных, «коренных» и тех, которые «понаехали». Методы, с помощью которых различные этносы пытаются добиться справедливости, противоречат самим основам демократии. Общечеловеческие ценности отвергаются, насилие одного народа над другим оправдывается исторической, социальной или иной справедливостью.

Западные страны во главе со США активно пропагандируют необходимость воцарения на планете системы демократических ценностей. Воспитание людей в рамках общечеловеческих ценностей, по их мнению, позволит народам перейти на новый уровень межнациональных отношений, обеспечивающий мирное сосуществование и процветание человеческого рода. Но Югославия и Ирак наглядно продемонстрировали, что насаждение общечеловеческих ценностей происходит без учета национальных особенностей культуры и истории народов. То, что называется демократией, прививается безапелляционно силой оружия. В целом мир Запада во главе с Соединенными Штатами – это «паровой каток», «думающий, что все вокруг должны уступать ему дорогу, не считающийся с другими мнениями» и на этой почве постоянно вступающий в конфликт. Это не единственная роль, которая полностью укладывается в характеристики конфликтного поведения «демократической» цивилизации. Запад выступает и как «скрытый агрессор», который инициирует конфликт «с помощью закулисных махинаций, колкостей и других скрытых проявлений агрессии». Демократию можно представить себе как сверхидею, которая овладела США, выступающими в роли «жалобщика», который «часто охвачен некоторой идеей и обвиняет других (кого-то конкретно и весь мир в целом) во всех грехах». Примером выполнения США роли «жалобщика» как инициатора конфликта является доклад о нарушениях прав человека, который для этой страны выступает оправданием введения к иным странами экономических санкций, дискриминационного законодательства и даже начала военных действий.

Взаимная ненависть, обвинения, а главное – лжесвидетельства, к сожалению, сопровождают мировую цивилизацию всю ее историю. Кто прав в борьбе Запада и Востока, коммунистов и нацистов, христиан и мусульман, демократов и монархистов? Взаимодействие этнических культур в прошлом

и настоящем – это болезненный процесс, требующий больших интеллектуальных усилий и затрат культурных ресурсов.

Причины этнических конфликтов. Мы живем в условиях «этнического ренессанса». В большинстве этнологических доктрин (особенно пер. пол. XX в.) предполагалось, что с распространением и ростом «цивилизованности» (читай – вестернизованности) народов их конфликтность будет стремиться к нулю. Однако, вторая половина XX в. и нач. XXI в. опровергают такое мнение. Интернационализация и глобализация культуры встречают нарастающее ожесточенное сопротивление. Защитники вестернизации при изучении межнациональных конфликтов и выросшего из них терроризма абсолютно некритично и крайне негативно оценивают антизападные концепции: «Все книги советских авторов на данную тему, изданные до 1991 г., являются смесью откровенной лжи и подтасовки фактов. Некоторые сочинения содержат утверждения, позволяющие усомниться в психической нормальности их авторов».

Нашей задачей является исследование групповых социальных конфликтов, разновидностью которых являются внутриэтнический и межэтнический конфликты. В современном мире, в условиях глобализации всех социальных процессов, знание основ формирования и функционирования этнических культур крайне необходимо человеку для успешной адаптации в обществе. Знание природы возникновения этнических конфликтов поможет избавить сознание людей XXI в. от ложных национальных стереотипов и предрассудков, а также позволит народам выстоять в условиях эскалации национальной ненависти и вражды.

В качестве основных причин таких конфликтов выделяют:

- социальные (неравноправие статусов различных межэтнических и внутриэтнических групп);
- экономические (низкий уровень жизни, безработица, неравный доступ к материальным ценностям);
- политические (отсутствие политической автономии, доступа к представительской власти);
- культурные (недостаточное внимание властей к национальным особенностям культуры);
- демографические (трансформация статуса этносов и внутриэтнических групп вследствие изменения картины воспроизводства населения отдельных групп и миграционных потоков);
- территориальные (несовпадение этнокультурных пространств с политическими и административными границами);
- конфессиональные (несовпадение религиозно-мировоззренческих ценностей этносов и этнических групп, живущих в рамках одного или соседствующих пространств);
- психологические (несовпадение ментальных особенностей этносов и этнических групп, живущих в рамках одного или соседствующих пространств).

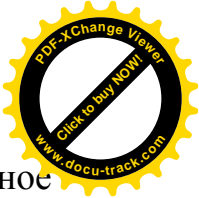

Мы считаем, что общая природа причин конфликтов несколько иначе, чем принято считать. Наша позиция основана на сужении круга объектов этнических конфликтов. Единственным истинным объектом конфликтов являются экономические и территориальные ресурсы. Ограниченность доступа этноса к тем или иным ресурсам заставляет его идти на конфликт. Нехватка ресурсов – единственная объективная, а значит истинная конфликтогенная причина, что стало особенно очевидно в XX – XXI вв. «Глобализация есть политика предельного снижения транзакционных издержек во имя вовлечения в индустриальное производство-потребление последних остатков свободного экономического пространства Ойкумены. Все социальные системы, препятствующие этой цели, подлежат нейтрализации». Остальные объекты (причины) являются либо субъективными, кажущимися и ложными, либо разновидностями экономико-территориальных, на закамouflированными под другие причины. При этом нередко повод позиционируется как причина, которая на самом деле не отражает закономерных связей. Любая форма структурного насилия (болезни, нищета, эксплуатация, социальная несправедливость) – также тяготеют к экономическим факторам или теснейшим образом связаны с желанием добиться экономических преимуществ.

Социальная роль и место в общественной страте обеспечивает доступ к разным уровням доходов. Но престижность того или иного социально-профессионального статуса резко понижается при отсутствии высокого уровня дохода. Так произошло с учителями, инженерами и медиками в нашей стране в 90-е гг., когда эти профессии из высокостатусных по советским меркам опустились до уровня практически нежелательных для россиянина. Аналогично и в те же годы быстро потерял социальный статус русский этнос, который до распада СССР стоял первым в ряду «братских советских народов». Резкое обеднение страны в 90-е гг., большинство населения которой и составляли русские, привело к появлению резко критической и негативной позиции других этносов по отношению к русским, что особенно ярко проявилось в национальных республиках России. Проявление гордости за достижения русской культуры и патриотизм здесь стали считаться дурным тоном. Им на смену пришли иные ценности.

Но, как верно подметил академик А.А. Гусейнов, исключительно важно понимать: то, что именуется высшими ценностями, прокламируется в качестве предназначения культуры, все это нельзя принимать за чистую монету. В этом смысле они не столько проясняют опыт культур, сколько, наоборот, затемняют его. Чаще всего они имеют демагогический смысл или являются самообманом. «Как о человеке нельзя судить по тому, что он сам о себе думает, так общество нельзя воспринимать по тому, как оно себя понимает. Ведь и первобытные люди, как им казалось, жили ради чего-то высокого, они же искренне верили, например, в свое тотемное родство».

Отсутствие объединяющего начала привело к тому, что народы новой России стали самостоятельно заполнять пустующую нишу национальной идеи. В условиях смуты часто происходит помрачение разума. По мнению В.

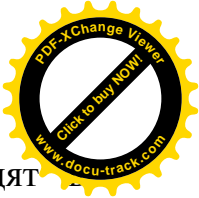
Крупина, «время атеизма сменялось на время сатанизма, а сатане главное ввер-гать людей в преступление». Сатанизм в данном контексте – это безверие, тот экзистенциальный вакуум, который заполняется псевдоценностями масскульта, а зачастую мракобесием, которое сеют нетрадиционные религиозные культы и тоталитарные секты. Когда гаснет светило консолидирующей идеи, каждый волен зажигать свой огарок и поклоняться ему. С. П. Капица как-то сказал: «Нацио-нальная идея – это то, что на экране». А на нем – националистическое искажение истории, прагматизм и гедонизм рек-ламных роликов и циничные реалити-шоу. Духовная жизнь подчинена формированию сугубо потребительской психологии и тем самым – биологизации общества.

Если так будет продолжаться, то «лебедь, рак, да щука» разорвут телегу на части. Мы можем упустить момент, когда это произойдет. Демократическая модель национальной культуры предполагает неприемлемость насильственного введения определенных национальных и культурно-технологических образцов поведения и социальных отношений. На деле же именно демократическая национальная культура утверждается в новых странах методами «колонизации». Декларируется, что внедрение демократии позволит уменьшить число конфликтов, сопровождающих культурные контакты. На деле же именно страны демократии в современных условиях инициируют международные и внутривнутриполитические конфликты и активно противодействуют странам, пытающимся создать альтернативные социальные модели (Сербия, Венесуэла, Россия, Белоруссия и др.).

В свете сказанного на грустные размышления наводят слова известного российского специалиста в области философии культуры В.М. Межуева: «Но если между культурами возникает конфликт, значит, они не равны. И тогда еще вопрос: любая ли куль-тура способна вести диалог? Ведь диалог — чисто евро-пейский способ общения. Первыми о диалоге заговорили греки. Я не уверен, что диалог возможен на Востоке. Восточные пророки и мудрецы не вступали между собой в диалог, все религии монологичны по своей сути. Даже православные пока не могут вступить в диалог со своими собратьями во Христе — католиками и протестантами».

Невозможно доказать, что к деструктивным процессам, происходящим в России на рубеже XX – XXI вв. имеют отношение спецслужбы западных держав. Но нельзя не видеть и того, что все происходит именно так, как об этом еще в середине XX в. говорил директор ЦРУ Ален Даллес. «Мы бросим всё, что имеем, всё золото, всю материальную мощь и ресурсы на оболванивание и одурачивание людей... Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые... Мы найдём своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного угасания его самосознания.

Из литературы и искусства мы... постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьём у них охоту заниматься

изображением, исследованием... тех процессов, которые происходят в глубинах народных масс. Литература, театр, кино — всё будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх... и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — всё это мы будем ловко и незаметно культивировать.

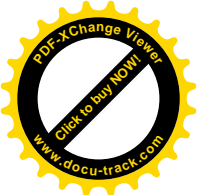
И лишь немногие... будут... понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдём способ их оболгать и объявить отбросами общества... Мы будем драться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы сделаем из них космополитов».

Мир Запада сегодня находится в состоянии экономической стагнации или малозаметного роста, ему не хватает экономических ресурсов. И в то же время Россия, в которой проживает лишь два процента населения планеты, обладает тридцатью процентами разведанных мировых сырьевых запасов. А мы помним высказывание госсекретаря США Мадлен Олбрайт о том, что несправедливо, если природными запасами Сибири будет пользоваться одна Россия...

Но открытый конфликт для мира Запада чреват если и не опасностью поражения, то уж, во всяком случае, недопустимыми потерями. Поэтому идеологическое наступление, придание конфликту видимости социального, того, что описывал г-н Даллес, — вполне допустимый способ выиграть конфликт. Ведь для каждой «цветной революции» находится тот, кто перетирает краски.

Стремление к постоянному увеличению пространства, занимаемого развивающимися этносами, экспансии и по возможности ассимиляции партнеров по взаимодействию свойственны любой культурной системе. Любой народ, ощущающий превосходство над соседями в какой-либо области жизнедеятельности, стремится его закрепить. Это естественно и, несмотря на все декларации ООН, всегда будут страны, стремящиеся к той или иной форме территориальной экспансии.

Обладая сокращающимся коренным населением и не испытывая постоянную потребность в природных ресурсах, Запад уже не может открыто, с позиции силы противостоять себя странам третьего мира. Однако ему необходимы трудовые и природные ресурсы остального мира. Поэтому «мировое сообщество» (читай, Западный мир) пришло к пониманию того, что прямое военно-политическое насилие в XXI в. является неадекватным

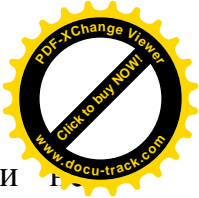
средством. Попытки стран, не до конца подчинившихся Западу, применить силу даже для защиты собственной территории (Сербия-Косово, Россия-Чечня, Абхазия-Грузия и др.), объявляются недопустимыми. Сам же Запад считает для себя возможным нарушать это положение, что наглядно продемонстрировали Фолклендские острова, Ирак, Афганистан, Косово и др.

Политические разногласия также основаны на борьбе за ресурсы. Ресурсы властные. Дабы исключить все модные разговоры о высоких моральных стимулах политиков, оговорим сразу. В словарях и справочниках политика определяется как сфера деятельности, связанная с отношениями между классами, нациями и социальными группами, ядром которой выступает проблема завоевания, удержания и использования власти. Практики называют ее короче - искусством возможного. Универсальной целью и ценностью политики выступает власть, дающая право распоряжаться свободой и жизнью других людей. Уже само это право с моральной точки зрения не бесспорно и предполагает известную долю легализованного насилия.

Если исключить военные перевороты, насильственность которых очевидна, любая политическая линия способна привести к успеху лишь при условии, что будет представлять себя в виде общенародной, ведущей ко всеобщему благу, направленной на защиту интересов всех. И чем успешнее ей это удастся, тем легче прийти к власти. Но одновременно тем скорее становится очевидным, что политика «во благо всех» ведется в интересах одних социальных слоев за счет других. Наступает массовое разочарование, в обществе нарастает чувство обманутости. Примеров тому сколько угодно – от большевиков после 1917 г., до Б.Н. Ельцина в кресле президента России.

Может ли политик не допустить подобного обмана? Ответ очевиден. При всех разговорах о нравственности в политике актуальными остаются слова, сказанные более 400 лет назад Н.Макиавелли: «Следует понимать, что государь, особенно новый, не может исполнить все то, за что людей почитают хорошими, так как ради сохранения государства он часто бывает вынужден идти против своего слова, против милосердия, доброты и благочестия». Не случайно фраза «Политика – дело грязное» звучит на всех языках.

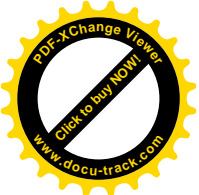
Политические разногласия основаны на невозможности равного доступа к участию в политических процессах, протекающих на определенной территории. Для чего же нужен такой доступ? Допуск в политическую сферу, выравнивание политического статуса различных народов или внутриэтнических групп, необходимы для лоббирования и защиты интересов в обладании и использовании какой-либо социальной группой экономических ресурсов, будь то полезные ископаемые, промышленное производство, финансовые потоки, земли и т. д. Политика является не самостоятельной причиной конфликта, а инструментом отстаивания экономических интересов. Политическая ситуация – это оболочка, скрывающая различное содержание. Поэтому политическая ситуация

используется как способ достижения каких-либо, в том числе и экономических, целей.

Культурные разногласия корнями также уходят в невозможность этноса или внутриэтнической группы в полной мере (или на равных с другими группами) пользоваться достижениями, например, общегосударственной и собственной культуры в области образования, и, как следствие, государственного управления. Для чего необходимо культурное равноправие или автономия? Лозунгом здесь чаще всего выступает сохранение национального самосознания, культурно-исторического наследия и т.п. Но это лозунг, который, как и политическая оболочка, скрывает (а точнее прикрывает и камуфлирует) иное содержание. Представим себе ситуацию, когда различные этносы и внутриэтнические группы, проживающие на одной территории, имеют равный доступ ко всем видам ресурсов. Есть ли тогда смысл для культурной дискриминации? Ответ однозначен – нет. По какой причине возникает необходимость в культурно-языковой дискриминации? Установление неравноправия в этой области необходимо для преимущественного доступа представителей одной группы к экономическим благам. В разгар «парада суверенитетов» начала 90-х гг. XX в. и сопровождавших его дискуссий о судьбах родных языков, родилась знаменитая фраза: «Все проблемы национальных языков решаются на уровне языка говяжьего. Когда всем хватает говяжьих языков, о родных языках уже не спорят».

Запрет культурной автономии, использования родного языка, недопуск национального или регионального компонента в образовании – все это способы уничтожения национального самосознания, и, следовательно, нивелирования и в перспективе исчезновения знаний о культуре собственного народа. Таким способом господствующая группа надеется в будущем «интегрировать» подчиненную группу в свой состав, устранив, тем самым, препятствия на пути к полному использованию экономических ресурсов территории. Поэтому, например, заявления о необходимости единства образовательного пространства, и, как следствие, упразднения регионального компонента – есть попытка правящей группы пойти по указанному пути. Требования культурной автономии со стороны определенных этносов – попытка сохранить преимущественное право доступа к ресурсам в настоящем и его сохранения в перспективе через усиление веса национального самосознания и ощущения исконных прав на «всё и вся» на определенной территории. Те, кто говорят о необходимости сохранения национальной культуры как самостоятельной ценности, возможно, являются заблуждающимися идеалистами, авторитет которых используют циники, прикрывающиеся подобными лозунгами. По нашему мнению, сохранение национальной самобытности или установление равноправия между народами, проживающими на определенной территории, без конкретной материальной базы не только невозможно, но и лишено смысла, если не открывает дорогу к экономическим предпочтениям.

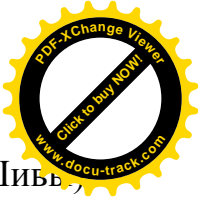

Демографическая ситуация как причина конфликта без привязки к экономике также немислима. Численно господствующий на определенной территории этнос в случае ухудшения демографической ситуации вынужден уступать все больше общественно значимых социальных ниш. Это в первую очередь сказывается на экономическом благосостоянии группы. Связь здесь неразрывна. Поэтому чаще всего господствующая этническая группа пытается жестко регулировать миграционные потоки, следить за сферой занятости, доходами и налогообложением мигрантов. При этом в политике, прежде всего, спекулируют на страхах за экономическое будущее народа, указывая на мигрантов как важных участников экономических неурядиц в государстве. Подобные спекуляции, во-первых, скрывают психологически неприятное для коренного этноса указание на собственное экономическое и демографическое бессилие. Так люди, верящие подобным заявлениям политиков, снимают с себя ответственность за экономическую нестабильность (часто даже не чувствуют собственную вину) и перекладывают ее на мигрантов. Во-вторых, это позволяет манипулировать примитивными эмоциями людей, в большинстве своем не являющихся специалистами в подобных вопросах. В-третьих, это отвлекает внимание масс от реальных проблем, переключая его на ложные и незначимые причинно-следственные связи. Наконец, политик, указывающий на вину и проблемы собственного народа, связанные с его слабостью, ущербностью и недалекостью, фактически совершает политическое самоубийство – большинству населения такая позиция крайне неприятна, поскольку задевает самолюбие, заставляя взглянуть на себя с неприятной стороны.

Территориальные причины конфликтов фактически синонимичны экономическим, ибо плодородные почвы, земли для поселения, водные запасы, богатство флоры и фауны, полезные ископаемые – суть и есть основа экономического благосостояния.

Религия имеет огромное влияние на жизнь общества, и разрыв в вопросах вероисповедания не может не отражаться на диалоговом взаимодействии и общекультурном уровне. Религиозная ориентация оказывает огромное влияние на политику государств, даже если на формальном уровне это отрицается. Конфессиональные споры часто становятся очень удобной ширмой, скрывающей истинные интересы конфликтно взаимодействующих сторон.

Конфессиональные и ментальные разногласия являются лишь прикрытием экономических претензий. В противном случае базой для конфликта были бы, например, пищевые модели и формы крестного знамения. Особенности менталитета и религиозные традиции позволяют обосновать «неполноценность» и «ущербность» того или иного народа, а значит и отсутствие у него прав на ресурсы. Религиозный фундаментализм – не что иное, как способ захвата территорий и экономического принуждения инационального или иноконфессионального населения. Победа ислама в мировом масштабе – эксплуатация мечты, связанной с представлением о материально благополучном существовании достаточно бедных стран и

народов. Деятельность индуистской партии «Шивсена» (Армия Шивы) началась в 1961 г. именно со спекуляций на том, что маратхи находятся в эксплуатации у мусульманского населения в Индии, т.е. с экономической подоплеки и ни с какой другой.

Конфликт может провоцироваться и инициироваться этнической элитой через завышение качественных характеристик народа и кажущееся несоответствия места, им занимаемого, в силу позиционируемых характеристик. Именно таким образом Гитлер спровоцировал немецкий народ на конфликт, выросший до мировых масштабов.

* * *

Примеров насилия и конфликтов в современном обществе можно найти великое множество. Половое, возрастное, социальное, национальное насилие – этот список можно продолжать до бесконечности.

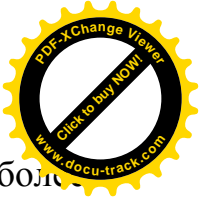
Вместе с усложнением культуры растут и становятся все более изощренными и серьезными по своим последствиям происходящие в обществе конфликты. Человек, как и общество в целом, устроен сложно, его реакции зависят от многих факторов, как внешних, так и внутренних. Прямой зависимости роста агрессии в обществе от снижения уровня жизни нет. Но если люди ощущают насилие над собой, от них можно ожидать и ответной агрессии.

Одной из главных причин насилия и конфликтов является простой человеческий эгоизм (групповой и национальный). Возможно, человечеству следует прислушаться к словам З. Фрейда: «у отдельного человека и в развитии человечества только любовь как культурный фактор повернула от эгоизма к альтру-изму». Каковы бы ни были истинные причины возникновения агрессии, конфликтов и насилия и формы их проявления, мы должны оставаться людьми. Может быть, воспитание любви друг к другу и толерантности когда-нибудь поможет людям прервать цепь конфликтов, которые сопровождают человечество всю его историю.

Главными и единственными причинами этнических конфликтов являются экономические разногласия. Так как общество – это сложная многоуровневая система, то, разумеется, что проекции экономической жизни идут во всех направлениях жизнедеятельности. Это используется заинтересованными сторонами для создания благовидных предлогов и лицемерных объяснений в манипулировании примитивными эмоциями для обоснования этнических противоречий.

3.2. Этническая мифология

Сущность этнической мифологии. Партнерское взаимодействие, общение, построенное на основе представлений о равенстве народов, – это процесс крайне трудный, опасный и часто болезненный. Признание тем или иным народом своих ошибок – явление крайне редкое, хотя и реальное.

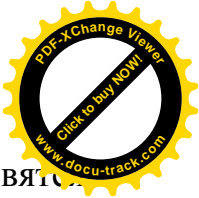

Большинство же народов и, прежде всего, их элита предпочитает более легкие пути. К таковым относится построение национальных мифов, которые оправдывают неприглядные исторические события и «в нужном ракурсе» искажают реальность. Поэтому рассуждения о мифологии в области межэтнических отношений столь же небезопасно, как и прогуливаться по минному полю (никогда не знаешь, чью концептуальную «растяжку» заденешь, чье уязвленное научное самолюбие «сдетонирует», чей «фугас» многолетних заслуг взорвется). Между тем, проблема есть и эта проблема реальна. Миф всегда выступал одной из ведущих форм культуры. В истории, теории и практике межэтнических отношений мифы также занимали значительное место. Мазепа, латышские стрелки, Олеко Дундич, Нестор Махно, культурная миссия колонизации, «тюрьма народов» и их «братская дружба в границах социалистического лагеря» – за каждой позицией в этом (далеко не полном) ряду стоит свой миф. Различные социокультурные условия порождали (и продолжают порождать) теоретические, методологические и методические установки, основанные на благих намерениях и уверенности политико-идеологического корпуса в их верности и обоснованности. Когда же практика опровергала подобные мифологические установки, с необходимостью наступала стадия «просчета потерь» и исправления причиненного вреда.

Можно предположить, что, при всей их специфичности, механизмы появления и функционирования мифов этнического сознания родственны механизмам появления и функционирования любых иных мифов. Совместными усилиями научного коллектива, включающего культурологов, этнологов, историков, политологов и социальных психологов, можно было бы выявить и изучить данные механизмы, что позволило бы в последующем минимизировать вред, наносимый подобными идеями практике межнациональных отношений. Мы же остановимся лишь на некоторых современных мифах, предварительно определив свое отношение к мифологии, не доказывая, а лишь обозначая его.

Думается, нет оснований не соглашаться с достаточно широко распространенной точкой зрения, определяющей миф как специфическое мирозерцание, возникшее в древние времена и отражающее взгляды первобытных людей на явления природы и жизни, господствовавшие в родовой общине на заре истории. Вместе с тем, не вызывает возражений утверждение, что «мифологизация какого-либо явления по сути дела означает не причинное объяснение этого явления, а, наоборот, принятие его как реально данного и благоговейно чтимого». Миф возникает там и тогда, где и когда появляется реальная проблема и потребность в ее разрешении. А потому в основе мифа всегда лежит действительное явление. Но объясняется оно в печально знаменитой логике простых решений – «объяснение дается обычно в наивной форме, притом исходя из привычной бытовой обстановки данного народа».

Каждому народу необходимо строить определенные отношения с любым соседним этносом, в которых обе стороны будут искать выгоду. В

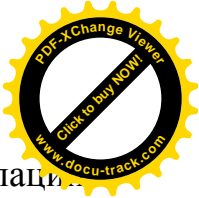
противном случае отношения между народами становятся бессодержательными и во многом теряют смысл. Отношения равного партнерства – случай редкий, фактически исключение в истории межэтнического взаимодействия. Обоснование своего преимущества в межэтнических отношениях, войнах за ресурсы (земельные, ископаемые, людские и др.), необходимость прекращения контактов, миграций и т. п. – все это требует укоренения в сознании людей как правомерной необходимости подобных действий. В этом помогают различные этнические установки. Главная задача элиты этноса (правителей, идеологов, жречества или духовенства, военных, политиков, торговцев) – создать такой образ восприятия соседнего народа, который, желательно без сомнений, заставит остальных членов собственного этноса действовать так, как выгодно этой элите.

Многообразие культур – объективная реальность. Чем более развита национальная культура, тем более она способна к включению в сферу духовного общения ценностей культур различных наций. Восприятие инокультурного осуществляется посредством сравнения элемента чужой культуры с аналогичным в собственной культуре. Сравнение выступает основой понимания между культурами. В процессе восприятия и усвоения ценностей национальных культур важное значение принадлежит стереотипу, который формируется под влиянием общественного мнения, средств массовой информации и т.д.

Маловероятно, что проникновение представлений об идеальности западного образа жизни и нигилизм в отношении всего отечественного возникли у нашего народа от простой «усталости». Все эти настроения стимулировались извне, ибо несли за собой некие, важные для расширения этнокультурного пространства западных народов, последствия. Если нет людей, считающих себя не просто жителями страны, но уважающих ее культурные доминанты, то нет и самой страны как смыслового, а впоследствии, возможно, и географического пространства. В России к середине 90-х гг. XX в. такая деструкция была почти достигнута во многом благодаря разрушению старой системы позитивной национальной мифологии и созданию негативных стереотипов.

На современном этапе развития мировой цивилизации Запад и Восток, христианский и мусульманский миры находятся в жестком противостоянии. Обе стороны активно проявляют себя в этническом мифотворчестве, максимально используя современные средства массовой коммуникации. Поэтому так важно понимать, по каким причинам и каким образом создаются эти мифы.

В современном мире, в условиях глобализации всех социальных процессов, знание основ формирования и функционирования этнических культур крайне необходимо человеку для успешной адаптации в обществе. Образование должно служить инструментом сглаживания этнических противоречий. Знание природы возникновения этнических мифов поможет избавить сознание людей XXI в. от ложных национальных стереотипов и

предрасудков, а также позволит выстоять народам в условиях эскалации национальной ненависти и вражды.

С самого начала своей истории, с III в. до н. э., «Поднебесная империя» (Китай) причисляла к варварам, которые достойны быть только рабами и данниками, большинство соседей. Китайская культура признавалась ее носителями самой «высокой» и доступной для понимания только членам нации. Остальные народы, являясь дикарями, должны были только покоряться ее величию.

Евреи считали себя богоизбранным народом и видели в остальных народах «нечистых», недостойных спасения творения Господа. В то же время представители многих народов видели и видят в евреях алчных, жадных и хитрых людей, жаждущих наживы за счет соседей.

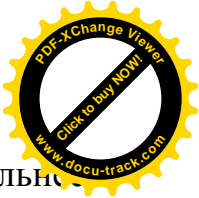
Римляне больше столетия воевали против карфагенян, которые, по их мнению, «угрожали» существованию республики. Эта война продолжалась даже в сер. II в. до н. э., когда под властью врага оставался лишь город с окрестностями.

Германцы считали римлян ленивыми и лживыми людьми, погрязшими в разврате и роскоши. Гуннов же германские народы, со времен короля готов Эрманариха (кон. IV в.), считали почти животными, невероятно жестокими, безжалостными и дикими кочевниками, занимавшимися только грабежами и убийствами.

В течение всего Средневековья католики и православные, не оставаясь в долгу, обвиняли друг друга во всех смертных грехах. Мусульмане и христиане, земледельцы и кочевники, колонизаторы и жители колоний, современный Западный и Исламский мир – все они стали творцами своих этнических мифов. Дело дошло до того, что 43-й президент США (страны, считающейся лидером «демократического мира») Джордж Буш-младший назвал мусульман «фашистами». Мусульмане же устраивают чудовищные фотосессии с участием погибших детей, используя актеров, чтобы показать миру «жестокость» израильтян, американцев, англичан и прочих противников ислама.

Многие государства, вышедшие из состава бывшего СССР, как и его прежние союзники по социалистическому лагерю (Белоруссия, Армения, Таджикистан, Кыргызстан, Сербия, Куба, Монголия, Северная Корея), до сих пор надеются на помощь России в процессе становления и развития своей государственности. Не получив этой помощи (или получив ее не в тех размерах, на которые они рассчитывали), данные страны ищут помощи в лице иных сильных соседей. Россия, не учитывая этого, теряет союзников, что уже происходит с Белоруссией и произошло с Грузией.

Но российская помощь должна выражаться не только в кредитах, твердой позиции отстаивания «дружественных интересов» на международной арене, но и в идее, на основе которой наше государство будет выстраивать свои международные контакты. История доказала силу российской государственности. Использовать ее Россия должна не по примеру США, не как мировой полицейский, а как пастырь. Пастырь должен

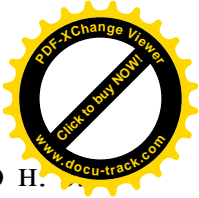
обладать духовной силой превосходства, которая всегда была сильным оружием. Такой статус уже дает некоторые результаты. Кыргызстан, Приднестровье, Абхазия, Сербия, Армения именно в России видят сторону, которая может помочь им во внутринациональных конфликтах. Куба и Монголия до сих пор видят в нас своих союзников. Даже так называемые «страны-изгои» (Иран и Северная Корея) видят в России возможного защитника своей независимости. И сегодня важно не растерять эти позиции, а укреплять свой авторитет на международной арене. Важным механизмом укрепления нашего сильно пошатнувшегося статуса может быть использование этнической мифологии.

История этнической мифологии своими корнями уходит в далекое прошлое, но и сегодня она не потеряла актуальности. Под этническими мифами мы понимаем некие ложные представления о жизнедеятельности этноса и его культуре, воссоздаваемые соседними народами. Мы попытаемся, говоря словами Л.Н. Гумилева, понять «почему ложь, родившаяся в XIII в., оказалась столь живучей и надолго пережила породившую ее политическую ситуацию». Этническая мифология стала основой взаимоотношений многих народов, соперничавших между собой за природные и людские ресурсы, а главное за власть над умами представителей собственных и соседних этносов. Л.Н. Гумилев назвал «черной легендой» систему взглядов, зародившуюся в средневековой католической Европе, на основе которой строились отношения с некатолическими народами. ««Черная легенда» о злых человекоподобных варварах, которые не только помощи, но и отношения человеческого не заслуживают».

Для чего необходимо создание таких установок в идеологии, каково развитие идеи, ставшей сегодня важнейшей составляющей этнической мифологии? «Черная легенда» всегда была и будет нужна, пока один народ будет соседствовать с другим. Она воссоздавалась в разных обликах на протяжении всей истории человечества. Современная этнокультурная и политическая история не стала исключением. Разными были ее проявления, историко-культурные условия, авторы и носители, но причины всегда были одни и те же. Не только Западная цивилизация выступала и продолжает выступать творцом подобных мифов, но и любой другой народ, где бы он ни появился, причастен к созданию «черных легенд».

Взаимная ненависть, обвинения, а главное – лжесвидетельства, к сожалению, сопровождают мировую цивилизацию всю ее историю. Кто прав в борьбе Запада и Востока, коммунистов и социалистов, христиан и мусульман, демократов и тоталитарных деспотов? Думаем, ответ очевиден. Правы одновременно и все, и никто.

Может быть причина в религиозной розни? Христу приписывается ставшая знаменитой фраза: «Не мир пришел Я принести, но меч». И действительно, если рассматривать современную геополитическую ситуацию, то для Запада именно религиозный фактор был определяющим в его борьбе с соседями. Но мы знаем большое количество примеров, когда

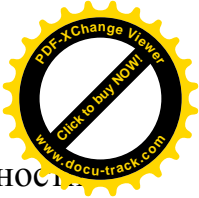
религия не мешала мирному сосуществованию народов (Рим до I в. до н. э., Аравия до VII в., Золотая Орда до нач. XIV в.). Рядовые адепты той или иной религиозной конфессии, как в Средние века, так и сегодня, зачастую совершенно не знали того, чем религии отличаются друг от друга. Они действовали в соответствии с предельно простым принципом: «Бей чужих!». В 70 – 80-е гг. XX в. государственные структуры США содействовали возникновению и развитию многих из ныне антиамерикански настроенных исламских организаций. Но религия – лишь знамя, повод и хорошее идеологическое основание для возведения напраслины на соседей.

Может быть, причина в жесткости народа и неразвитости его морально-этических представлений? Описания гуннов стали одним из главных аргументов возможности подобного развития событий. Этот народ характеризуется Аммианом Марцеллином именно как крайне некультурный, жестокий и дикий. Ложь часто оправдывается страхом и потерями в войнах с такими народами. Но страх и потери мы также считаем лишь поводом.

Весьма возможно, что причина в несовместимости ценностных ориентаций, извечном противостоянии Востока и Запада, Великой Степи и земледельцев? Здесь мы становимся, казалось бы, ближе к истине. Еще в Библии Каин и Авель, земледелец и кочевник, противостояли друг другу. Но их история в действительности может служить лишь очередным примером создания одной из первых «черных легенд». Примеры симбиоза Востока и Запада в Римском государстве I – V вв., в Российском государстве, духовные основы западной цивилизации, зародившиеся на Востоке, в Палестине – все это свидетельствует, что причина не в противостоянии и несовместимости ценностей. Несовместимость кочевого и земледельческого образа жизни также не может рассматриваться как причина ненависти и мифотворчества. Русские князья в X – XIV вв. не столько воевали с печенегам, половцами и татарами, сколько использовали в своих междоусобицах кочевых соседей. Легенды о «злых» татарах и их предшественниках возникли уже тогда, когда Великая Степь не могла представлять реальной угрозы русской государственности (не ранее XV в.). Более того, степняки монголы, многие из которых были христианами несторианского толка, под руководством Хулагу-хана в XIII в. даже стремились к союзу с крестоносцами.

Видимо, искать причины создания «черных легенд» надо не по внешним признакам, а в этнической и индивидуальной психологии и, возможно, даже в природных основах развития человечества. Поиск причин этнического мифотворчества не есть попытка оправдать огромный пласт лжесвидетельств, ставших неотъемлемой частью культуры межнационального общения. Это объективная необходимость раскрытия истинных закономерностей развития еще одной области человеческой культуры. Изучение этнических чувств и настроений может нас приблизить к истине, ибо именно это поможет разобраться в сложнейших переплетениях межнациональных отношений.

Неадекватность восприятия объектов-причин конфликта – частый, практически постоянный спутник его восприятия, необходимый элите для

манипулирования сознанием масс. Создание прочной неадекватности восприятия факторов возникновения противоречий необходимо для оправдания позиции инициатора конфликта. Это красивая оболочка. Она привлекает эмоции масс и является одной из главных причин появления этнических мифов.

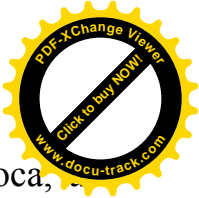
Для движения к цели, на пути к которой стоит один или несколько этносов, также необходим миф. Основой такого мифа становится создание образа врага (например, белополяка или белофинна), борьба с которым выступает основой конфликта.

В этнической психологии того или иного народа складывается этноцентрическая идентичность, часть которой – «восприятие жизни других народов сквозь призму культуры, традиционных установок и ценностных ориентаций своего этноса». Этноцентризм предполагает также противопоставление «мы – они». Собственное национальное сознание – «часть общественного сознания, отражающая национальное бытие, совокупность экономических, социальных, политических, нравственных, эстетических, философских, религиозных и других взглядов, представлений, характеризующих уровень и особенности духовного развития нации» – рассматривается часто как идеал, а любое отклонение от него – как негативная характеристика.

Причинами создания положительных национальных мифов о собственной истории, которые мы назовем «белыми легендами», могут быть нецелесообразные с экономической или политической точки зрения войны (поход Александра македонского в Индию, египетская экспедиция Наполеона I и др.). Создание подобных историко-идеологических установок важно, если этносу (прежде всего его элите) неприятно менять свое мнение, но необходимо как-то объяснить произошедшее себе и окружающим.

Позитивная национальная мифология – «белая легенда» – нужна этнической элите (или части этноса, претендующей на первенство в структуре нации) для обоснования своего привилегированного положения (Легенда о дарах Августа, шапке Мономаха, о Меревее, о происхождении каст в Индии и т. п.). Безусловно, с помощью этнических установок можно создавать положительный образ того или иного народа. Но нас интересует обратная сторона этой медали – отрицательный образ иного народа или группы народов.

Первым этапом в подобной работе является по возможности длительная или массированная идеологическая атака, провокационные и другие подобные методы, которые препятствовали бы адекватному восприятию информации о представителях «не своей» этнической общности или их действиях. Завершающим этапом подобной эволюции отношений между народами становятся этнические предрассудки. Великолепным инструментом в создании извращенного образа народа-соперника является создание национального мифа о нем, основой которого становятся ложные, оторванные от действительности представления. Создание национальных мифов часто важно не только для «очернения» противника, но и для

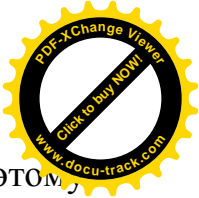
создания, тем самым, позитивного образа действий собственного этноса, точнее – сценария развития (истории, настоящего и будущего), предлагаемого национальной элитой.

Этнос, находящийся в ущемленном положении, может искать в мифе свое оправдание, как, например, ожидание евреями мессии с I в. до н. э. При этом этнос перестает критически оценивать свои силы, одновременно обретая безусловную веру в свое могущество. Создание позитивной национальной мифологии о своей истории сопровождается негативным мифотворчеством об истории соперничающих (часто мнимо соперничающих) этносов. Внешне кажущийся слабым и всеми притесняемым, народ начинает мечтать о господстве над своими хозяевами и угнетателями. Часто большая степень веры в подобные «черные» и «белые легенды» приводит к поразительным результатам. Так, маленький и разобщенный еврейский народ в 60-х гг. I в. и 30-х гг. II в. стал настоящей угрозой для римской власти на Ближнем Востоке. Германия, после 1918 г. лишенная армии и находящаяся в состоянии жесточайшего экономического кризиса, к 1939 г. стала самой могущественной державой Европы.

Часто с помощью национальной мифологии этнос в целом или его часть пытается игнорировать изменения своего статуса в этнической иерархии, словно все остается по-прежнему («Священная Римская империя» в. XIV – XVIII вв., Китай XVIII – XIX вв. и т. д.).

Чем более развиты этносы, тем более сложны и часто наукообразны национальные мифы. Так, папуасы называют всех иноплеменников «не людьми», «пищей». Адольф Гитлер уже опирается на популярные расовые теории и евгенику. Он причислял к «неполноценным» народам, в частности, славян, которые являются такими же индоевропейцами, как и германские народы. Однако японцы, которые согласно данной теории вполне обосновано могли бы входить в число «неполноценных», таковыми не считались.

В современных информационных (постиндустриальных) обществах всячески вуалируется все то, что связано с воздействием на индивидуальное и массовое сознание. Социальная реклама, репортажи о терактах и массовых беспорядках – вот лишь некоторые из наиболее очевидных примеров того, как в индивидуальном и массовом сознании вызывают страх за будущее, лишают покоя родителей, заставляя ненавидеть тех, кто в средствах массовой коммуникации представлен демонстративно неприглядно. Когда демонстрации, состоящие из сотни человек, показываются как многотысячные (профессиональный оператор может это сделать великолепно) – это вызывает у рядового обывателя страх увидеть подобное у себя под окнами. Реклама Coca-cola сопряженная с «просветительской» пропагандой контрацептивов для жителей африканских стран не только рекламирует газированный напиток и показывает заботу коммерческой компании о потребителях, но и вызывает страх западного зрителя перед «дикими» выходцами с африканского континента. Николай Чаушеску (Румыния) был свергнут и приговорен к смертной казни именно в результате таких манипуляций, когда его обвинили в расстреле рабочей демонстрации.

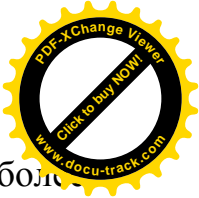

Лишь позднее выяснилось, что румынский лидер, возможно, не имел к этому отношения, а трагическое событие было инспирировано сотрудниками ЦРУ. Однако дело было уже сделано, страх румын за свою жизнь заставил их «выйти на путь демократических преобразований».

Подобных примеров можно привести немалое количество. Для продвижения товаров, утверждения нужного общественного мнения, а также продвижения позиций этической элиты в массы СМИ постоянно используют такие инструменты. Открытые формы воздействия на индивидуальное сознание, очевидно, покажут неблаговидность мотивов коммерческих компаний и политических лидеров, а потому их применение нецелесообразно. При этом практически всегда подчеркивается опасность влияния на сознание детей, молодежи и населения в целом каких-либо институтов культуры. Образование в России провозглашено «деидеологизированным», всяческие отклонения от чего вызывают порицание. Интернет называется «всемирной помойкой», из-за чего осуществляются попытки регулировать уровень доступа к его ресурсам (Китай). Часты упоминания об опасности для формирования массового сознания кино и даже мультфильмов. И, тем не менее, именно СМИ используются крупными коммерческими группами и этнической элитой для достижения своих меркантильных целей. Интернет, реклама и все прочие СМК переполнены средствами манипулирования сознанием. Таковы новейшие способы и механизмы создания этнических мифов, безусловно, направленных на изменение массового сознания.

Урегулирование конфликта как часть этнической мифологии. Этнические конфликты порождаются и провоцируются, прежде всего, средствами массовой информации, политическими и общественными деятелями, проплаченными провокаторами и идеалистами. Конфликт начинается с бытовых стычек, драк между представителями различных этносов, что переходит их на улицы и принимает форму митингов, демонстраций, а в логическом пределе и массовых столкновений. Трагические события 2010 г. в Киргизии – самый свежий тому пример.

Важным моментом конструирования этнических мифов является создание ложных представлений о возможности существования мирных способов урегулирования конфликтов и народов, способных на это. Первый метод смягчения конфликта – изоляция лидеров конфликтующих сторон или наиболее активных противоборствующих групп. Лидеры конфликта – фигуры, рождаемые самим противоборством, поэтому их изоляция не исчерпывает противоречия, а лишь лишает группу одного из вождей. Это может дезориентировать группу на определенное время. Если конфликт не искусственно создан изолированным лидером, то агрессивная толпа обязательно выдвинет замещающего или нового лидера. Примером того является борьба Израиля с исламскими фундаменталистами, где аресты и ликвидации лидеров боевиков не приводят даже к снижению напряжения. Изоляция целых групп – очень трудная цепь мероприятий, часто возможная лишь теоретически. Аресты участников движения Соппротивления во времена

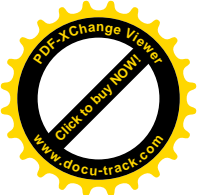
Второй Мировой войны заставляли оставшихся изобретать более изощренные способы конспирации и продолжать борьбу. Изоляция кого-либо из участников (даже в наиболее мягкой форме интернирования) не может быть добровольной, а значит эффективной и ненасильственной.

Силы, которые склонны к переговорам, можно поддерживать только подкупом и обещаниями, по крайней мере, частичного удовлетворения их интересов, что также есть завуалированная форма подкупа. Если поддерживается группа, склонная к компромиссам, значит, есть и принципиальные или радикальные группы. Следовательно, конфликт не исчерпывается, а путем провокаций и подкупов осуществляется попытка дезинтегрировать одну из конфликтующих сторон. Тем самым конфликт не сглаживается и тем более не решается, а лишь осуществляется попытка манипулятивным способом «перетянуть одеяло» интересов на одну из сторон, а другую сторону ослабить и запугать и, в конечном счете, уничтожить.

Одним из способов воздействия на конфликтующую сторону является применение экономических и политических санкций. Тем самым осуществляется попытка ослабить материальную, социальную и моральную базу противоборствующей стороны. Люди, потерявшие возможность нормально питаться, одеваться, перемещаться по миру, уже этим запугиваются и ставятся перед необходимостью думать о «меньшем зле». При этом причины конфликта не разрешаются, а лишь отодвигаются на второй план под угрозой голода и потери свободы.

Называть указанные выше способы гуманными, на наш взгляд, было бы странным, а потому мы склоняемся к выводу либо об абсолютном и неприкрытом цинизме современной международной политики по урегулированию межнациональных конфликтов, либо о ее полном бессилии и несостоятельности. Система двойных стандартов – очевидный цинизм со стороны большинства стран мира и международного сообщества в целом. Такая политическая стратегия весьма эффективна и выгодна в условиях растущего влияния манипулятивных технологий для любой из противоборствующих сторон.

Переговоры позиционируются как самый разумный, гуманный и мирный способ урегулирования конфликтов. Это утверждают те, кто усаживают противоборствующие стороны за стол переговоров. Так ли это на самом деле? Если стороны чувствуют силы решить конфликт в свою пользу без учета интересов противника, они будут идти по силовому варианту и под любым предлогом откажутся от переговоров. Переговоры – крайняя мера. К ней прибегают тогда, когда одна сторона понимает, что проиграла, а вторая, – что победа силой возможна, но обернется значительными людскими и материальными потерями. Переговоры по инициативе противников в разгар конфликта – нонсенс. Переговоры по инициативе третьей стороны (авторитетного союзника одного из противников, или союзников обеих сторон) – самое частое явление. Однако если каждая сторона чувствует, что в силах продолжать конфликт и начинает переговоры только под давлением

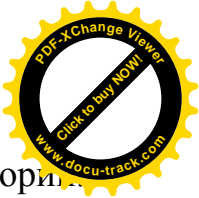
союзников, то рано или поздно конфликт вновь войдет в активную фазу. Здесь конфликт также остается неразрешенным.

Часто в качестве метода предупреждения конфликта предлагается проведение политики, основанной на принципах правового равенства народов. Это, на наш взгляд, абсолютный идеализм. Всегда больший по численности народ, исторически проживавший на определенной территории, в равенстве будет чувствовать несправедливость по отношению к себе как к народу, играющему более значительную роль. Даже если предположить, что предупреждается конфликт между примерно равными по численности и значимости этносами, то субъективно и психологически это будет неэффективно, так как попытка предупредить конфликт предполагает наличие его объекта. Следовательно, правовое равенство не является препятствием для предполагаемой эскалации конфликта. Примером тому являются конфликты в Испании (страна Басков) и Великобритании (Ольстер). В этих странах уравновешенная правовая политика и даже предоставление автономии не только не исчерпывает, но даже не смягчает конфликт.

Повышение культурного уровня населения и его просвещение также не снимают напряженности и активизации конфликта. Примером тому является более чем 70-ти летняя глубоко продуманная пропаганда «дружбы народов» в СССР, активными элементами которой являлись обязательное общее среднее образование и доступное среднее специальное и высшее образование. Направляемые на это огромные усилия государства не предотвратили распада страны на независимые республики и дальнейшую дезинтеграцию многих из них. Конфликтное поле на пространстве бывшего СССР практически не сокращается на протяжении более чем 20-ти лет.

Провокация конфликтов никогда не происходит просто так, «из спортивного интереса». Она всегда кому-то выгодна, особенно когда речь идет о территориях, которые богаты ресурсами. Конфликт не позволяет народам, проживающим на такой территории, обрести полный экономический контроль над ресурсами и заставляет обращаться за помощью к соседям, либо дает повод для вмешательства соседей в дела конфликтующего региона. О том, что конфликт не дает народу развиваться и разрушает все стороны его жизнедеятельности, говорит, например, «Доклад о развитии человека 2005», опубликованный ООН. Такое положение заставляет конфликтующие стороны чувствовать свою слабость и создает видимость необходимости посторонней защиты. Это выгодно третьей стороне, которая, тем самым, обретает объект влияния. Это, на наш взгляд, выступает одной из важнейших причин неугасания многих конфликтов на планете.

Часто урегулирование конфликта элементарно экономически и политически невыгодно. Ирак – богатый нефтеносный регион, где стабильная политическая ситуация означает постепенную консолидацию прибыли в национальной экономике. Постоянный, непрекращающийся конфликт не позволяет сконцентрировать всю нефтедобычу в руках

правительства из-за существования неконтролируемых территорий. Правительство вынуждено обращаться за помощью к третьей стороне, которая за обеспечение этого контроля будет забирать значительную часть нефти. Подкупом такого правительства может, например, выступать списание долгов. Так, под давлением США Россия списала Ираку 93% долгов. Америка выступила покровителем в глазах иракцев, а Россия просто уступила еще одну позицию на международной арене. Такое списание не может стимулировать экономику – это ее развращает, ибо исчезает стимул к оптимизации. Кроме того, это может негативно настраивать ряд государств Ближнего Востока против Ирака, что способствует эскалации, распространению и укреплению конфликтной ситуации в регионе. Но постоянная и всеобъемлющая нестабильность нужна Западу, чтобы обеспечивать ощущение покоя в сознании собственных масс.

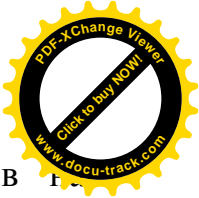
Каким же образом возможно урегулирование конфликтов? Оно может быть симметричным или ассиметричным. Симметричность означает взаимное и полное удовлетворение обеих сторон – идеальная, а поэтому только теоретически возможная ситуация. Ассиметричность разрешения конфликта может иметь следующие варианты:

- полное уничтожение или крайнее ослабление одной из сторон конфликта;
- уничтожение объекта конфликта (экономических или территориальных ресурсов).

Циничным, но откровенным и нелестным подтверждением того, что только так можно завершить (исчерпать) конфликт является высказывание о ядерной войне Мао Цзэдуна. Он заявил, что решение исторического спора между коммунизмом и капитализмом в глобальной ядерной войне приведет к гибели половины человечества, зато оставшаяся его часть будет жить в царстве справедливости и изобилия. Эти заявления не нравились даже идеологическим союзникам Мао Цзэдуна – европейским коммунистам. Однако мысли китайского лидера – это, возможно, жестокая, но правда. Ибо исчерпание объекта конфликта или ликвидация его участников – единственная основа исчерпания самого конфликта.

Такой вариант исчерпания конфликта является крайностью, поэтому на деле методы предотвращения и урегулирования конфликтов оказываются лишь способами его консервации. Это наводит на мысль о безысходности развития человеческой цивилизации в плане обязательного присутствия этнических конфликтов на всех этапах истории в прошлом, настоящем и будущем. Внутреннее нежелание признать этот вариант «апокалиптики» заставляет подменять термины и создавать мифы о способах урегулирования конфликтов, почва для которых неустраима.

Если одна из сторон потерпела поражение, но в значительной степени уцелела, то конфликт обязательно разгорится вновь. Если есть авторитетная сторона, сдерживающая противников, то конфликт не исчезает, а затухает до тех пор, пока третья сторона способна его сдерживать. Явная неэффективность всех существующих современных способов и средств

«мирного» и силового урегулирования межэтнических конфликтов в протяжении последнего полувека доказывает палестино-израильский конфликт, деятельность Ирландской Республиканской Армии, баскской и курдской проблем.

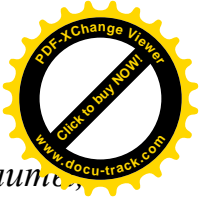
В случае признания абсолютной невозможности полного исчерпания межэтнических конфликтов, выход заключается в необходимости несилового ограничения конфликтного взаимодействия этносов. «Желательные виды поведения нашей социальной системы возможны только при условии, что мы хорошо понимая динамику системы, решимся пойти на некоторые ограничения...». Понимание этого придет не скоро, возможно, только тогда, когда большая часть человечества будет поставлена на грань очевидной глобальной военной, демографической или экологической катастрофы.

Главную роль в качестве инициаторов конфликтов и их умиротворителей в современном мире играют сверхдержавы. Сверхдержавы – это несколько мощных и разнообразных этнокультурных пространств – США, Россия, Китай, в близкой перспективе Индия и Индонезия. Закрывающие в себе разнообразное этнокультурное пространство, они преследуют, прежде всего, эгоистичные цели. В силу этого становится недоступным понимание необходимости самоограничений, которые можно выразить следующей фразой: «Субъект, стремясь достичь своих целей, должен согласовать свои действия с другими, чем-то поступиться, чтобы действия параметров не оказались направленными против его действий». Это непонимание исходит из универсальности сверхдержав, которые, центрируя в себе сочетание мозаичных, мультикультурных этнических миров, предполагают наличие у себя подходящего всем культурного опыта. У такого государства создается ложное впечатление, что преследуемые им цели важны и ценны для всех остальных, что и приводит к конфликтам с системами, имеющим иное направление развития. В результате именно суперэтнические общности, которые включают сверхдержавы, становятся одним из самых непреодолимых препятствий на пути преодоления крайней конфликтной напряженности в мировом сообществе.

* * *

Итак, мы можем с определенной уверенностью утверждать, что ни религия, ни страх и боязнь потерь от взаимодействия, ни разная направленность ценностных ориентаций, ни экономическая конкуренция, ни уровень развития культуры не являются причинами создания негативных национальных мифов. В качестве основных причин создания этнических мифов мы выделяем:

- 1. этноцентризм, являющийся неотъемлемой частью этнической психологии, в большей или меньшей степени присущий всем народам;*
- 2. экономию культурных и интеллектуальных сил, нежелание выстраивать равные партнерские отношения с соседними народами;*

3. стремление этноса или его части, претендующей на место элиты, обосновать свое положение или соответствующие претензии;

4. стремление к сохранению существующей иерархии этносов или внутренней структуры отдельного этноса, а также целостности нации;

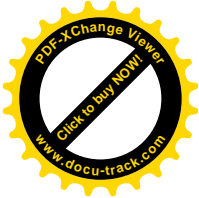
5. оправдание нецелесообразных с точки зрения других этносов или членов собственного этноса внешне- и внутривополитических акций;

6. попытки выйти из-под опеки доминирующего этноса.

Взаимодействие этнических культур в прошлом и настоящем – это во многом процесс болезненный, требующий больших интеллектуальных усилий и затрат культурных ресурсов. Национальная мифология становится одновременно следствием и одним из важнейших инструментов жизнедеятельности этносов. Однако этим содержанием данного явления в этнической культуре далеко не исчерпывается.

Урегулирование конфликтов – крайне сложный процесс. Мирное урегулирование конфликтов – миф, который выгодно поддерживать этнической элите. Это связано с тем, что боязнь жертв и насилия отпугивает большинство этнической массы от пропагандистов такого рода политики. Кроме того, сам поиск возможных путей мирного урегулирования конфликтов – позитивный, созидательный и необходимый путь прогрессивного общественного развития. На современном этапе функционирования этнокультурных систем нет ни одного примера полного исчерпания причин конфликта в каком-либо уголке планеты. Конфликт может сдерживаться, но не исчерпываться современными методами, что приводит к мысли о порочности современной этнокультурной системы и идеологическом бессилии элит. Цинизм элит заключается в том, что через провоцирование конфликтов они обретают экономический, политический и социальный контроль над этнической массой и ее территорией. Цинизм и бессилие – пример деструктивной роли этнических элит как народов, непосредственно участвующих в конфликте, так и тех, кто выступает в качестве третьей стороны (посредников).

Перспективы разработки способов урегулирования этнических конфликтов удручающие. Это видно хотя бы из того, что темпы дальнейшего развития конфликтного поля (терроризм) исследователями и политиками оцениваются как пугающие, при одновременном признании роста деструктивности характера межэтнических разногласий и противоречий. Конфликты разрастаются и усиливаются. Когда же речь заходит об их урегулировании, то, как правило, говорится об отсутствии универсальных методов и необходимости «индивидуального» подхода. «В конфликтных ситуациях устойчивые компромиссы неэффективны, а эффективные – неустойчивы». Тем самым фактически признается неэффективность, а иногда и невозможность предложить четкую схему преодоления конфликтов.

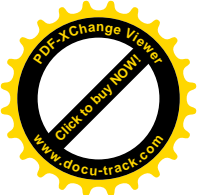
Заключение

Все, что связано с существованием человека и социума, частью которого он является, происходит в пространстве и времени. Пространство и время приняты человеком как главные ориентиры его движения по пути прогресса. При этом нельзя забывать, что объективность в суждениях о чем-либо – это недостижимый идеал. Перцептивные пространство и время, будучи частью сознания, подвергаются трансформации в зависимости от состояния человека и группы, в которую он входит. Так пространство и время становятся субъективными, иногда [≠] предельно субъективными. Размеры известного человеку пространства и протяженность временных отрезков зависят от его возраста, от уровня развития коллектива, в который он входит, и, разумеется, от глубины его знаний об окружающем мире. К совокупности факторов, изменяющих наше пространственно-временное восприятие, также относятся природные, социальные и культурные явления.

При всей подвижности содержания этих категорий, человек основывает свою жизнь на базе сложившихся в культуре его народа представлений о пространстве и времени. Именно потому, что человек наполняет смыслом весь материальный и духовный мир, в котором существует, этот мир становится культурным пространством. Пространство и время указывают место человека и человечества в Ойкумене. Они регулируют все стороны жизнедеятельности, позволяют сопоставить ее результаты с прошлыми и возможными будущими достижениями.

Итак, пространство и время устанавливают пределы происходящего в обществе и являются нормативными регуляторами всех процессов в нем. При этом сами эти категории созданы человеком и поэтому их содержание от него зависит. Единство культуры, пространства и времени, основанное на связующей их деятельности, создает некую действительность, называемую «социально-культурной деятельностью».

Пространство можно рассматривать в двух проявлениях. Географическое (физическое) пространство имеет видимые на карте

естественные рубежи (горы, реки, моря и т. п.) и установленные человеком границы (административные и государственные). Другая форма воплощения пространства связана только с сознанием и культурой. Границы экономического, политического, правового, национального пространства связаны не с видимыми рубежами, а с мотивами и целями различных видов жизнедеятельности. Вторая форма воплощения пространства во многом рождена борьбой за богатства первого. Именно поэтому для наиболее эффективного функционирования мыслимого пространства необходимо созидание общего миропонимания. Общее мировоззрение заставляет народы двигаться в одном направлении и, тем самым, получать наибольшие результаты в плане освоения окружающего мира.

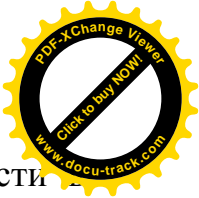
Находясь в разных природно-климатических, ландшафтных и исторических условиях, человек постоянно создает новые уникальные пространственные миры, называемые культурным пространством, разнообразие которого практически беспредельно.

Более узким понятием, составляющим, тем не менее, важную часть культурного пространства, является «социальное пространство», в рамках которого разворачивается жизнедеятельность человека и социальных групп. Всякое социальное пространство существует, пока есть какая-либо форма случайного или осмысленного взаимодействия. Социальное пространство появляется, формируется и функционирует тогда, когда возникает какая-либо форма взаимодействия между людьми или группами людей. Если такого взаимодействия нет, остается лишь материальное пространство, в котором действуют объективные законы существования материи. Только субъективные характеристики – сущность социального пространства.

Человек, находясь в социальном пространстве, вынужденно или целенаправленно перемещается по нему. К причинам, приводящим к перемещению по вертикали (от более низких социальных статусов к более высоким и обратно) и по горизонтали (из одной в другую близкую по статусу социальную группу), относятся потребности, ценности и степень активности человека в межгрупповых и межличностных отношениях.

Существуют критерии, в соответствии с которыми выделяют социокультурное пространство определенного исторического периода: географические, экологические (экология региона и человека), социальные (общественная стратификация и хозяйственно-экономические особенности) и культурные (система культурного опыта народа, совокупность норм и ценностей).

Социокультурное пространство можно определить как место возникновения и борьбы мировоззрений, идеологий и взглядов. Овладение человеком пространства привело к попыткам понять окружающий мир, увидеть свое место в нем, к необходимости оценки прошлого и желанию увидеть будущее. Человек всегда переосмысливает увиденное и прочувствованное пространство. Борьба реального и желаемого, внутреннего (духовного) и внешнего (материального) пространств задает главные направления реализации личности человека в его жизнедеятельности. Эта

борьба может привести к изменению пространства культуры личности в сторону обогащения или оскудения.

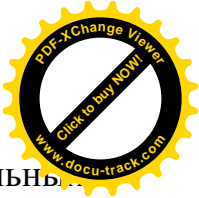
Система социокультурного пространства включает следующие элементы: макро и микросоциумы; информационно-знаковое поле; ценности; социальные институты (учреждения, отношения, религии, образование, досуг и т.д.); их материальную и интеллектуальную базу и потенциал. Человек постоянно видоизменяет социокультурное пространство, воплощая в реальности результаты своей экономической, политической, социальной и культурной активности.

Важным компонентом социокультурного пространства является пространство этническое, под которым понимается вся масса народов, связанных определенными историческими обстоятельствами и местом жизнедеятельности в истории человечества. Этническое пространство также является олицетворением единства этноса и групп этносов, основанного на общности территориальной (ландшафтной, региональной) зоны. Таким образом, важнейшим содержанием этнокультурного пространства является распределение народов по ландшафтно-климатическим зонам и образование у них в ходе взаимодействия политических, хозяйственных и духовных систем.

Важнейшей характеристикой, формирующей этнокультурное пространство, является взаимодействие, составляющее суть любого социального пространства. Основной формой культурного взаимодействия является диалог – взаимопроникновение ценностей различных народов, приводящее к взаимообогащению адресата и адресанта. Поэтому диалог является самой результативной формой межэтнического взаимодействия. Кроме того, на организацию этнокультурного пространства оказывает влияние культурное взаимодействие на основе различных форм заимствований (аккультурация, инкультурация, навязывание и т.д.). Любая форма взаимодействия испытывает влияние ряда факторов: исторические условия вступления во взаимодействие, политический строй субъектов взаимодействия, уровень культуры взаимодействующих сторон, правила самого взаимодействия и психологические особенности этносов.

Соприкасающиеся культуры формируют контактную зону, где сосуществуют этносы, приносящие в регион свои культурные, языковые, религиозные, административные системы, что способствует постепенному размыванию этнических границ. Диффузия культур, их борьба за право доминировать – основное содержание культурного взаимодействия в контактной зоне. Контактными зонами до XVI в. являлись Великая степь (от Монголии до Венгрии), Кавказ, бассейны Балтийского, Северного и Средиземного морей, Ближний Восток, Рейн, Дунай и Месоамерика. В XVI – XIX вв. прежние контактные зоны приходят в движение. В конце XX в. главными контактными зонами мирового масштаба стали Западная Европа и Северная Америка.

Взаимодействие невозможно без определенного сходства культурного поля, в котором находятся два народа. Возникновение такой общности и

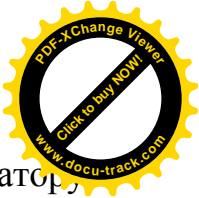
происходит в контактной зоне. Появление на периферии стабильных крупных цивилизаций «пограничных культур», где переплетаются границы, ценности, стереотипы, религии, хозяйственные типы, – это не только возможный, но и довольно распространенный вариант развития культур. Вступая во взаимодействие с иными культурами, они создают и формируют новые своеобразные мозаичные системы.

Начало взаимодействия связано с пониманием самого адресанта необходимости трансляции информации. Это связано с представлением этноса о себе как о цивилизационном центре. Так, Византия и Германия (с X в. ставшая центром «Священной Римской империи»), считая себя преемниками Римской империи, источниками христианства, полагали, что вправе быть источниками культурного потока. Необходимость приобретать новые объекты влияния укрепляет культурную систему транслятора и подпитывает его новой (чаще всего молодой) духовной энергией. Тем более, что обретение зависимых культурных систем путем войн таит опасность потерь людских и материальных ресурсов.

Возможность развивать собственную культуру за счет ресурсов, имеющихся на соседних территориях, делало заманчивым культурное взаимодействие для адресата. Так, большие ресурсные возможности, которые демонстрировало этнокультурное пространство Римской империи, заставляло германские и славянские племена менять общественные отношения, перенимать методы хозяйствования и управления, принять христианство. Потребность в заимствовании того, что отсутствует в своей культуре, стала главным мотивом вступления в культурные контакты и образования контактных зон.

Круг партнеров по взаимодействию в конечном итоге определяет направление развития взаимодействующих культур. Агрессивные культуры ищут возможность выхода энергии. Таким выходом становятся ассимиляция, войны и колонизация, что, в конечном итоге, также является формами взаимодействия. Агрессия более типична для молодых этносов, которым не хватает собственных духовных, природных, экономических, людских или территориальных ресурсов. В данном случае инициатор контакта может остановиться на экспроприации указанных ресурсов. История показывает, что именно с банальных грабежей чаще всего начинаются контакты, которые, при несовместимости систем ценностей, могут привести к полному разрушению этнокультурной системы одной из сторон (жужани в сер. VI в., гунны во вт. пол. V в.). Народ, подвергающийся агрессии, но проявивший жизнеспособность, может сам стать «захватчиком» (Россия по отношению к Польше с сер. XVII в. и к Швеции с нач. XVIII в.). Если более молодой и примитивный народ оказывается способен к культурному росту и симбиозу с объектом агрессии, то они способны интегрироваться в один культурный организм (Китай и маньчжуры, франки и гало-римляне, арабы-мусульмане и копты Египта).

Опытная и древняя этнокультурная система часто ищет партнера по взаимодействию по причине исчерпания не природных ресурсов, а именно

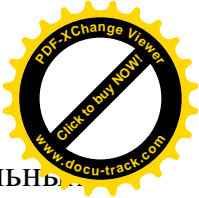
духовных сил, восполнение которых и необходимо инициатором взаимодействия. Так германцы, подойдя к рубежу первобытного существования (IV – V вв.), восприняли христианство у Римской империи и начали активное взаимодействие с ней, поглотив к 476 г. ее западную часть.

На современном этапе развития все культурные пространства многоэтничны. Располагаясь в разных регионах и странах, народы находятся под влиянием друг друга. Сегодня большинство государств охватывает множество этнокультурных пространств. Это не обязательно воплощается в административном делении страны. Названное пространство может существовать лишь в сознании представителей того или иного этноса. Признавая это, мы должны согласиться и с тем, что географические границы в определенном смысле потеряли традиционное значение. Ведущую роль приобрели культурные рубежи, которые далеко не всегда видны на карте. Государственные границы перестают быть границами культур и границами этносов. Все разнообразие форм пространства существует сегодня только в индивидуальном, групповом и массовом сознании, не имея зримого воплощения.

Рубеж XX и XXI веков стал периодом развертывания нового формата этнокультурного пространства, который связан с разрушением биполярной оппозиции социалистического и капиталистического лагеря, а также с выходом на лидирующие позиции этносов, ранее бывших в числе слаборазвитых (Китай, Индия, Индонезия, Тайланд и др.). Кроме того, новое содержание этнокультурного пространства связано с тем, что возобладали индустриальные и постиндустриальные тенденции развития. В связи с этим традиционализм в отношении к системе ценностей отвергается большей частью наиболее экономически развитых стран. На первый план выдвинута система «общечеловеческих» ценностей, которая должна полностью заменить традиционные ценности отдельных народов.

Запад активно пропагандирует строительство глобальной цивилизации на основе мультикультурализма и культурного плюрализма, который предполагает множество центров и альтернатив развития. Однако сам комплекс «общечеловеческих» (читай западных) ценностей стал застывшей системой, любое посягательство на которую не допускается под угрозой наказания со стороны НАТО, ООН, МВФ и др. подобных глобалистических организаций. Создаются препятствия любым попыткам создать новые полюсы этнокультурной системы, кроме «демократического Запада». Так, Китай, Индия, Бразилия, Россия и другие страны, обладающие серьезным экономическим потенциалом, активно втягиваются в ВТО, что фактически встраивает и их политические, социальные и духовные компоненты в систему, где роль локомотива выполняют западные страны, а остальной мир представляет для них вагоны с топливом.

Постиндустриальные страны провозглашают себя центром процветающего мира, основанного на социальном и межнациональном согласии. При этом налицо совершенное несоответствие заявляемых принципов и их реального воплощения. Так, Великобритания, Испания,

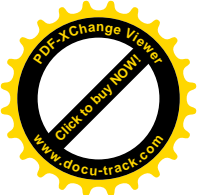

Германия и Франция имеют очевидные проблемы в сфере межнациональных отношений. Греция, Италия и Португалия едва удержались от разорения. Почти все страны Европы, по крайней мере коренные европейские народы, живущие на субконтиненте, депопулируют. Во всех постиндустриальных странах наблюдается отход от нравственных идеалов христианства. И в орбиту такого этнокультурного пространства пытаются втянуть сегодня весь мир.

Современная постиндустриальная культура порождает протест даже в самих западных странах, что демонстрирует движение антиглобалистов. Это не только протест против вторжения другой культуры, но и неприятие используемых Западом методов взаимодействия. Навязывание независимым народам чужих ценностей посредством финансового порабощения и безапелляционного силового вмешательства в их дела, унижает национальное достоинство. Но дело не только в методах навязывания культуры. Методы взаимодействия, которые использует Запад, противоречат самим «общечеловеческим» ценностям. Насилие над народами геополитически важных и богатых природными ресурсами этнокультурных пространств оправдывается исторической необходимостью и «гуманистическими» соображениями. Афганистан, Венесуэла, Иран – яркие примеры того, как реагируют этносы на подобные формы культурного взаимодействия.

Конфликтогенное поле весьма широко и имеет массу видимых причин возникновения (социальные, экономические, политические, культурные, демографические, территориальные, конфессиональные, психологические). Природа конфликтов между народами и государствами гораздо проще и одновременно сложнее, чем принято считать. Единственной настоящей причиной конфликтов является борьба за экономическое и территориальное преобладание. Все прочие «причины» лишь камуфлируют эти мотивы в силу их очевидной неблагоприятности для этнической массы или позволяют насытить конфликт эмоциями, доступными для понимания большинства людей. Экономика пронизывает все сферы нашей жизни, что облегчает этнической элите задачу связывания в сознании масс экономики с религией, национальным неравенством и т. д., манипулируя эмоциями людей и низводя экономику до «придатка» причин конфликта.

Территориальная и экономическая подоплека конфликтов составляют единое целое, ибо все ресурсы связаны с определенной территорией, а любая территория теряет смысл, если не располагает какими-либо ресурсами. Однако необходимо убеждать население в правоте политики, проводимой этнической элитой. Этому служит этническая мифология [≠] ложные представления одного этноса о жизни и культуре другого. Она обеляет или очерняет конкретные исторические события, необходимо и достаточно искажая прошлое и настоящее. Она создает такой образ восприятия того или иного народа, который заставляет относиться к нему так, как нужно элите. Кроме того, этническая мифология позволяет обрести власть над умами представителей собственного этноса.

Ложное восприятие объектов и причин конфликта – частое практически постоянное явление, связанное с этнической мифологией. Создание ложного восприятия причин возникновения этнических противоречий важно для оправдания действий инициатора конфликта. Основой такого мифа выступает создание негативного имиджа противника («собака нерезанная» для мусульман, «чурка неумытый» для российского скинхеда), противостояние с которым становится основой конфликта.

Поводом для создания позитивных этнических мифов являются попытки оправдать нелогичные или бессмысленные зигзаги собственной истории (дружба СССР с Германией в 1939 – 1941 гг., вспашка целины как попытка накормить огромную страну, защита демократии во всем мире). Положительная этническая мифология нужна, прежде всего, элите или претендующей на национальное лидерство группе для доказательства законности своих притязаний, что показывают практически все легенды о родоначальниках правящих династий в древности и средневековье.

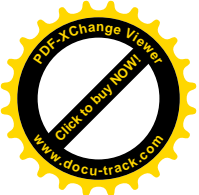
Угнетаемый этнос ищет в мифе оправдание необходимости сбросить чужеземное иго. Так в XV в. возникают и включаются в русские летописи мифы о «злых татарах». Этническая мифология заставляет народ (или его часть) закрывать глаза на изменения собственного реального статуса в этнической иерархии. Современные греки гордятся своей великой культурой, но при этом забывают, что это культура их прошлого, а не настоящего. Реальный же статус и вклад в мировую сокровищницу современной греческой культуры несравнимо ниже.

Этнические мифы, разумеется, касаются и вопросов, связанных с урегулированием конфликтов, и, прежде всего, мирных способов, обеспечивающих этот процесс. Цинизм современной международной политики заключается и в том, что ни одна серьезная международная организация не признает невозможности такого разрешения, что одновременно говорит о бессилии нашей цивилизации в вопросах устранения почвы конфликтов.

Урегулирование конфликта предполагает два варианта:

- 1) симметричный – абсолютное удовлетворение всех сторон конфликта. Он абстрактно предпочтителен, но вряд ли реален;
- 2) асимметричный – либо уничтожение одной из сторон конфликта, либо исчерпание объекта конфликта. Такой вариант урегулирования вряд ли гуманен, но альтернативы ему нет. Уничтожение объекта конфликта или его участников – единственно возможный вариант действительного прекращения самого конфликта. Все иные способы упреждения или прекращения конфликтов являются лишь способами перевода их в латентное состояние.

Огромная нравственная сила мировой цивилизации на современном этапе может заключаться в простом признании невозможности абсолютного исчерпания межэтнических и внутриэтнических конфликтов. Если это произойдет, то реальным путем к выходу станут глобальные усилия по поиску методов мирного ограничения, а не прекращения (как до этого желали) конфликтного взаимодействия этносов. Само признание бессилия

есть путь к обретению силы. Видимо, только глобальная катастрофа сможет заставить человечество понять эту логику или уничтожит его в силу неспособности остановиться в процессе самогеноцида. Непреодолимым препятствием к спасению может стать лицемерие этнических и надэтнических элит, которые, провоцируя и поддерживая конфликты, завоевывают контроль над ресурсной базой тех или иных территорий. Урегулирование конфликтов для них не выгодно. В силу сказанного, мы убеждены в слабой вероятности выработки адекватных современным «гуманистическим принципам» существования способов урегулирования конфликтов. Тем временем этнокультурные пространства, вовлеченные в серьезные конфликты, разрастаются.

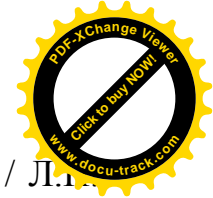
Сказанное может привести к мысли о бесперспективности дальнейшего развития этнокультурных пространств. Однако мы надеемся, что этнокультурное пространство в своем развитии все же двигается по пути прогресса и рано или поздно исчерпает свою конфликтогенную составляющую.

Литература:

- Абдулатипов, Р.Г. Воля к смерти (Философия кризиса глобального человека) [Текст] / Р.Г. Абдулатипов. — М.: Классик Стиль, 2007. — 191 с.
- Агеев, В.Н. Семиотика [Текст] / В.Н. Агеев. — М.: Весь мир, 2002. — 256 с.
- Арутюнова-Фиданян, В.А. Армения и Византия в VII в.: синтезная контактная зона [Текст] / В.А. Арутюнова-Фиданян // Византийский временник=BYZANTINA XRONIKA.— М.: Наука, 2002. — Т. 61. — С. 58 — 70.
- Асадуллин, Р.М. Антропологические основания педагогического образования [Текст] / Р.М. Асадуллин, В.Л. Бенин. — Москва;Уфа: Изд-во Башгоспедуниверситета, 2000. — 98 с.
- Аскин, Я.Ф. Проблема времени. Ее философское истолкование [Текст] / Я.Ф. Аскин. — М.: Мысль, 1966. — 200 с.
- Бабаева, А.В. Человек в городском культурном пространстве [Текст] / А.В. Бабаева // Философия XX века: школы и концепции: научная конференция к 60-летию философ. фак. СПбГУ, 21 ноября 2000 г.: материалы секции молодых ученых «Философия и жизнь». — СПб.: Санкт-Петербург. философ. общество, 2001. — С. 26 — 28.
- Барт, Р. Удовольствие от текста [Текст] / Р. Барт // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М.: Прогресс, 1989. — С. 468 — 518.
- Бахтин, М.М. Время и пространство в романе [Текст] / М.М. Бахтин // Вопросы литературы. —1974. — №3. — С. 234 — 407.

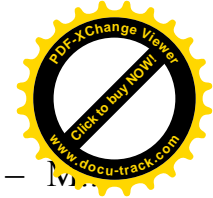
- Беляев, Е.А. Время и социальная активность субъекта [Текст] / Е.А. Беляев, Л.Н. Люблинская // Вестник Московского университета. Сер.8. Философия. - 1975. — № 6.
- Бенин, В.Л. Истина и культура философского мышления. 2-е изд. перераб и доп. [Текст] / В.Л. Бенин, В.С. Хазиев. – Уфа: Вагант, 2008. – 176 с.
- Бенин, В.Л. Педагогическая культура: философско-социологический анализ [Текст] / В.Л. Бенин. – Уфа: Баш.гос.пед.ин-т, 1997. – 144 с.
- Бенин, В.Л. Педагогическая культурология [Текст]: курс лекций: учеб. пособие для студентов, обучающихся по спец. 030500 – Проф. обучение / В.Л. Бенин; М-во образования и науки Рос. Федерации, Башк. гос. пед. ун-т; Рос. акад. образования, Урал. отд-ние. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2004. – 515 с.
- Бенин, В.Л. Три центральных категории к определению человеческой сущности [Текст] / В.Л. Бенин // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сб. научн. тр.– Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2004. – Вып.2. - С. 44 – 63.
- Бердяев, Н.А. Философия свободного духа [Текст] / Н.А. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 428 с.
- Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры: два философских введения в двадцать первый век [Текст] / В. С. Библер. – М.: Политиздат, 1990. – 413 с.
- Библер, В.С. На гранях логики культуры [Текст] / В.С. Библер. – М.: Русское феноменологическое общество, 1997. – 440 с.
- Бирженюк, Г.М. Основы социокультурного проектирования [Текст] / Г.М. Бирженюк, А.П. Марков. – СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный ун-т профсоюзов, 1997. – 153 с.
- Болгов, В.И. Бюджет времени при социализме [Текст] / В.И. Болгов. – М.: Наука, 1973 – 288 с.
- Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь: современная версия [Текст] / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – М.: Изд-во Эксмо, 2002. – 669 с.
- Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
- Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер. – М.: Высшая школа, 1993. – 177 с.
- Володин, Э.Ф. Специфика художественного времени [Текст] / Э.Ф. Володин // Вопросы философии. –1978. – №8. – С. 132 – 141.
- Восприятие пространства и времени [Текст]. – Л.: Наука, 1969. – 135 с.
- Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Космо-Психо-Логос. [Текст] / Г.Д. Гачев. – М.: Прогресс-культура, 1995. – 480 с.
- Грушин, В.А. Свободное время: актуальные проблемы [Текст] / В.А. Грушин. – М.: Мысль, 1967. – 175 с.
- Гумилев, Л.Н. Черная легенда: друзья и недруги Великой степи [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-пресс, 2005. – 576 с
- Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Институт ДИ-ДИК, 1997. – 640 с.

- Гумилев, Л.Н. Этносфера: история людей и история природы [Текст] / Л.Н. Гумилев. – М.: Экопресс, 1993. – 544 с.
- Гуревич, А.Я. Время как проблема истории культуры [Текст] / А.Я. Гуревич // Вопросы философии. –1969. – № 3. – С. 105 – 116.
- Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 372 с.
- Демидов, А.И. Основы политологии [Текст]: учеб. пособие / А.И. Демидов, А.А. Федосеева. — М.: Высш. шк., 1995. — 271 с.
- Доклад о развитии человека – 2005: международное сотрудничество на перепутье: помощь, торговля и безопасность в мире неравенства [Текст] : пер. с англ. — М.: Весь Мир, 2005. — 416 с.
- Доктрина Алена Даллеса - директора ЦРУ. Директива ЦРУ США 1945 г. – Режим доступа: URL: <http://test23.ru/index.php?stat=1190032772>. (Дата обращения: 24.08. 2010).
- Дулина, Н.В. Социокультурное пространство: определение понятия [Текст] / Н.В. Дулина, О.В. Естрина // Человек. Культура. Общество. – Волгоград: ВолгГТУ, 2007. – Вып.5. – с. 8 – 16.
- Елизарьев, Э.А. Время общества (Философский и социально-экономический аспект) [Текст] / Э.А. Елизарьев. – Новосибирск: Наука, 1969. – 192 с.
- Жукова, Е.Д. Понятие «мозаичная культура»: педагогический аспект [Текст] / Е.Д. Жукова // Профессиональная педагогика: категории, понятия, дефиниции: сб. научн. тр.– Екатеринбург: Изд-во РГППУ, 2004. – Вып.3. – С. 211 – 221.
- Зборовский, Г.Е. Досуг: действительность и иллюзии [Текст] / Г.Е. Зборовский, Г.П. Орлов. – Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 1970. – 232 с.
- Зборовский, Г.Е. Пространство и время как формы социального бытия [Текст] / Г.Е. Зборовский. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1974. – 222 с.
- Ильенков, Э.В. Философия и культура [Текст] / Э.В. Ильенков. – М.: Политиздат, 1991. – 463 с.
- Ильенков, Э.В. Что же такое личность? [Текст] / Э.В. Ильенков // С чего начинается личность. - М.: Политиздат, 1984. – С. 323 – 344.
- Каган, М.С. Время как философская проблема [Текст] / М.С. Каган // Вопросы философии. –1982. – № 10. – С. 117. – 124.
- Каган, М.С. Изобразительное искусство в сфере человеческого общения [Текст] / М.С. Каган // Советское искусствознание. – М.: «Советский художник», 1983. – Вып. 1. – С. 168 – 201.
- Каган, М.С. Мир общения: Проблема межсубъектных отношений [Текст] / М.С. Каган. – М.: Политиздат, 1988.– 319 с.
- Кант, И. Критика чистого разума [Текст] / И. Кант. – Минск: Литература, 1998. – 960 с.
- Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу (Становление греческой философии) [Текст] / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – 312 с

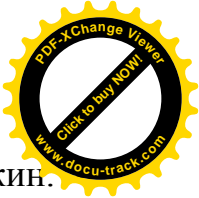
- Коган, Л.Н. Зло [Текст] / Л.Н. Коган. – Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 1992. – 110 с.
- Коган, Л.Н. Теория культуры [Текст] / Л.Н. Коган. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 160 с.
- Кокушко, Е.П. Современный терроризм: анализ современных направлений [Текст] / Е.П. Кокушко. – Минск: Харвест, 2000. – 448 с.
- Колинько, И.В. Социологические основы развития социокультурного пространства / И.В. Колинько – Режим доступа: URL: <http://test23.ru/index.php?stat=1190032772>. (Дата обращения: 12.10. 2009).
- Конрад, Н.И. Запад и Восток [Текст] / Н.И. Конрад. – М.: Наука, 1972. – 496 с.
- Конфликтология [Текст] : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям экономики и управления (060000) и гуманитарно-социальным специальностям (020000) / В.П. Ратников [и др.]; под ред. В.П. Ратников. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – 511 с.
- Культура и образование [Текст]: терминологический словарь / сост. В.Л. Бенин. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2008. – 205 с.
- Культурология XX век [Текст] : энциклопедия / редкол.: С.Я. Левит (гл. ред., сост. и авт. проекта) и др.. – СПб.: Университетская книга: Алетейя, 1998. – Т.1. - 447 с.
- Культурология XX век [Текст]: энциклопедия / редкол.: С.Я. Левит (гл. ред., сост. и авт. проекта) и др. – СПб.: Университетская книга: Алетейя, 1998. – Т.2. – 447 с.
- Культурология как наука: за и против [Текст] : круглый стол, Москва, 13 февраля 2008 г.. – СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. – 108 с.
- Левидов, А.М. Автор - образ – читатель [Текст] / А.М. Левидов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1977. – 360 с.
- Лой, А.Н. Социально-историческое содержание категорий «время» и «пространство» [Текст] / А.Н. Лой. – Киев: Наукова думка, 1978. – 135 с.
- Лотман, Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) [Текст] / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – С. 603 – 614.
- Лотман, Ю.М. Культура и взрыв [Текст] / Ю.М.Лотман. – М.: Гнозис, 1992. – 272 с.
- Лотман, Ю.М. О двух моделях коммуникации в системе культуры [Текст] / Ю.М. Лотман // Семиосфера. – СПб.: Искусство – СПб, 2001. – С. 666 – 668.
- Лотман, Ю.М. О семиосфере [Текст] / Ю.М. Лотман // Избранные статьи. – Таллин: Александра, 1992. – Т.1. – С. 11 – 24.
- Лотман, Ю.М. Проблема византийского влияния на русскую культуру в типологическом освещении [Текст] / Ю.М.Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство СПб, 2002. – С. 47 – 56.
- Львов, Д. Справедливость и духовный мир человека [Текст] / Д. Львов // Завтра. – 2007. – № 15.

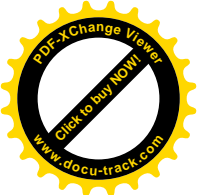
- Макиавелли, Н. Государь [Текст]: пер. с итал. / Н. Макиавелли. – М.: Планета, 1990. – 79 с.
- Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 годов [Текст] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. - М.: Изд-во политической литературы, 1974. – Т. 42. – С. 41 – 174.
- Матлина, С.Г. «Понять пространства внутренний избыток...» [Текст] / С.Г. Матлина // Публичная библиотека: пути инновационного развития: избр. – СПб.: Профессия, 2009. – 390 с.
- Мейендорф, И. Византия и Московская Русь [Текст] / И. Мейендорф. – Paris: YMCA-press, 1990. – 444 с.
- Моисеев, Н. «Мировая динамика» Форрестера и актуальные вопросы экологической эволюции [Текст] / Н. Моисеев // Форрестер, Дж. Мировая динамика / Дж. Форрестер. – М.: АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 264 – 290.
- Мосалев, Б.Г. Социокультурное многообразие: опыт целостного осмысления [Текст] / Б.Г. Мосалев. – М.: МГУК, 1998. – 168 с.
- Мясникова, Л.А. Тайна и смысл индивидуального бытия [Текст] / Л.А. Мясникова. – Екатеринбург: УрГУ, 1993. – 218 с.
- Нещименко, Г.П. К постановке проблемы «язык как средство трансляции культуры» [Текст] / Г.П. Нещименко // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 30 – 45.
- Ницше, Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле [Текст]: пер. с нем. / Ф. Ницше. – Минск: Харвест, 2003. – 384 с.
- Ницше, Ф. Так говорил Заратустра [Текст] / Ф. Ницше // Сочинения: в 2-х т. – М., 1990. – Т.2. – 829 с.
- Ньютон, И. Математические начала натуральной философии [Текст] / И. Ньютон. – М.; Л.: АН СССР, 1936. – 662 с.
- Оболенский, Д. Византийское Содружество Наций. Шесть византийских портретов [Текст] / Д. Оболенский. – М.: Янус – К, 1998. – 655 с.
- Ожегов, С.И. Словарь русского языка [Текст] : ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов. – М.: Рус. яз., 1986. – 797 с.
- Олейникова, О.Д. Соотношение образовательного пространства и социокультурной среды [Текст] / О.Д. Олейникова // Образование и культура в развитии современного общества: материалы международной научно-практической конференции. – Новосибирск: БАК, 2009. - Ч. 2– С. 649 – 653.
- Панарин, А.С. Искушение глобализмом [Текст] / А.С. Панарин. – М.: Русский национальный фонд, 2000. – 381 с.
- Патрушев, В.Д. Время как экономическая категория [Текст] / В.Д. Патрушев. – М.: Мысль, 1966. – 237 с.
- Педагогический энциклопедический словарь [Текст] / гл. ред. Б.М. Бим-Бад. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. – 528 с.

- Переслегин, С. Письма римскому клубу [Текст] / С. Переслегин, Н. Ютанов, Форрестер, Дж. Мировая динамика. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – С. 291 – 376.
- Поздняков, Э.А. Философия культуры [Текст] / Э.А. Поздняков. – М.: Интурреклама, 1999. – 576 с.
- Поршнева, Б.Ф. Социальная психология и история [Текст] / Б.Ф. Поршнева. – М.: Наука, 1966 – 211 с.
- Проблемы философии культуры [Текст]. – М.: Мысль, 1984. – 357 с.
- Пруденский, Г. А. Проблемы рабочего и вне рабочего времени [Текст] / Г.А. Пруденский. – М.: Наука, 1972 – 335 с.
- Розин, В. Семиотические исследования [Текст] / В. Розин. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2001. – 256 с.
- Российская педагогическая энциклопедия [Текст] : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1993.– Т.1 (А-М). — 608 с.
- Савельев, А.Н. Образ врага: от биологии к политологии [Текст] / А.Н. Савельев // Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня: хрестоматия. – Минск: Харвест, 2004. – С. 134 – 197.
- Сартр, Ж.-П. Бытие и ничто [Текст] / Ж.-П. Сартр // Философские науки. – 1989. – № 3. – С. 87 – 100.
- Сильвестров, В.В. Образовательный смысл современной культуры [Текст] / В.В. Сильвестров // Культура – традиции – образование: ежегодник. – М.: Науч.-исслед. ин-т культуры, 1990.
- Симбирцева, Н.А. Культурное пространство как фактор формирования личности [Текст] / Н.А. Симбирцева // Человек в мире культуры: VI Колосницынские чтения: сб. материалов Всерос. науч. конф. молодых ученых с междунар. участием, г. Екатеринбург, 16 апр. 2009 г. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009.
- Скобельцына, А.С. Внешние влияния в древнерусской культуре (X – нач. XIII вв.) [Текст] : диссертация ... кандидата культурологических наук. / А.С. Скобельцына. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 1998. – 186 с.
- Советская военная энциклопедия [Текст]: в 8-ми т. – М.: Воениздат, 1979. – Т. 4. – 665 с.
- Советская военная энциклопедия [Текст] : в 8-ми т. – М.: Воениздат, 1978. – Т. 5. – 687 с.
- Соколов, Э.В. Культура и личность [Текст] / Э.В. Соколов. – Л.: Наука, 1972. – 228 с.
- Соколов, А.В. Феномен социально-культурной деятельности [Текст] / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. – 203 с.
- Соловьев, В. Великий спор и христианская политика [Текст] / В. Соловьев // Византизм и славянство. Великий спор. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – С. 198 – 310.
- Сорокин, П.А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. — 560 с.

- Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: АСТРЕЛЬ, 2006. – 1176 с.
- Сорокин, П.А. Человек. Цивилизация. Общество [Текст] / П.А. Сорокин. – М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
- Суртаев, В.Я. Социокультурное пространство как ресурс формирования информационной культуры личности / В.Я. Суртаев. – Режим доступа: URL: http://confifap.cpic.ru/upload/2006/reports/tezis_689.doc. – (Дата обращения: 08.10.2009).
- Тавадов, Г.Т. Этнология [Текст] : учебник для вузов / Г.Т. Тавадов. – М.: Проект, 2004. – 352 с.
- Тихомирова, Л.В. Юридическая энциклопедия [Текст]. - Издание 5-е, дополненное и переработанное / Л.В. Тихомирова, М.Ю. Тихомиров. – М.: Издание Тихомирова М.Ю., 2001. – 972 с.
- Токарев, С.А. Ранние формы религии [Текст] / С.А. Токарев. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
- Топоров, В.Н. Пространство и текст [Текст] / В.Н. Топоров // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.
- Трубников, Н.Н. Проблема времени в свете философского мировоззрения [Текст] / Н.Н. Трубников // Вопросы философии. –1978. – №2. – С. 111 – 121.
- Уэллс, Г. История цивилизаций [Текст] / Г. Уэллс. – М.: ТЕРРА – Книжный клуб; СПб.: Северо-Запад, 2009. – 224 с.
- Филиппов, А. Пространство социальных событий: форматирование и транспонирование фигураций / А. Филиппов // Единство культурного пространства или сумма территорий? Понятие границы в историческом и современном контексте: третья ежегод. Межрегион. конф., г. Норильск, 25 нояб. 2006 г. – Режим доступа: URL: <http://www.prokhorovfund/rus/conferences/>. (Дата обращения: 08.10.2009).
- Философский энциклопедический словарь [Текст]. М.: Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.
- Флиер, А.Я. Культурология для культурологов [Текст] / А.Я. Флиер. – М.: Академический проект, 2000. – 458, [1] с.
- Флоренский, П.А. Анализ пространственности и времени в художественно-изобразительных произведениях [Текст] / П.А. Флоренский. – М.: Прогресс, 1993. – 321 с.
- Флоренский, П.А. Pro et contra: личность и творчество Павла Флоренского в оценке рус. мыслителей и исследователей: антология [Текст] / сост. Исупов, К.Г. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Изд-во Рус. Христианского гуманит. ин-та, 2001. – 823 с.
- Форрестер, Дж. Мировая динамика [Текст] / Дж. Форрестер. – М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. – 379, [5] с.
- Франк, С.Л. Духовные основы общества [Текст] / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.
- Хамахер, М. Великое противостояние [Текст] / М. Хамахер // Лит. газ. – 2008. – №6 (13. – 19 февр.)

- Хасанов, И.А. Две концепции времени [Текст] / И.А. Хасанов // Вопросы философии. – М.: Наука, 1966. – №1. – с. 59 – 67.
- Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1780-го года [Текст] / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 306 с.
- Храпченко, М.В. Художественное творчество, действительность, человек [Текст] / М.В. Храпченко. – М.: Советский писатель, 1978. – 368 с.
- Эйнштейн, А. Собрание научных трудов [Текст] : в 4 т. / А. Эйнштейн. – М.: Наука, 1965. – Т. 1. – 700 с.
- Этнопсихологические проблемы вчера и сегодня [Текст]: хрестоматия / сост. К.В. Сельченко. – Минск: Харвест, 2004. – 496 с.
- Яковлев, В.П. Социальное время [Текст] / В.П. Яковлев. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1980. – 160 с.